

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ / NATIONAL HEALTH

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Выходит 4 раза в год

№ 1 от 25.03.2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д-р мед. наук, проф., академик РАН
Порханов Владимир Алексеевич

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР

д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Филиппов Евгений Федорович (РФ, г. Краснодар)
Абакумова Ирина Владимировна (РФ, г. Краснодар)
Алексеев Сергей Николаевич (РФ, г. Краснодар)
Волков Юрий Григорьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону)
Авнесян Грант Михайлович (Армения, г. Ереван)
Андреев Эдуард Михайлович (РФ, г. Москва)
Антонович Иван Иванович (Беларусь, г. Минск)
Балалыкин Дмитрий Алексеевич (РФ, г. Москва)
Бойко Наталья Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону)
Гуменюк Сергей Евгеньевич (РФ, г. Краснодар)
Ермаков Павел Николаевич (РФ, г. Ростов-на-Дону)
Исанова Валида Адимовна (РФ, г. Казань)
Камилова Нигяр Мир-Наги (Азербайджан, г. Баку)
Кандыбович Сергей Львович (РФ, г. Рязань)
Ковелина Татьяна Афанасьевна (РФ, г. Краснодар)
Косяков Сергей Яковлевич (РФ, г. Москва)
Крутова Виктория Александровна (РФ, г. Краснодар)
Ляужева Светлана Аслановна (РФ, г. Майкоп)
Орлянский Вениамин (Австрия, г. Вена)
Петрий Петр Владимирович (РФ, г. Москва)
Плугина Мария Ивановна (РФ, г. Ставрополь)
Пусько Виталий Станиславович (РФ, г. Москва)
Соловьева Ольга Владимировна (РФ, г. Ставрополь)
Хитарьян Александр Георгиевич (РФ, г. Ростов-на-Дону)
Шажинбат Ариунаа (Монголия, г. Улан-Батор)
Шефель Сергей Викторович (РФ, г. Симферополь)
Шингаров Георгий Христович (РФ, г. Москва)

Журнал Национальное здоровье / National Health включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

- Министерство Здравоохранения Краснодарского края;
- ГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава Российской Федерации;
- ИП Бугаенко Юлия Юрьевна

Регистрационный номер – Эл № ФС77-82307 от 10 декабря 2021 г. Выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Редакция расположена по адресу:
350000, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Дальняя, д. 8/2, оф. 4

Контакты редакции:
8(988)167-67-67
8(989)819-19-19

www.national-zdorov.ru
national-zdorov@mail.ru

Редакция соблюдает принципы Международной организации «Комитет по издательской этике» (Committee on Publication Ethics – COPE)

Автор(ы) гарантирует(ют), что публикуемое произведение не является плагиатом, не содержит государственную тайну и исключительные права на данное произведение ранее не переданы третьему лицу, а также не содержит запрещенных к открытой публикации материалов в строгом соответствии с национальными законодательствами и внутренними программами в области экспортного контроля.

16+

CO-FOUNDERS:

- Ministry of Health of Krasnodar territory;
- State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation;
- PE Bugaenko Julia Yurievna.

Registration number – ЭЛ № ФС77-82307 of december 10, 2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Editorial office is located at the address:
350000, Krasnodar territory, Krasnodar, Dal'naya st., 8/2, of. 4

Editorial contacts:
8(988)167-67-67
8(989)819-19-19

www.national-zdorov.ru

national-zdorov@mail.ru

The editorial board observes the principles of the Committee on Publication Ethics (COPE)

The author(s) guarantees that the published work does not plagiarize, does not contain state secrets, and the exclusive rights to this work have not been previously transferred to a third party, and does not contain materials that are prohibited for publication in strict accordance with the national legislation and internal programs in the field of export control

16+

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ / NATIONAL HEALTH

ONLINE EDITION

Published 4 times a year

№ 1 from 25/03/2023

EDITOR-IN-CHIEF

Prof., Dr. of Medicine, Academician of the Russian Academy of Sciences
Vladimir A. Porkhanov

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Ph.D. in Philosophy, Associate Prof
Yulia Yu. Bugaenko

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. in Social Sciences, Prof.
Mikhail Yu. Popov

EDITORIAL MANAGER

Elena A. Shelkova

EDITORIAL BOARD:

Evgeny F. Filippov (Russian Federation, Krasnodar)
Irina V. Abakumova (Russian Federation, Krasnodar)
Sergey N. Alekseenko (Russian Federation, Krasnodar)
Yuriy G. Volkov (Russian Federation, Rostov on Don)
Grant M. Avnessyan (Armenia, Yerevan)
Eduard M. Andreev (Russian Federation, Moscow)
Ivan I. Antonovich (Belarus, Minsk)
Dmitry A. Balalykin (Russian Federation, Moscow)
Natalya V. Boyko (Russian Federation, Rostov on Don)
Sergey E. Gumenyuk (Russian Federation, Krasnodar)
Pavel N. Ermakov (Russian Federation, Rostov on Don)
Valida A. Isanova (Russian Federation, Kazan)
Nigar Mir-Naghi Kamilova (Azerbaijan, Baku)
Sergey L. Kandybovich (Russian Federation, Ryazan)
Tatyana A. Kovelina (Russian Federation, Krasnodar)
Sergey Ya. Kosyakov (Russian Federation, Moscow)
Viktoriya A. Krutova (Russian Federation, Krasnodar)
Svetlana A. Lyausheva (Russian Federation, Maikop)
Veniamin Orlyansky (Austria, Vienna)
Petr V. Petriy (Russian Federation, Moscow)
Maria I. Plugina (Russian Federation, Stavropol)
Vitaliy S. Pusko (Russian Federation, Moscow)
Olga V. Solovyova (Russian Federation, Stavropol)
Aleksandr G. Khitaryan (Russian Federation, Rostov on Don)
Shazhinbat Ariunaa (Mongolia, Ulan Bator)
Sergey V. Shefel (Rostov on Don, Simferopol)
Georgy Kh. Shingarov (Russian Federation, Moscow)

Journal National Health is included in the list of peer-reviewed scientific journals, which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Порханов Владимир Алексеевич,

академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой онкологии с курсом торакальной хирургии, Кубанский государственный медицинский университет, главный врач, ГБУЗ Научно-исследовательский институт — «Краевая клиническая больница № 1 им. профессора С.В. Очаповского» Министерства здравоохранения Краснодарского края, г. Краснодар.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Филиппов Евгений Федорович,

доктор медицинских наук, министр здравоохранения Краснодарского края, г. Краснодар.

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону.

Алексеев Сергей Николаевич,

доктор медицинских наук, профессор, ректор, Кубанский государственный медицинский университет Минздрава Российской Федерации, г. Краснодар.

Волков Юрий Григорьевич,

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, директор Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Авнесян Грант Михайлович,

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, Армения.

Андреев Эдуард Михайлович,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва.

Антонович Иван Иванович,

Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь.

Балалыкин Дмитрий Алексеевич,

доктор медицинских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории медицины, истории отечества и культурологии, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, г. Москва.

Бойко Наталья Владимировна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры оториноларингологии, Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону.

Гуменюк Сергей Евгеньевич,

доктор медицинских наук, профессор, декан педиатрического факультета, Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Краснодар.

Ермаков Павел Николаевич,

академик Российской академии образования, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Исанова Валида Адимовна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры неврологии и нейрохирургии ФПК и ППС, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань.

Камилова Нияр Мир-Наги,

доктор медицинских наук, профессор кафедры акушерства-гинекологии Азербайджанский медицинский университет, Азербайджан, г. Баку.

Кандыбович Сергей Львович,

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра практической психологии и психологической службы, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Ковелина Татьяна Афанасьевна,

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, психологии и педагогики, Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар.

Косяков Сергей Яковлевич,

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии, Российская медицинская академия непрерывного последипломного образования.

Крутова Виктория Александровна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры акушерства, гинекологии и перинатологии ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России, проректор по лечебной работе и последипломному обучению ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России.

Ляшова Светлана Аслановна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп.

Орлянский Вениамин,

доктор медицинских наук, профессор, Health Service Center-Wiener Privatklinik. Австрия, г. Вена.

Петрий Петр Владимирович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения, Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва.

Плугина Мария Ивановна,

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь.

Пусько Виталий Станиславович,

доктор философских наук, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва.

Соловьева Ольга Владимировна,

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры коррекционной психологии и педагогики, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Хитарьян Александр Георгиевич,

доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделением хирургии, заведующий кафедрой хирургических болезней номер 3, Дорожная клиническая больница, г. Ростов-на-Дону.

Шажинбат Ариунаа,

доктор философских наук, профессор, директор Института философии Монгольской Академии наук, Монголия, г. Улан-Батор.

Шефель Сергей Викторович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь.

Шингаров Георгий Христович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Современная гуманитарная академия, г. Москва.

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir A. Porkhanov,

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Medicine, Professor, Head of the Department of Oncology with a Course of Thoracic Surgery, Kuban State Medical University, Head Doctor, Krasnodar State Budgetary Institution Scientific Research Institute – «Regional Clinical Hospital № 1 named after Professor S.V. Ochapovsky» Ministry of Health of the Krasnodar region, Krasnodar.

EDITORIAL BOARD:

Evgeny Fedorovich Filippov,

Doctor of Medicine, Minister of Health of Krasnodar region, Krasnodar.

Abakumova Irina Vladimirovna,

Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Head of the Department of General and Consulting Psychology of Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, Rostov-on-Don.

Alekseenko Sergey Nikolaevich,

Doctor of Medicine, Professor, Rector, Kuban State Medical University, Ministry of Health Care of the Russian Federation, Krasnodar.

Yuri Grigorievich Volkov,

Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don.

Grant Mikhailovich Avnesyan,

Doctor of Psychology, Professor, Head of the General Psychology Department, Yerevan State University, Armenia.

Andreev Eduard Mikhailovich,

Doctor in Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Center for Research Methodology of Social and Political Processes of Eurasian Integration, Institute for Social and Political Studies, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Antonovich Ivan Ivanovich,

Honored Scientist of the Republic of Belarus, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Republic of Belarus.

Balalykin Dmitriy Alekseyevich,

Doctor of Medicine, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Medicine, History of Fatherland and Cultural Studies, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow.

Boyko Natalia Vladimirovna,

Doctor of Medicine, Professor, Department of Otorhinolaryngology, Rostov State Medical University, Rostov-on-Don.

Gumenyuk Sergey Evgenyevich,

Doctor in Medicine, Professor, Dean of the Faculty of Pediatrics, Kuban State Medical University, Ministry of Health Care of Russia, Krasnodar.

Ermakov Pavel Nikolaevich,

Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Isanova Valida Adimovna,

Doctor of Medicine, Professor of the Department of Neurology and Neurosurgery, FPC and PPS, Kazan State Medical University, Kazan.

Kamilova Nigar Mir-Nagi,

Doctor of Medicine, Professor of the Chair of Obstetrics-gynecology, Azerbaijan Medical University, Baku, Azerbaijan.

Kandybovich Sergey L'vovich,

Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Research Center for Practical Psychology and Psychological Service, Ryazan State University named after S.A. Esenin, Ryazan.

Kovelina Tatiana Afanasievna,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Psychology and Pedagogy, Kuban State Medical University, Krasnodar.

Kosyakov Sergey Yakovlevich,

Doctor of Medicine, Professor, Head of the Department of Otorhinolaryngology, Russian Medical Academy of Continuing Postgraduate Education.

Krutova Viktoriya Alexandrovna,

Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Obstetrics, Gynecology and Perinatology of the Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Vice-Rector for Medical Work and Postgraduate Education of the Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

Lyausheva Svetlana Aslanovna,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adygeyan State University, Maykop.

Veniamin Orlyansky,

Doctor in Medicine, Professor, Health Service Center-Wiener Privatklinik, Austria, Vienna.

Petriy Petr Vladimirovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow.

Plugina Maria Ivanovna,

Doctor of Psychology, Professor, Head of the Chair of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University, Stavropol.

Pusko Vitaly Stanislavovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Political Science, Bauman Moscow State Technical University, Moscow.

Solovyova Olga Vladimirovna,

Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Corrective Psychology and Pedagogy, North Caucasus Federal University, Stavropol.

Khitaryan Alexander Georgievich,

Doctor of Medicine, Professor, Head of the Department of Surgery, Head of the Department of Surgical Diseases Number 3, Dorozhnaya Clinical Hospital, Rostov-on-Don.

Shazhinbat Ariunaa,

Doctor in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia, Ulaanbaatar.

Shefel Sergey Viktorovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol.

Shingarov Georgiy Khristovich,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Philosophy Department, Modern Humanitarian Academy, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

<i>Магомедова М.А., Газимагомедова М.М., Халилова Х.Х., Ибрагимова С.Х., Арбуханова М.С., Гамзаева Г.Н.</i> Полиморфизм гена «МСМ6: -13910 Т>С» при врожденном вывихе тазобедренного сустава	11
<i>Песчаный В.Г.</i> Опыт совершенствования консервативного лечения детей с хроническим тонзиллитом	15
<i>Сухотерин Д.М., Сухотерина Е.Г., Холод Е.А.</i> Анализ влияния самоизоляции и карантина на психологическое состояние и мотивацию обучающихся	20
<i>Сухотерин Д.М., Сухотерина Е.Г., Пятибрат А.О., Шипилов Ю.И., Холод Е.А.</i> Характеристика трудовой мотивации и личностных особенностей пожарных-спасателей	24

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Болдырев А.С., Зиников Р.Р., Волкова М.П.</i> Коммуникационные факторы построения личностного общения	28
<i>Иванчихина О.В.</i> Вода в рационе стройнеющих людей, как недооцененный компонент пищи в период работы над весом. Правила приема воды и режим. Роль воды в рационе человека	32
<i>Ивашина П.В.</i> Особенности интеллекта и формально-динамических характеристик у людей, принимающих различные типы психоактивных веществ	36
<i>Куцырева М.А.</i> Особенности самооценки экспертами своего состояния при прослушивании речевого сообщения в зависимости от характеристик речевого сообщения и физиологических показателей говорящего	40
<i>Мазанкина Е.В.</i> Отношение к здоровью врачей-ординаторов	45
<i>Макарова Е.А., Осадчая А.В., Абросимова Е.Б.</i> Буллинг – социально-психологический феномен современной образовательной среды	50
<i>Ротарь М.В., Дёмин А.Н.</i> Переживание экзистенциальных проблем в кризисах профессионального становления личности	62
<i>Семилетова В.А., Волюнкина Е.А., Кунгурова Д.М., Нагибина Н.А.</i> Исследование вариабельности сердечного ритма человека под влиянием sand-art терапии	69

<i>Трушкина К.В.</i>	
Психолого-историческая реконструкция особенностей личности и индивидуального стиля научной деятельности В.А. Кольцовой	75
<i>Ханова З.Г., Казиева Н.Н.</i>	
Проблема профессиональной успешности у женщин	80
<i>Щербакова Н.В.</i>	
Смысложизненные ориентации в студенческом возрасте	84

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Аракельян А.А., Слезко Т.В., Харитонова И.О.</i>	
Социально-психологическая работа с семьями, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья	87
<i>Воробьева С.А., Завершинская Н.А., Пучкова И.С., Черных Т.Ф.</i>	
Трансформация идеи здоровья человека в контексте нового экологического сознания	91
<i>Евченко О.С.</i>	
Особенности влияния национальной культуры на корпоративную культуру в России	98
<i>Лин Яньюй</i>	
Концепт ДУША в русской и китайской языковых картинах мира	103
<i>Кузьмичева Л.Н., Харитонова И.О.</i>	
Патриотизм в истории русской философии	107

CONCEPT

MEDICAL SCIENCES

<i>Madina A. Magomedova, Madinat M. Gazimagomedova, Khadizhat Kh. Khalilova, Zagirat Kh. Ibragimova, Mika S. Arbukhanova, Gulnara N. Gamzayeva</i> Polymorphism of the gene «MCM6: -13910 T>C» in congenital dislocation of the hip joint	11
<i>Vladimir G. Peschany</i> Experience of perfection of conservative treatment of children with the chronic tonsillitis	15
<i>Dmitry M. Sukhoterlin, Elena G. Sukhoterina, Elena A. Kholod</i> Analysis of the impact of self-isolation and quarantine on the psychological state and motivation of students	20
<i>Dmitry M. Sukhoterlin, Elena G. Sukhoterina, Alexander O. Pyatibrat, Yuri I. Shipilov, Elena A. Kholod</i> Characteristics of work motivation and personal characteristics of firefighters-rescuers	24

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Anton S. Boldyrev, Ramil R. Zinikov, Margarita P. Volkova</i> Communication factors of building personal communication	28
<i>Olga V. Ivanchikhina</i> Water in the diet of overweight people as an underestimated component of nutrition during the period of weight loss. Water intake rules and regime. The role of water in human nutrition	32
<i>Polina V. Ivashina</i> Features of intelligence and formal-dynamic characteristics in people taking various types of psychoactive substances	36
<i>Maria A. Kutsyreva</i> Features of experts' self-assessment of their condition when listening to a speech message, depending on the characteristics of the speech message and the physiological indicators of the speaker	40
<i>Elena V. Mazankina</i> Attitude to the health of resident doctors	45
<i>Elena A. Makarova, Anastasia V. Osadchaya, Elena B. Abrosimov</i> Bullying as socio-psychological phenomenon of modern educational environment	50
<i>Mikhail V. Rotar, Andrey N. Demin</i> Experience of existential problems in crises of professional development of personality	62
<i>Vera A. Semiletova, Ekaterina A. Volynkina, Darya M. Kungurova, Natalia A. Nagibina</i> Study of human heart rate variability under the influence of sand-art therapy	69

<i>Kseniya V. Trushkina</i> Psychological and historical reconstruction of personality features and individual style of scientific activity of V.A. Koltsova	75
<i>Zoya G. Khanova, Nurzhagan N. Kazieva</i> The problem of professional success in women	80
<i>Natalia V. Shcherbakova</i> Meaningful life orientations in student age	84

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Anna A. Arakelyan, Tamara V. Slezko, Ilona O. Kharitonova</i> Social and psychological work with families with children with disabilities	87
<i>Svetlana A. Vorobieva, Nataliya A. Zavershinskaia, Irina S. Puchkova, Tatiana F. Chernych</i> Transformation of the human health idea in the context of new ecological consciousness	91
<i>Olga S. Evchenko</i> Peculiarities of the influence of national culture on corporate culture in Russia	98
<i>Lin Yanyu</i> The concept of the SOUL in the Russian and Chinese worldviews	103
<i>Lyudmila N. Kuzmicheva, Ilona O. Kharitonova</i> Patriotism in the history of russian philosophy	107

УДК 616.728.2-001.6-053.1-056.7-07:575.17.015.3
DOI 10.34853/NZ.2023.35.12.001

**ПОЛИМОРФИЗ ГЕНА «MCM6: -13910 T>C»
ПРИ ВРОЖДЕННОМ ВЫВИХЕ ТАЗОБЕДРЕННОГО СУСТАВА**

●●●●●

**POLYMORPHISM OF THE GENE «MCM6: -13910 T>C»
IN CONGENITAL DISLOCATION OF THE HIP JOINT**

Магомедова Мадина Алиасхабовна
профессор РАЕ,
доцент кафедры общей
и биологической химии,
Дагестанский государственный
медицинский университет
madi1975@bk.ru

Madina A. Magomedova
Professor of RAE,
Associate Professor of the Department
of General and Biological Chemistry,
Dagestan State Medical University
madi1975@bk.ru

Газимагомедова Мадинат Магомедовна
доцент кафедры
общей и биологической химии,
Дагестанский государственный
медицинский университет
m.dgma@mail.ru

Madinat M. Gazimagomedova
Associate Professor of the Department
of General and Biological Chemistry,
Dagestan State Medical University,
m.dgma@mail.ru

Халилова Хадижат Халиловна
студент,
Дагестанский государственный
медицинский университет
m.dgma@mail.ru

Khadizhat Kh. Khalilova
Student,
Dagestan State Medical University
m.dgma@mail.ru

Ибрагимова Сагират Хаджимуратовна
студент,
Дагестанский государственный
медицинский университет
sagirat_ibr68@icloud.com

Zagirat Kh. Ibragimova
Student,
Dagestan State Medical University
sagirat_ibr68@icloud.com

Арбуханова Мика Сапиюллаевна
доцент кафедры
общей и биологической химии,
Дагестанский государственный
медицинский университет
mika1956@mail.ru

Mika S. Arbukhanova
Associate Professor of the Department
of General and Biological Chemistry,
Dagestan State Medical University
mika1956@mail.ru

Гамзаева Гульнара Наримановна
участковый терапевт,
Государственное бюджетное
учреждение Республики Дагестан,
Поликлиника № 3
gulnara37@mail.ru

Gulnara N. Gamzayeva
District Therapist,
State Budgetary Institution
of the Republic of Dagestan,
Polyclinic № 3
gulnara37@mail.ru

Аннотация. Врожденный вывих бедра является тяжелым врожденным дефектом. Данное заболевание встречается у девочек в 5–10 раз чаще, чем у мальчиков. Двустороннее поражение встречается в 1,5–2 раза реже одностороннего. Многочис-

ленные современные исследования показали, что в основе врожденного вывиха бедра лежит дисплазия (т.е. нарушение нормального развития элементов тазобедренного сустава) в период внутриутробного развития. Эти первичные нарушения вызывают вторичные – недоразвитие костей таза, полное разобщение суставных поверхностей, головка бедра выходит из суставной впадины и уходит в сторону и вверх, замедление окостенения (оссификации) костных элементов сустава и др. Исследования проводились в селении Зило Ботлихского района, всего было обследовано 83 человека и группа контроля из 32 человек. Генетическое исследование полиморфизма гена MCM6: -13910 T> C у детей было проведено методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) с последующим рестрикционным анализом. Было проведено исследование роста, веса и жизненной емкости легких и определен уровень витамина D при помощи SCREEN TEST VITAMINA D RAPID TEST (Италия) и подсчитан индекс массы тела.

Ключевые слова:

дети, ген, витамин D, жизненная емкость легких, рост, вес, ИМТ.

Annotation.

Congenital dislocation of the hip is a severe birth defect. This disease occurs in girls 5–10 times more often than in boys. Bilateral lesion occurs 1.5–2 times less often than unilateral. Numerous modern studies have shown that congenital hip dislocation is based on dysplasia (i.e., a violation of the normal development of the elements of the hip joint) during fetal development. These primary disorders cause secondary ones – underdevelopment of the pelvic bones, complete separation of the articular surfaces, the femoral head comes out of the articular cavity and goes to the side and up, slowing down the ossification (ossification) of the bone elements of the joint, etc. The studies were carried out in the village of Zilo, Botlikh district, in total, 83 people were examined and a control group of 32 people. A genetic study of the polymorphism of the MCM6 gene: -13910 T> C in children was carried out by polymerase chain reaction (PCR) followed by restriction analysis. A study of height, weight and vital capacity of the lungs was carried out and the level of vitamin D was determined using the SCREEN TEST VITAMINA D RAPID TEST (Italy) and the body mass index was calculated.

Keywords:

children, gene, vitamin D, lung capacity, height, weight, BMI.

Генофонд популяций нашей республики формировался в ходе долговременных контактов между народами, проживающими в районах с различными условиями и обладающих самобытными элементами культуры и традиций. Исследование основных характеристик генофонда является одной из задач этнической геномики. Изменчивость каждого из геномных регионов характеризует отдельную историческую родословную линию, сложившуюся под влиянием факторов внешней среды. Задачей настоящей работы явилось молекулярно-генетическое изучение MCM6: -13910 T> C у жителей Ботлихского района.

Исследования проводились в селении Зило Ботлихского района, всего было обследовано 83 человека и группа контроля из 32 человек. Генетическое исследование полиморфизма гена MCM6: -13910 T> C у детей было проведено методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) с последующим рестрикционным анализом. Было проведено исследование роста, веса и жизненной емкости легких и определен уровень витамина D при помощи SCREEN TEST VITAMINA D RAPID TEST (Италия) и подсчитан индекс массы тела.

Исследование проведено с соблюдением Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации и федерального закона номер №323 ФЗ 21.11.2011. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»

Мутация rs776037433 T>C расположена в гене MCM6 и представляет собой однонуклеотидную замену «Т» на «С» в позиции 135,852,888 в хромосоме 2.

Витамин D-рецепторы экспрессируются в кишечнике, щитовидной железе и почках и играют жизненно важную функцию в гомеостазе кальция. Наследственные мутации в гене VDR приводят к рахиту, который характеризуется мышечной слабостью, отставанием в росте, деформацией костей и вторичным гиперпаратиреозом. Человеческий ген, кодирующий рецептор витамина D локализован на хромосоме 12q12-q14. В данной статье представлены результаты статистического анализа сравнения всех показателей по группам переменной «Диагноз», которая состоит из двух групп со значениями: «Контроль» и «Врожденный вывих тазобедренного сустава» с числами наблюдений 32 (27,8 %) и 83 (72,2 %) соответственно. Целью данного анализа является проверка нулевой статистической гипотезы о равенствах распределений в груп-

пах, а также выявление тех показателей, для которых нулевая гипотеза отвергается в пользу альтернативной с подтверждением наличия статистически значимых различий между группами. Для сравнения по количественным показателям используется непараметрический критерий Манна-Уитни, а для сравнения по бинарным и номинальным переменным – критерий Хи-квадрат Пирсона [1–5]. Далее представлены результаты статистического анализа сравнения двух групп по количественным показателям.

Таблица 1.2

Сравнение двух групп по количественным показателям (средние ± среднеквадратичные отклонения)

Показатель	Диагноз		Уровень P
	Контроль (N = 32)	Врожденный вывих тазобедренного сустава (N = 83)	
Личные данные			
Возраст, лет	10,94 ± 3,32	14,34 ± 10,86	0,2802
Витамин D	26,88 ± 7,38	22,05 ± 9,85	0,0141
Жизненная ёмкость легких	2218,75 ± 1101,15	2307,23 ± 1123,99	0,6564
Рост, см	155,09 ± 10,70	140,30 ± 15,99	< 0,0001
Вес, кг	48,84 ± 12,49	35,48 ± 12,79	< 0,0001
ИМТ	20,06 ± 4,15	17,44 ± 3,41	0,0008
MCM6: -13910 T>C			
Аллель T	0,62 ± 0,55	0,48 ± 0,61	0,1602
Аллель C	1,38 ± 0,55	1,52 ± 0,61	0,1602

На основании таблицы 1.1 и рисунка 1.1 можно сделать вывод о том, что в категории «Личные данные» 4 из 6 показателей статистически значимо различаются между двумя сравниваемыми группами. Наиболее значимые различия обнаружены для показателя «ИМТ» в группе «Контроль» по отношению к группе «Врожденный вывих тазобедренного сустава» (в среднем на 2,6; P = 0,0008); показателя «Вес, кг» в группе «Контроль» по отношению к группе «Врожденный вывих тазобедренного сустава» (в среднем на 13,4 кг; P < 0,0001); показателя «Рост, см» в группе «Контроль» по отношению к группе «Врожденный вывих тазобедренного сустава» (в среднем на 14,8 см; P < 0,0001). По аллелям генов «MCM6: -13910 T>C» все показатели статистически значимо не различаются между двумя сравниваемыми группами.

На основании таблицы 1.2 можно сделать вывод о том, что по данному показателю не обнаружены статистически значимые различия между группами «Контроль» и «Врожденный вывих тазобедренного сустава». Наибольшие различия между группами наблюдаются по значению «СС», которое преимущественно встречается в группе «Врожденный вывих бедра» по сравнению с группой «Контроль» (57,83 % vs 40,62 %) соответственно). Наименьшее различие между группами наблюдается по значению «ТТ».

Таблица 1.2

Распределение показателя «MCM6: -13910 T>C» в зависимости от распределения переменной «Диагноз» (число человек и проценты).

Генотип MCM6: -13910 T>C	Диагноз		Уровень P, (df = 2)
	Контроль, (N = 32)	Врожденный вывих тазобедренного сустава, (N = 83)	
СС	13 (40,62 %)	48 (57,83 %)	0,1424
ТС	18 (56,25 %)	30 (36,14 %)	
ТТ	1 (3,12 %)	5 (6,02 %)	

Таблица 1.3

Уравнение Харди-Вайнберга для исследуемых групп

Генотип MCM6: -13910 T>C	Наблюдаемые частоты	Ожидаемые частоты	Наблюдаемое количество	Ожидаемое количество	Уровень P
СС	0,53	0,53	61	61,0	
ТС	0,42	0,40	48	45,5	
ТТ	0,05	0,07	6	8,5	0,7058

На основании таблицы можно сделать выводы, что наблюдаемое количество генотипов статистически достоверно не различается с ожидаемым количеством.

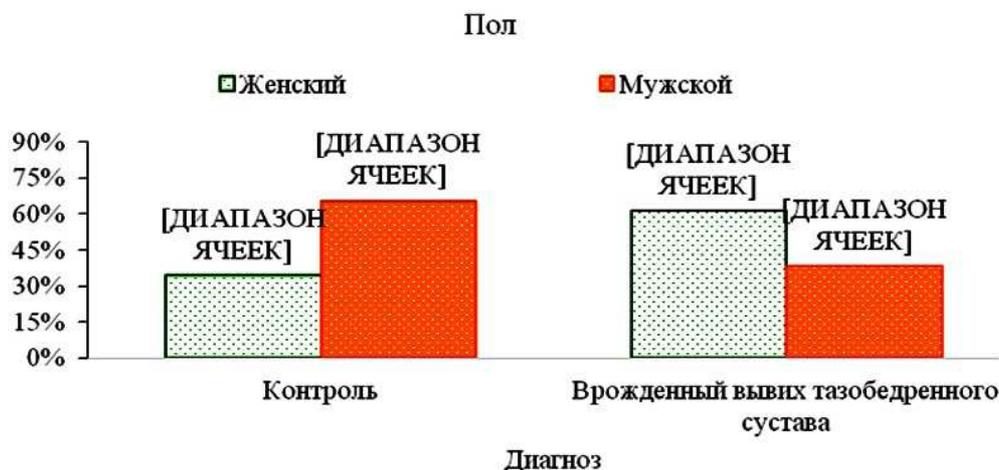

Рисунок 1.1 – Структура соотношений показателя «Пол» в группах сравнения «Диагноз»

На основании проведенных исследований можно сделать вывод что преимущественно заболевание встречается у женщин.

Литература:

1. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. – 3-е изд. – М. : ООО «Бином-Пресс», 2007. – 512 с.
2. Вуколов Э.А. Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов «Statistica» и «Excel». – М. : Форум, 2004. – 464 с.
3. Боровиков В. STATISTICA: искусство анализа данных на компьютере (с CD-ROM). – 2 издание. – Питер, 2003.
4. Реброва О. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. – М. : МедиаСфера, 2002.
5. Магомедова М.А. Полиморфизм гена «VDR: -283 A>G» у детей с умственной отсталости легкой степени. Сборник конференции «Молекулярная биология и генетические технологии в персонализированной медицине». – 2023. – С. 20–24.

Literature:

1. Khalafyan A.A. STATISTICS 6. Statistical analysis of data. – 3rd ed. – M. : Binom-Press LLC, 2007. – 512 p.
2. Vukolov E.A. Fundamentals of statistical analysis. Workshop on statistical methods and operations research using the packages «Statistica» and «Excel». – M. : Forum, 2004. – 464 p.
3. Borovikov V. STATISTICA: The Art of Computer Data Analysis (with CD-ROM). – 2nd edition. – Peter, 2003.
4. Rebrova O. Statistical analysis of medical data. Application of the application package STATISTICA. – M. : MediaSphere, 2002.
5. Magomedova M.A. Polymorphism of the VDR: -283 A>G gene in children with mild mental retardation. Collection of the conference «Molecular biology and genetic technologies in personalized medicine». – 2023. – P. 20–24.

ОПЫТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМ ТОНЗИЛЛИТОМ

EXPERIENCE OF PERFECTION OF CONSERVATIVE TREATMENT OF CHILDREN WITH THE CHRONIC TONSILLITIS

Песчаный Владимир Григорьевич
кандидат медицинских наук,
врач-оториноларинголог,
ЗАО «Центр аллергии и иммунологии»
peschanyvladimir35@rambler.ru

Vladimir G. Peschany
Candidate of Medical Sciences,
Otorhinolaryngologist,
CJSC «Center of an Allergy and Immunology»
peschanyvladimir35@rambler.ru

Аннотация. Автором изучено влияние различных препаратов на эффективность комплексной терапии хронического тонзиллита у детей. Методика лечения включала полоскание горла раствором «Хлорофиллипта», препарат «Тонзилотрен», освещение ротоглотки коротковолновым ультрафиолетовым светом, сантиметровую волновую терапию, ультрафонофорез гидрокортизона на область небных миндалин и бициллинотерапию. В первой и второй группах в неё были добавлены иммуномодуляторы «Ликопид» и «Полиоксидоний» в стандартной дозировке, в третьей группе – Аммония глицирризинат. После лечения у пациентов отмечались регресс основных местных симптомов заболевания, увеличение относительной и абсолютной концентраций CD4+-лимфоцитов, соотношения CD4+/CD8+-клеток, показателей фагоцитоза, бактерицидности, метаболической активности нейтрофилов в NBT-тесте, снижение уровня антистрептолизина-О. Выраженный иммуностропный эффект наблюдался у пациентов, принимавших препараты «Ликопид» или «Полиоксидоний». Комплексное исследование системного иммунитета актуально при диагностике хронического тонзиллита, разработке тактики лечения и оценке его эффективности.

Ключевые слова:

хронический тонзиллит, дети, консервативное лечение, иммунитет.

Annotation.

The author studies influence of various drugs on efficacy of complex therapy of a chronic tonsillitis at children. The methodic of treatment included rinsing of a throat by solution of «Chlorophylliptum», drug of «Tonsilotren», illumination of oropharyngx a short-wave ultraviolet light, centimetric wave therapy, ultraphonophorese of hydrocortisonum on area of palatine tonsils and bicillinotherapy. In the first and second groups in it have been added immunomodulators of «Licopid» and «Poliyoxidonium» in a standard dosage, in thirds group – Ammonium glycyrrhisinate. After treatment at patients were marked regression of the basic local symptoms of disease, increase of relative and absolute concentrations of CD4+-lymphocytes, correlation of CD4+/CD8+-cells, indexes of phagocytosis, bacteriocidal and metabolic activity of neutrophils in the NBT-tests, decrease of level of antistreptolysin-O. The expressed immunotropical effect was observed at patients, taking over drugs of «Licopid» or «Poliyoxidonium». Complex research of system immunity actually at diagnostics of a chronic tonsillitis, working out of tactics of treatment and an assessment of its efficacy.

Keywords: chronic tonsillitis, children, conservative treatment, immunity.

Хронический тонзиллит (ХТ) часто встречается в детском возрасте, характеризуется сложностью механизмов развития, многообразием клинических вариантов и сопряжённой патологии. Он является проявлением вторичного иммунодефицитного состояния (ИДС), сопровождается различными изменениями системного и местного иммунитета [1–3]. У детей при возникновении ревматических осложнений часто наблюдается их более тяжелое, рецидивирующее течение. Точно оценить вероятность их появления сложно, так как они могут развиваться на фоне вялотекущего ХТ с редкими обострениями [1, 2, 4, 5].

Консервативное лечение этого заболевания разнообразно, однако не всегда обеспечивает выздоровление или длительную ремиссию. Оно носит комплексный характер, часто включает физиотерапевтическое воздействие на небные миндалины (НМ), иммуномодуляторы [1–3]. Из-за распространённости и тяжести системных заболеваний стрептококковой этиологии профилактическая бициллинотерапия в ряде случаев остаётся актуальной [4, 6]. В лечении хронического воспаления различной этиологии возможно применение препаратов глицирризина [7].

Цель исследования: разработать комплекс лечебно-диагностических мероприятий для профилактики аутоиммунных осложнений у детей с ХТ.

Материалы и методы: проведён анализ отдалённых результатов комбинированной терапии пациентов с декомпенсированным ХТ и уровнями антистрептолизина-О (АСЛО) ≥ 600 МЕ/мл.

В период клинической ремиссии школьникам провели 2 курса лечения с интервалом в 6 месяцев. Авторская схема включала:

- 1) полоскание горла 1 % спиртовым р-ром Хлорофиллипта (1:10) 3 р/день, 2 недели;
- 2) рассасывание препарата «Тонзилотрен» по стандартной схеме, 2 недели;
- 3) сочетали КУФ, СМВ-терапию и ультрафонофорез гидрокортизона на область НМ ($T_{\text{курса}} = 5\text{--}7$ процедур);
- 4) для профилактики ревматических болезней по рекомендации кардиолога применяли Бициллин-5 1.200.000 ЕД в/м 1 р/3 нед. (№ 3 или 5);
- 5) дети были разделены на одинаковые группы по 20 человек, в 1-й из них был назначен иммуномодулятор «Ликопид» по 1 мг внутрь, утром, 10 дней, во 2-й – препарат «Полиоксидоний» в возрастной дозировке, 10 дней; в 3-й – Аммония глицирризинат в обычных дозах в течение 2 недель.

При регулярных ЛОР-осмотрах определяли скорость регресса местных симптомов ХТ. Для изучения характера и динамики параметров иммунитета подсчитывали количество и состав лейкоцитов; СОЭ; относительную и абсолютную концентрации CD3+, CD4+, CD8+, CD20+, CD16+CD56+-лимфоцитов; иммунорегуляторный индекс (CD4+/CD8+); содержание Ig A, M, G; АСЛО; С-реактивного белка (СРБ); ревмо-фактора (R-фактора). При исследовании функциональной активности нейтрофилов рассчитывали фагоцитарную активность лейкоцитов, фагоцитарные число и индекс, абсолютный показатель поглощения, процент и индекс бактерицидности. С помощью спонтанного и индуцированного NBT-тестов устанавливали их способность к реализации кислородзависимых механизмов бактерицидности (величина СЦИ и % ФПК). Для исключения органической патологии у больных проводили комплексное клинко-инструментальное обследование.

При оценке иммунологических изменений выясняли доверительный интервал средних концентраций ($X \pm m$) каждого из параметров в динамике, достоверность их различия ($M \pm m$) с учетом сведений о возрастных нормах.

Результаты и обсуждение: до лечения у детей наблюдались небольшие отечность и гиперемия НМ; признаки Гизе, Зака, иногда – Преображенского и патологическое отделяемое из лакун; рубцовое изменение поверхности миндалин, их сращение с передними небными дужками; подчелюстной лимфаденит. Изучение иммунного статуса выявило снижение относительной (в 1-й группе $X_1 = 30,56$ %; во 2-й – $X_2 = 31,28$ %; в 3-й – $X_3 = 30,92$ %) и абсолютной ($X_1 = 0,68 \times 10^9$ /л; $X_2 = 0,67 \times 10^9$ /л; $X_3 = 0,67 \times 10^9$ /л) концентраций CD4+-лимфоцитов, иммунорегуляторного индекса ($X_1 = 1,12$; $X_2 = 1,14$; $X_3 = 1,12$), процентов фагоцитоза ($X_1 = 40,35$ %; $X_2 = 42,19$ %; $X_3 = 40,58$ %), бактерицидности ($X_1 = 48,12$ %; $X_2 = 46,24$ %; $X_3 = 47,54$ %), показателей спонтанного и индуцированного NBT-теста (величины СЦИ и % ФПК). Уровни АСЛО у всех пациентов были значительно повышены ($X_1 = 758$ МЕ/мл; $X_2 = 725$ МЕ/мл; $X_3 = 675$ МЕ/мл). Количество и состав лейкоцитов, СОЭ, содержание CD3+, CD8+, CD20+, CD16+CD56+-клеток, Ig A, M, G, СРБ и R-фактора находились в пределах возрастной нормы.

Установлено, что при ХТ у детей в период клинической ремиссии сохраняются изменения системного иммунитета, характерные для ИДС. Уменьшение числа CD4+-лимфоцитов нарушает передачу Т-хелперного сигнала и комплексное взаимодействие между эффекторными клетками, что изменяет выраженность, гибкость и пластичность иммунного ответа. Снижение функциональной активности лейкоцитов способствует продолжительной персистенции патогенных микроорганизмов в НМ, в том числе внутри клеток. Эти нарушения истощают компенсаторные возможности иммунной системы, приводят к длительному, рецидивирующему течению болезни, появлению различных осложнений. Отсутствие изменений других параметров иммунитета говорит о невысокой активности хронического воспаления. Небольшая выраженность отклонений связана с проведением обследования детей в период ремиссии ХТ, его декомпенсацией в виде рецидивов ангин и небольших токсико-аллергических явлений. Характер изменений обоснован

ваает включение в схему лечения этого заболевания иммуномодуляторов, в том числе препаратов «Ликопид» и «Полиоксидоний», воздействующих в основном на клетки моноцитарно-макрофагальной системы. Высокие титры АСЛО подтверждают роль β -гемолитического стрептококка группы А (БГСА) в его этиопатогенезе, являются признаком активного иммунного процесса, говорят о вероятности развития ревматических осложнений, целесообразности профилактической бициллинотерапии.

Под влиянием лечения у школьников отмечался регресс локальных симптомов ХТ: отечность и гиперемия НМ, признаки Гизе, Зака исчезли к 8–9 дню лечения, признак Преображенского – к 10–11; региональный лимфаденит – к 12–14; серозное отделяемое из лакун прекратилось к 7–8 суткам, жидкое гнойное – к 8–9; казеозное – к 12–14 дню. Среднее уменьшение размера НМ к концу лечения составило $\approx 15\%$. При оценке характера клинических изменений существенных различий между группами не выявлено. Одновременно у больных наблюдалось увеличение относительной ($X_1 = c 30,56$ до $37,48\%$; $X_2 = c 31,28$ до $38,05\%$; $X_3 = c 30,92$ до $33,29\%$) и абсолютной ($X_1 = c 0,68$ до $0,85 \times 10^9/\text{л}$; $X_2 = c 0,67$ до $0,86 \times 10^9/\text{л}$; $X_3 = c 0,67$ до $0,72 \times 10^9/\text{л}$) концентраций CD4+-лимфоцитов, рост соотношения CD4+/CD8+ ($X_1 = c 1,12$ до $1,45$; $X_2 = c 1,14$ до $1,47$; $X_3 = c 1,12$ до $1,24$), процентов фагоцитоза ($X_1 = c 40,35$ до $54,8\%$; $X_2 = c 42,19$ до $56,2\%$; $X_3 = c 40,58$ до $46,12\%$) и бактерицидности ($X_1 = c 48,12$ до $58,5\%$; $X_2 = c 46,24$ до $59,2\%$; $X_3 = c 47,54$ до $52,62\%$), показателей метаболической активности нейтрофилов в NBT-тесте, понижение уровня АСЛО ($X_1 = c 758$ до 319 МЕ/мл; $X_2 = c 725$ до 328 МЕ/мл; $X_3 = c 675$ до 461 МЕ/мл).

Положительная клиническая динамика, особенно исчезновение патологического отделяемого из лакун НМ, нормализация основных параметров системного иммунитета, объективно подтверждают эффективность методики, говорят о стихании хронического воспаления, повышении общей резистентности организма. При анализе результатов видно, что наиболее сильно иммуностропные эффекты проявились у детей 1-й и 2-й групп, что связано с назначением им препаратов «Ликопид» и «Полиоксидоний», учитывая основную направленность их действия. В 3-й группе они были менее выражены и были обусловлены комплексным физиотерапевтическим воздействием на НМ, взаимным потенцированием лечебных факторов, их влиянием на основные звенья патогенеза ХТ. Динамика концентрации АСЛО у всех пациентов свидетельствует о чувствительности БГСА к Бициллину-5, уменьшении антигенной нагрузки на организм и возможности развития аутоиммунной патологии. В определённой степени она характеризует выраженность и течение иммунного ответа на длительную инфекцию.

Для определения стойкости развивающихся эффектов, тактики дальнейшего ведения через 3 месяца детям провели промежуточное обследование. Оно показало отсутствие у них рецидивов ангин, проявлений тонзиллогенной интоксикации, локальных симптомов болезни, иммунологические величины при этом достоверно не отличались от значений, полученных после 1 курса терапии. Это свидетельствует об устойчивости развивающихся эффектов, высокой степени контроля за течением хронического воспаления. Через полгода у пациентов отсутствовали обострения, региональный лимфаденит, патологическое отделяемое из лакун, а слабовыраженные отечность и гиперемия НМ, признак Гизе были выявлены только у части из них ($\approx 40\%$ в 1-й и 2-й, $\approx 45\%$ в 3-й группе). Одновременно у школьников наблюдалось уменьшение относительного (на $6,1\%$ в 1-й; $6,0\%$ во 2-й; $6,1\%$ в 3-й группе) и абсолютного (на $7,1\%$; $7,0\%$; $5,6\%$) количества CD4+-лимфоцитов, соотношения CD4+/CD8+ (на $7,6\%$; $7,5\%$; $5,7\%$), процентов фагоцитоза (на $6,7\%$; $6,5\%$; $3,8\%$) и бактерицидности (на $4,1\%$; $3,8\%$; $5,1\%$), параметров функциональной активности нейтрофилов в NBT-тестах, количество АСЛО немного выросло (на 23% ; 21% ; 22%). При оценке результатов у детей прослеживаются единый характер и стойкость не только клинических, но и системных иммунологических изменений. Величина показателей у больных 1-й и 2-й групп, несмотря на снижение, превышала соответствующие значения до лечения и нижнюю границу возрастной нормы. Это объективно подтверждает актуальность иммуностропных подходов к лечению ХТ. В 3-й группе эти изменения были меньше, однако параметры превышали аналогичные величины до начала терапии. У всех детей отмечался некоторый рост значений АСЛО, однако они были ниже, чем до лечения. Это согласуется с характером клинко-иммунологических изменений, свидетельствует о склонности БГСА-инфекции к длительному, рецидивирующему течению, необходимости регулярного обследования пациентов, проведения им очередного курса терапии, особенно в 3-й группе.

При прохождении 2 курса у школьников наблюдали быструю нормализацию фарингоскопической картины: небольшие отечность и гиперемия НМ, признак Гизе прошли к 6-7 дню терапии. К концу курса миндалины уменьшились на $\approx 10\%$. Продолжалась дальнейшая коррекция их иммунного статуса: повышение относительной ($X_1 = c 35,12$ до $37,71\%$; $X_2 = c 36,12$ до $38,75\%$; $X_3 = c 31,25$ до $33,42\%$) и абсолютной концентраций CD4+-клеток ($X_1 = c 0,79$ до $0,85 \times 10^9/\text{л}$;

$X_2 = c 0,8$ до $0,87 \times 10^9/л$; $X_3 = c 0,68$ до $0,73 \times 10^9/л$), иммунорегуляторного индекса ($X_1 = 1,34$ до $1,47$; $X_2 = c 1,36$ до $1,59$; $X_3 = c 1,15$ до $1,26$), процентов фагоцитоза ($X_1 = c 51,12$ до $56,18$ %; $X_2 = c 52,53$ до $57,87$ %; $X_3 = c 42,45$ до $46,58$ %) и бактерицидности ($X_1 = c 56,12$ до $60,17$ %; $X_2 = c 56,98$ до $60,68$ %; $X_3 = c 48,98$ до $52,98$ %), показателей спонтанного и индуцированного NBT-тестов (величины СЦИ и % ФПК), уменьшение количества АСЛО ($X_1 = c 393$ до 281 МЕ/мл; $X_2 = c 397$ до 298 МЕ/мл; $X_3 = c 563$ до 409 МЕ/мл).

Анализ результатов показывает, что, несмотря на индивидуальные особенности, у всех пациентов наблюдались общие закономерности. В ходе каждого курса лечения у них происходили регресс местных признаков ХТ, коррекция параметров системного иммунитета с постепенным их приближением к средним значениям нормы. Перераспределение субпопуляций Т-лимфоцитов с ростом числа CD4+-клеток улучшает кооперативное взаимодействие и эффективность работы его различных звеньев. Увеличение поглотительной и переваривающей способностей нейтрофилов приводит к элиминации БГСА, препятствует его носительству и внутриклеточной персистенции, повышает эффективность бициллинотерапии. Это способствует завершению хронического воспаления, восстановлению функциональной активности НМ и иммунной системы, снижению вероятности развития тонзиллогенной патологии. Об этом говорит наибольшая выраженность иммунологических изменений после 1 курса терапии, а скорость клинических – после 2 курса. Тенденция к нормализации параметров была максимальной в 1-й и 2-й группах, поэтому включение в состав схемы лечения ХТ препаратов «Липоксид» и «Полиоксидоний» является перспективным. Они показали сопоставимые результаты, их небольшая дозировка, соблюдение принципа короткого курса позволили избежать нежелательных реакций. В 3-й группе коррекция показателей была менее выражена, однако они превысили нижнюю границу нормы. Это имеет важное значение для общей резистентности организма, что объективно подтверждается характером клинических изменений. Динамика уровня АСЛО у всех школьников указывает на уменьшение поступления в кровоток антигенов и токсинов, способствующих развитию системного воспаления, обосновывает назначение профилактической бициллинотерапии при высоком риске развития ревматических болезней. Несмотря на падение, величина АСЛО превышала границу возрастной нормы, особенно у пациентов 3-й группы, что говорит о необходимости их дальнейшего наблюдения у ЛОР-врача и кардиоревматолога. При оценке изменений необходимо учитывать сложность и разнообразие процессов компенсации, развивающихся в организме под влиянием комбинированного лечения.

Таким образом, в ходе исследования объективно подтверждены высокая клинико-иммунологическая эффективность методики у детей с ХТ, целесообразность включения в её состав препаратов «Липоксид» и «Полиоксидоний», возможность её профилактического использования. Комплексное исследование системного иммунитета позволяет повысить качество диагностики этого заболевания, определить способы коррекции нарушений, исключить развитие тяжёлых осложнений.

Литература:

1. Плужников М.С. Хронический тонзиллит: клиника и иммунологические аспекты / М.С. Плужников, Г.В. Лавренова, М.Я. Левин [и др.]. – СПб. : Диалог. 2010. – 224 с.
2. Хронический тонзиллит / Под ред. проф. С.В. Рязанцева. – СПб. : Полифорум-Групп, 2019. – 40 с.
3. Волков А.Г. Клинические проявления вторичного иммунодефицита при заболеваниях ЛОР-органов / А.Г. Волков, С.Л. Трофименко. – М. : Джангар, 2007. – 176 с.
4. Щербакова М.Ю. А-стрептококковый тонзиллит: современные аспекты / М.Ю. Щербакова, Б.С. Белов // Педиатрия. – 2009. – № 5. – Т. 88. – С. 127–135.
5. Окорочков А.Н. Диагностика болезней внутренних органов. – Т. 2: Диагностика ревматических и системных заболеваний соединительной ткани. – М. : Мед. лит., 2000. – 576 с.
6. Gilbert D.N. The Sanford Guide to antimicrobial therapy / D.N. Gilbert, H.F. Chambers, G.M. Eliopoulos, etc. – М. : GRANAT, 2016. – 688 p.
7. Shamsa F. The anti-inflammatory and anti-viral effects of an ethnic medicine: glycyrrhizin / F. Shamsa, K. Ohitsuki, E. Hasanzadeh [et al.] // J. of Medical Plants. – 2010. – Vol. 9. – P. 1–28.

Literature:

1. Pluzhnikov M.S. A chronic tonsillitis: clinic and immunological aspects / M.S. Pluzhnikov, G.V. Lavrenova, M.Ja. Levin [et al.]. – SPb. : Dialog. 2010. – 224 p.
2. Chronic tonsillitis / Under the editorship of S.V. Ryazantsev. – SPb. : Polyforum, 2019. – 40 p.

3. Volkov A.G. Clinical manifestations of secondary immunodeficiency at diseases of ENT-organs / A.G. Volkov, S.L. Trofimenko. – M. : Djangar, 2007. – 176 p.
4. Sherbakova M.Yu. A streptococcal tonsillitis: modern aspects / M.Yu. Sherbakova, B.S. Belov // Pediatrics. – 2009. – № 5. – Vol. 88. – P. 127–135.
5. Okorokov A.N. Diagnostics of diseases of internal organs: Diagnostics of rheumatic and system diseases of a connective tissue. – M. : Med. lit., 2000. – 576 p.
6. Gilbert D.N. The Sanford Guide to antimicrobial therapy / D.N. Gilbert, H.F. Chambers, G.M. Eliopoulos [et al.]. – M. : GRANAT, 2016. – 688 p.
7. Shamsa F. The anti-inflammatory and anti-viral effects of an ethnic medicine: glycyrrhizin / F. Shamsa, K. Ohitsuki, E. Hasanzadeh [et al.] // J. of Medical Plants. – 2010. – Vol. 9. – P. 1–28.

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ САМОИЗОЛЯЦИИ И КВАРАНТИНА
НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И МОТИВАЦИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

**ANALYSIS OF THE IMPACT OF SELF-ISOLATION AND QUARANTINE
ON THE PSYCHOLOGICAL STATE AND MOTIVATION OF STUDENTS**

Сухотерин Дмитрий Михайлович

кандидат медицинских наук,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
d-suhoterin@mail.ru

Dmitry M. Sukhoterin

Candidate of Medical Sciences,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
d-suhoterin@mail.ru

Сухотерина Елена Геннадьевна

кандидат медицинских наук,
доцент,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
lenasukhoterina@mail.ru

Elena G. Sukhoterina

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
lenasukhoterina@mail.ru

Холод Елена Анатольевна

кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
dr.elena001@gmail.com

Elena A. Kholod

Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
dr.elena001@gmail.com

Аннотация. Проанализированы и определены особенности влияния самоизоляции и карантина студентов, находящихся на дистанционном обучении в период пандемии COVID-19. Проведенное добровольное анонимное анкетирование студентов показало, что большинство учащихся с трудом смогли мотивировать себя на учебную деятельность. Некоторые из студентов потеряли интерес к обучению, испытали чувство апатии, что неблагоприятно сказалось на морально-психологическом состоянии. Определена хорошая степень осведомленности студентов о мерах предосторожности для защиты от новой коронавирусной инфекции, что позволяет снизить распространение COVID-19.

Ключевые слова:

коронавирусная инфекция, обучение, карантин, психологическое состояние, COVID-19.

Annotation.

The features of the influence of self-isolation and quarantine of students who are on distance learning during the COVID-19 pandemic are analyzed and determined. A voluntary anonymous survey of students showed that the majority of students could

hardly motivate themselves to study. Some of the students lost interest in learning, experienced a feeling of apathy, which adversely affected the moral and psychological state. A good degree of awareness of students about precautions to protect against a new coronavirus infection has been determined, which reduces the spread of COVID-19.

Keywords: coronavirus infection, training, quarantine, psychological state, COVID-19.

В конце 2019 – начале 2020 года мир столкнулся с чрезвычайной ситуацией биологического характера – вирусом COVID-19. Это новое инфекционное заболевание, которое характеризуется высокой контагиозностью. Для снижения распространения и нагрузки на медицинские учреждения были введены самоизоляция и карантин. Режим самоизоляции – это одна из мер, принятая на основании п. 10, ст. 4.1, ФЗ № 68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», выраженная в ограничении доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения ЧС, в данном случае на улицы городов [3]. В соответствии с законодательством Российской Федерации граждане России перешли на дистанционный вид работы и обучения. Самоизоляция по-разному влияет на психологическое состояние людей. Монотонность происходящего, дефицит общения с коллегами и сверстниками провоцирует возникновение страхов, неврозов, депрессий, а финансовые потери могут быть серьезной социально-экономической проблемой.

Специалисты не всех профессий могут работать удаленно, что приводит к вынужденному прерыванию своей профессиональной деятельности. Потеря привычной работы может расцениваться личностью как некоторое горе, снижение самооценки [4]. При неврозах человека регулярно посещают навязчивые тревожные мысли. Монотонность происходящего, ограничение свободы и общения, изменение привычного образа жизни могут быть начальными этапами появления депрессии у человека. Чтобы сохранить психологическое здоровье в таких условиях – необходимо поддерживать оптимизм [4]. Как показывают научные исследования, в современном мире существует устойчивая тенденция к повышению уровня тревожности людей, особенно среди лиц юношеского возраста, студентов [2]. В процессе обучения студенты испытывают значительные психические нагрузки. Такие факторы как нарушение режима сна и питания, академические задолженности, трудности самоорганизации и дефицит социальной поддержки, сложные семейные обстоятельства, стрессы, оказывают значительное негативное влияние на качество жизни студентов и процесс их социальной и эмоциональной адаптации [1]. На сегодняшний день к этим факторам добавляются опасения перед COVID-19 и режим самоизоляции.

Некоторые исследования показывают, что большая продолжительность карантина была связана с ухудшением психического здоровья, в частности, с симптомами посттравматического стресса, избегающего поведения и гнева [4]. В таких условиях возможно снижение мотивации к получению знаний, образования, желания работать и развиваться.

Студент-медик за 6 лет обучения в медицинском университете с каждым годом все больше узнает о своей будущей профессии врача. Второй курс является особенным для студентов-медиков. Будущий специалист начинает изучать клинические дисциплины и медицину катастроф, внедрение которых в процесс высшего медицинского образования является необходимым и значимым элементом в воспитании и подготовки специалистов-медиков.

Целью нашего исследования стал анализ влияния самоизоляции на психологическое состояние и мотивацию к обучению студентов 2 курса педиатрического факультета. Определение степени осведомленности студентов о мерах предосторожности для защиты от новой коронавирусной инфекции.

Было выполнено добровольное анонимное анкетирование, посредством онлайн сервиса «googleforms» студентов 2 курса СПбГПМУ. В онлайн-анкетировании приняли участие 30 студентов 2 курса педиатрического факультета СПбГПМУ. В ходе анкетирования было установлено: 50 % студентам было сложно возвращаться в очный режим обучения после самоизоляции, 10 % – незначительно сложно, и 40 % легко вновь приступили к учебному процессу. У 60 % после выхода из карантина существенных изменений в учебных результатах не произошло, у 23,3 % – не произошло совсем, а у 16,7 % – значительно изменились оценки. 40 % студентов отметили, что не хотят возвращаться на дистанционную учёбу, 46,7 % затрудняются однозначно ответить на этот вопрос и лишь 13,3 % желают вновь учиться онлайн.

Во время самоизоляции 36,7 % проявили сомнение в выборе своей профессии, но 63,3% уверены в своём решении. 46,7 % было трудно сосредоточить своё внимание на учёбе дома, у 36,7 % – этот аспект зависел от внешних факторов, и 16,7 % не испытывали проблем с концентрацией. Время на обучение во время карантина у 30 % возросло в сравнении с очным обучением, у 46,7 % не изменилось, а 23,3 % затруднялись ответить.

На вопрос: тяжело ли студентам было находиться на самоизоляции, 43,3 % ответили «нет», 26,7 % затруднились ответить на этот вопрос, и 30 % было тяжело находиться дома. Также студенты описали, какие изменения с ними произошли в период карантина: потеря концентрации, тяжёлая коммуникация с одноклассниками, малоподвижный образ жизни, чувство неполноценности и несправедливости.

Студенты дали следующие ответы на вопросы:

1. Как вы оцениваете свою осведомленность о мерах профилактики новой коронавирусной инфекции? Удовлетворительно – 85,7 %. Неудовлетворительно – 14,3 %.
2. Знаете ли вы о необходимости ношения масок в закрытых помещениях/ на улице? Соблюдаете? Да, соблюдаю – 71,4 %. Да, не соблюдаю – 28,4 %.
3. Знаете ли вы о необходимости ношения перчаток в местах скопления людей? Соблюдаете? Да, соблюдаю – 20,3 %. Да, не соблюдаю – 78,6 %.
4. Знаете ли вы о необходимости обработки рук в местах скопления людей? Как часто вы обрабатываете руки? Да, часто обрабатываю – 50 %. Да, редко обрабатываю – 47,8 %.
5. Знаете ли вы о необходимости соблюдения социальной дистанции в 1,5–2 метра? Соблюдаете? Да, соблюдаю – 21,4 %. Да, не соблюдаю – 71,4 %.
6. Знаете ли вы о необходимости обработки рук, лица и носоглотки по возвращении домой? Соблюдаете? Да, соблюдаю – 84,9 %. Нет – 12,1 %.
7. Знаете ли вы об ограничении посещений массовых мероприятий? Посещаете ли вы массовые мероприятия? Как часто? Знаю, посещаю редко – 92,1 %. Знаю, не посещаю – 3,2 %. Знаю, посещаю часто – 4,5 %.
8. Соблюдаете ли вы меры предосторожности при посещении занятий? Какие? Иногда ношу маску – 46,7 %. Обрабатываю руки и ношу маску – 51 %. Не соблюдаю – 2,3 %.
9. Соблюдает ли преподаватели меры предосторожности? Какие? Носят маски – 58,1 %. Рассаживают студентов с интервалом 1,5 метра – 3,4 %. Не соблюдают – 38,5 %.
10. Осведомлены ли вы о характере начальных симптомов новой коронавирусной инфекции? Какие симптомы вы можете назвать? Температура – 21,4 %. Общие симптомы – 1,7 %. Потеря обоняния и вкуса – 76,3 %. Нет – 0,6 %.
11. Вакцинированы ли вы? Будете ли вы вакцинироваться/ ревакцинироваться в ближайшее время? Да, буду ревакцинироваться – 57,1 %. Да, не буду ревакцинироваться – 35,7 %. Нет, не буду вакцинироваться – 7,1 %.
12. Какие преимущества вакцинации вы можете назвать? Недостатки?
Затрудняюсь ответить – 50 %. Недостатков нет – 7,1 %. Наличие сертификата дает право на посещение клинических кафедр в университете – 7,1 %. Мало рассказывают о возможных осложнениях – 7,1 %. Возможность работать в медицинской сфере – 28,7 %.
13. Какие симптомы могут быть после вакцинации? Какие были у вас? Не знаю – 28,6 %. Мышечная слабость – 11,6 %. Температура и общее недомогание – 43,2 %. Очень высокая температура – 16,6 %.

Анализ проведенного добровольного анкетирования показал, что студенты 2 курса СПбГПМУ хорошо осведомлены о мерах предосторожности для защиты от новой коронавирусной инфекции. Большинство обучающихся и преподавателей соблюдают необходимые меры, что позволяет снизить распространение COVID-19.

Безусловно, коронавирусная инфекция является большим стрессом не только для физического здоровья человека, но и для его психического состояния. В условиях самоизоляции большинство учащихся с трудом могли себя мотивировать на учебную деятельность. Некоторые из студентов потеряли интерес к обучению, испытывали чувство апатии, неполноценности и стали сомневаться в правильности сделанного ими выбора профессии. Многим студентам не хватало активности и живого общения со своими одноклассниками, что неблагоприятно сказалось на морально-психологическом состоянии.

Литература:

1. Профилактика состояния дезадаптации участников нештатных формирований гражданской обороны / А.В. Масальтин [и др.] // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2019. – № 78. – С. 10–14.
2. Взаимосвязь уровня тревожности студентов медицинского университета с академической успеваемостью / Л.Е. Механтьева [и др.] // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2019. – № 78. – С. 19–23.
3. ФЗ № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». П. 10. Ст. 4.1.

4. Федосеенко Е.В. Жизнь после карантина: Психология смыслов и коронавирус COVID-19 / Е.В. Федосеенко // Failure to escape traumatic shock. Journal of Experimental Psychology. – № 74. – P. 1–9.

Literature:

1. Prevention of the state of maladaptation of participants of non-standard formations of civil defense / A.V. Masalytin [et al.] // Scientific and medical Bulletin of the Central Chernozem region. – 2019. – № 78. – P. 10–14.
2. The relationship of the anxiety level of medical university students with academic performance / L.E. Mekhantyeveva [et al.] // Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem region. – 2019. – № 78. – P. 19–23.
3. Federal Law № 68-FZ «On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies». Point 10. Art. 4.1.
4. Fedoseenko E.V. Life after quarantine: Psychology of meanings and coronavirus COVID-19 / E.V. Fedoseenko // Inability to avoid traumatic shock. Journal of Experimental Psychology. № 74. – P. 1–9.

**ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ
И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЖАРНЫХ-СПАСАТЕЛЕЙ**

**CHARACTERISTICS OF WORK MOTIVATION
AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF FIREFIGHTERS-RESCUERS**

Сухотерин Дмитрий Михайлович

кандидат медицинских наук,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
d-suhoterin@mail.ru

Dmitry M. Sukhoterin

Candidate of Medical Sciences,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
d-suhoterin@mail.ru

Сухотерина Елена Геннадьевна

кандидат медицинских наук,
доцент,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
lenasukhoterina@mail.ru

Elena G. Sukhoterina

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
lenasukhoterina@mail.ru

Пятибрат Александр Олегович

доктор медицинских наук,
доцент,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
a5brat@yandex.ru

Alexander O. Pyatibrat

Doctor of Medical Sciences,
Associate Professor,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
a5brat@yandex.ru

Шипилов Юрий Ильич

кандидат медицинских наук,
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
izit190616@gmail.com

Yuri I. Shipilov

Candidate of Medical Sciences,
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
izit190616@gmail.com

Холод Елена Анатольевна
кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии
и военно-полевой хирургии,
Санкт-Петербургский
государственный педиатрический
медицинский университет
dr.elena001@gmail.com

Elena A. Kholod
Department of Extreme Medicine,
Traumatology, Orthopedics
and Military Field Surgery,
St. Petersburg State Pediatric
Medical University
dr.elena001@gmail.com

Аннотация. Данное исследование было посвящено изучению взаимосвязи компонентов общей трудовой мотивации и некоторых личностных особенностей пожарных спасателей. В ходе диагностики мотивационных сфер пожарных-спасателей была задействована совокупность методов для изучения общих трудовых мотиваций. Исследования оценивали мотивационные установки испытуемых в профессиональной деятельности и были основаны на положении, согласно которому профессиональная мотивация спасателей в значительной степени обуславливается личностными особенностями субъекта работы, которые определяют содержательно-структурные характеристики и динамику мотивации спасателей.

Ключевые слова: трудовая мотивация, пожарные-спасатели, условия работы, нервно-эмоциональная напряженность.

Annotation. This study was devoted to the study of the relationship between the components of general work motivation and some personal characteristics of fire rescuers. During the diagnostics of the motivational spheres of firefighters and rescuers, a set of methods was used to study general work motivations. The studies evaluated the motivational attitudes of the subjects in their professional activities and were based on the position that the professional motivation of rescuers is largely determined by the personal characteristics of the subject of work, which determine the content-structural characteristics and dynamics of motivation of rescuers.

Keywords: work motivation, firefighters, rescuers, working conditions, nervous and emotional tension.

Проблема мотивации является одним из основных направлений научных исследований. Особую роль играет проблема трудовой мотивации, а именно профессиональной деятельности. Значение мотивации проявляется наиболее наглядно в профессиях, так называемых экстремальных профилей, в которых мотивация является условием безопасности, представляет собой компонент готовности к трудным условиям; предпосылкой успеха подготовки и овладения деятельностью. Однако, хотя и важно изучение мотивации, на сегодняшний день существует очень ограниченное число работ, которые посвящены собственно проблемам мотивации, в частности экстремальных действий, в отношении профессии пожарного-спасателя.

Кроме того, практически отсутствуют прикладные работы, в которых бы прослеживалась связь мотивов работы с когнитивными, аффективными процессами и диспозициями личности. На наш взгляд, исследования этих взаимосвязей позволят лучше понять и объяснить причины разницы одного человека от другого и их действия, в определенных условиях.

В публикациях нашего времени мотивация считается сложной динамической системой, развивающейся и функционирующей при помощи взаимосвязанных процессов. Это процессы, такие как «личность – среда», поведенческий опыт, механизмы мозга, когнитивные и аффективные аспекты [1, 2, 4].

Дж. Капрара и Д. Сэрвон, изучая актуальные концепции и модели мотивации в контексте психологии личности, отмечали, что многие научные деятели раскрывают мотивацию человека с точки зрения когнитивных процессов, например, таких «...как способность оценивать действие, сравнивать его с определенными стандартами, а также способность анализировать возможности своих действий при выполнении этих или иных действий» [2]. В связи с этими процессами «Я» создается когнитивная и аффективная система, благодаря которой человек совершает саморегулирование своего поведения, своей деятельности.

Т.О. Гордеева отмечает также главную роль когнитивных составляющих и предикторов мотивации. Такими являются:

- 1) представления субъекта об осуществлении контроля за процессом и результатами деятельности;
- 2) представления об изменяемости способностей и роли стремления к достижению результатов;
- 3) представления о личной ответственности за свои успехи и неудачи;
- 4) представления о причинах успехов и неудач.

В интегративном моделировании мотивации деятельности по достижениям, предложенном Т.О. Гордеевой, мотивационный процесс включает в себя пять блоков мотивации:

- 1) формирование основных мотивов для деятельности;
- 2) постановка целей;
- 3) планирование выполнения деятельности;
- 4) реакция на сложные ситуации и неудачи деятельности;
- 5) реализация намерений [1].

Важно отметить, что в данной модели процесс мотивации начинается вместе с формированием мотивов деятельности, их предикторами выступают потребности. В современной психологии потребности рассматриваются как диспозиции, которые могут служить не только толчком, но и направлять отдельные формы поведения. Однако сами по себе не являются достаточным объяснением того, почему люди поступают определенным образом [4].

Черты человеческой личности, конечно же, понимаются в качестве внутренних склонностей, определяющих поведение людей в различных ситуациях, и которые устойчивы в течение времени.

А.Г. Шмелев, известный российский психолог, рассматривает черту личности в виде ситуационной зависимой диспозиции (установку), это представляет собой стремление к конкретному образу действий в определенной категории ситуаций. Он понимает термин «поведенческая установка» как некий стереотип поведения, регулятивный механизм, гарантирующий адаптивный эффект в конкретных обстоятельствах при минимальном познавательном потенциале [3]. Установка возникает из предыдущего опыта, проявляется диспозиционным поведением, представляет собой явление, методом проб и ошибок. В этом явлении наблюдаются особенности характера личности, в котором проявляются особенности характера личности, которые были сформированы в течение жизни.

Таким образом, потребности, представляющие собой предикторы мотивов поведения и действий, черты характера рассматриваются как диспозиции. Это дает возможность предположить наличие взаимосвязей между определенными личностными чертами и мотивами трудовой деятельности.

Данное исследование было построено также на положении, согласно которому профессиональная мотивация спасателей в значительной степени обуславливается личностными особенностями субъекта работы, которые определяют содержательно-структурные характеристики и динамику мотивации спасателей. Задача данного исследования заключалась в том, чтобы выяснить взаимосвязь компонентов общей трудовой мотивации и некоторых личностных особенностей пожарных спасателей. В ходе диагностики мотивационных сфер пожарных спасателей была задействована совокупность методов для изучения общих трудовых мотиваций. Исследования оценивали мотивационные установки испытуемых в профессиональной деятельности с помощью методики Ш. Ричи и П. Мартина. Методика позволяет выявить мотивационные установки испытуемых на:

- 1) деньги;
- 2) условия работы;
- 3) структурированность работы;
- 4) социальные контакты;
- 5) долгосрочные взаимоотношения с коллегами по работе;
- 6) завоевания признания со стороны других людей;
- 7) следования поставленным целям;
- 8) влияние и власть;
- 9) разнообразие и стимуляцию;
- 10) креативность;
- 11) самосовершенствование;
- 12) востребованность в интересной общественно-полезной работе.

Также была оценена степень выраженности мотивации к успеху, мотивации к избеганию неудач, для этого были использованы методики Т. Элрса «Диагностика мотивации стремления

к успеху» и «Диагностика мотивации избегания неудач». Для изучения личностных характеристик использовался многофакторный опросник личности Кэттэлла форма «С». Валидная, надежная и опытная методика, возможность получения с ее помощью информации о коммуникативном, эмоциональном и интеллекте пожарных спасателей, обусловила выбор данного личностного метода.

Для выявления того, где человек считает, что находятся силы, которые влияют, управляют и контролируют то, что происходит в его жизни, а именно – его локуса контроля, используется опросник, называемый «Локус контроля». Этот опросник был стандартизирован на широком возрастном и социальном диапазоне испытуемых, разработан и применен Е.Г. Ксенофонтовой.

В соответствии с представлениями Дж. Роттера люди располагаются между двумя крайними точками континуума: внешним (external) и внутренним (internal) локусом контроля.

Люди, которые верят в то, что их жизнь определяется внутренними факторами, такими как их собственные усилия, старания и способности, называются интерналами или людьми с внутренним локусом контроля. С другой стороны, люди, которые верят в то, что их жизнь зависит от внешних факторов, таких как другие люди, судьба или случай, называются экстерналами или людьми с внешним локусом контроля.

Считается, что чем выше уровень интернальности человека, тем более вероятно, что он ощущает себя «хозяином своей судьбы». Он обладает уверенностью в себе и высоким уровнем саморегуляции. Однако, если уровень интернальности низок, то есть близок к экстернальности, человек ощущает меньшую уверенность в себе и больше нуждается в психологической и другой помощи. Такие люди менее самостоятельны в решении жизненных задач.

В качестве испытуемых выступали сотрудники пожарно-спасательных подразделений МЧС в количестве 43 мужчин. Средний возраст испытуемых – 28,5 лет. Стаж работы в МЧС – 8,5 лет.

Полученные в исследовании данные подтверждают наличие взаимосвязи между некоторыми личностными особенностями и степенью выраженности отдельных мотивационных компонентов. Наиболее тесное взаимодействие мотивации к деятельности спасения наблюдается среди таких особенностей личности, как конкурентноспособность (фактор «L»), интеллект («В»), творческая направленность («М»), тревожность («О»), психическая напряженность («Q₄»), эмоциональная устойчивость («С»), волевой самоконтроль («Q₃»), нормативность поведения («G»), интернальность общая, в сферах межличностных отношений и неудач. Было выявлено, что противоположные по смыслу мотивационные компоненты связаны с разными личностными особенностями, которые свидетельствуют об их самостоятельном значении. Среди выявленных взаимосвязей наибольшее значение имеют уровень доминантности (фактор «Е»), конформизма («Q₂»), смелости в социальных контактах («Н»), волевого самоконтроля («Q₃»), напряженности («Q₄»), эмоциональной устойчивости («С»), общительности («А»), интеллекта («В»).

Литература:

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. – М. : Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
2. Капрара Дж. Психология личности / Дж. Капрара, Д. Сервон. – СПб. : Питер, 2003. – 640 с.
3. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб. : Речь, 2002. – 480 с.
4. Фрэнкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. – СПб. : Питер, 2003. – 651 с.

Literature:

1. Gordeeva T.O. Psychology of achievement motivation. – M. : Sense; Publishing Center «Academy», 2006. – 336 p.
2. Caprara J. Psychology of personality / J. Caprara, D. Servon. – SPb. : Peter, 2003. – 640 p.
3. Shmelev A.G. Psychodiagnostics of personality traits. – SPb. : Speech, 2002. – 480 p.
4. Frankin R. Motivation of behavior: biological, cognitive and social aspects. – SPb. : Peter, 2003. – 651 p.

УДК 159
DOI 10.34853/NZ.2023.44.78.001

**КОММУНИКАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ
ПОСТРОЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ**

COMMUNICATION FACTORS OF BUILDING PERSONAL COMMUNICATION

Болдырев Антон Сергеевич
Пензенский
государственный университет
an.bol@yandex.ru

Anton S. Boldyrev
Penza State University
an.bol@yandex.ru

Зиников Рамиль Русланович
Пензенский
государственный университет
zinikov02@mail.ru

Ramil R. Zinikov
Penza State University
zinikov02@mail.ru

Волкова Маргарита Павловна
Пензенский
государственный университет
ritavolkova779@gmail.com

Margarita P. Volkova
Penza State University
itavolkova779@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникационные факторы построения личностного общения. Автор отмечает, что коммуникации личности формируются под воздействием ряда факторов, которые не только создают благоприятный климат общения, но и выступают как триггеры формирования ряда личностных характеристик. Культурная самоинтерпретация, стиль поведения в конфликте, а также восприятие других участников коммуникации в значительной степени формируют особенности личности, позволяя ей развиваться и самосовершенствоваться.

Ключевые слова: личность, коммуникации, факторы влияния, удовлетворенность, самооценка, самоинтерпретация.

Annotation. The article discusses the communication factors of building personal communication. The author notes that personal communications are formed under the influence of a number of factors that not only create a favorable climate of communication, but also act as triggers for the formation of a number of personal characteristics. Cultural self-interpretation, the style of behavior in conflict, as well as the perception of other participants in communication largely form personality traits, allowing her to develop and improve herself.

Keywords: personality, communication, influence factors, satisfaction, self-esteem, self-interpretation.

Как социальные существа, люди созданы для общения. Потребность личности в общении столь же фундаментальна, как потребность в еде, воде и жилье. Нейробиологи обнаружили, что наш мозг реагирует на социальную боль и удовольствие так же сильно, как и на физическую боль и удовольствие. Тот факт, что личность так устроена, означает, что ее физическое, эмоциональное и психическое благополучие зависит от позитивных межличностных отношений в повседневной жизни. Так, романтические отношения, которые рассматриваются как почти универсальная потребность в разных культурах и в разном возрасте, оказывают сильное влияние на благополучие личности [3].

Интеракционизм всегда занимал центральное место в исследованиях личности, но традиционные биологические теории допускают лишь узкий круг ситуационных факторов, таких как наличие и интенсивность положительных и отрицательных подкреплений. В социальной психологии важным вкладом является идентификация «поведенческих характеристик» как элементов

постоянства личности, то есть отношения «если-то», которые определяют типичные когнитивные, аффективные и поведенческие реакции человека на конкретные социальные контексты. Описание нарративной идентичности дает еще один способ понять стабильность личности с социальной точки зрения. Таким образом, социально-психологическая перспектива повышает способность моделей черт справляться с ситуационными факторами [2].

Социально-психологическая теория обогащает понимание влияния черт личности на субъективный опыт и поведение. Социально-когнитивные теории саморегуляции определяют процессы, такие как самопроверка и самопрезентация, которые систематически различаются у разных людей и могут опосредовать эффекты черт. Показательным примером является понимание черт негативности, таких как невротизм и тревожность. В то время как базовые механизмы мозга, такие как чувствительность к наказанию, играют определенную роль, люди с высоким уровнем этих черт часто демонстрируют специфическую социальную уязвимость и характерную базовую самооценку. Ориентированная на процесс работа над соответствующими чертами, такими как чувствительность к отказу, способствует пониманию социального выражения основных черт. В более общем плане социально-когнитивные теории предлагают множество моделей динамических процессов, которые можно интегрировать с описаниями черт личности.

Доказательства также признают, что влияние отношений человека на благополучие зависит от культурных ценностей, ориентации и норм человека, соответствующих социальному контексту и контексту взаимодействия, в котором существуют отношения [5].

Как правило, западные культуры принимают индивидуалистические ценности, в то время как восточные культуры придерживаются коллективистских ценностей. В индивидуалистических обществах люди склонны к развитию независимого «я» и ценят уникальные чувства и идеи, где благоприятны утверждения личных желаний, целей и эмоций. Напротив, люди в коллективистских обществах склонны рассматривать себя как взаимозависимое с ценностями гармонии отношений и социализированы, чтобы приспособляться к группам и подчинять личные желания [4].

Растущее количество литературы посвящено изучению коммуникативных процессов в конфликтных контекстах, а именно адаптивному поведению, которое описывается как подавление естественных рефлексов негативной реакции на проступки партнера и вместо этого положительной реакции. Независимо от того, насколько совместимы партнеры в отношениях, конфликт неизбежен, и все партнеры время от времени будут вести себя неприятно, например, кричать или говорить обидные замечания. Чтобы сохранить качество романтических отношений в долгосрочной перспективе, пары должны преодолевать побуждение к деструктивным действиям во время конфликтов, отсюда и термин «аккомодация».

Модель аккомодации измеряется по двум параметрам и дифференцируется на четыре типа ответов: активно-конструктивный (обсуждение проблем и попытки решить проблему), пассивно-конструктивный (молчаливо прощает и ждет, когда ситуация улучшится), активно-деструктивный (критикует) и угрожающий уйти от партнера), так и пассивно-деструктивный (игнорирование партнера и проблемы).

Активное или пассивное конструктивное реагирование во время конфликтов и на проступки партнера сохраняет удовлетворенность и стабильность отношений. Однако отдельные авторы указывают, что только активно-конструктивные реакции были связаны с повышенным чувством близости, ценности, стабильности отношений и удовлетворения. И наоборот, пассивно-конструктивные реакции не давали таких же преимуществ, были менее заметны, а результаты были аналогичны вредным последствиям деструктивных реакций [1]. Такие противоречивые выводы несут в себе сомнения и неуверенность в отношении пассивно-конструктивной коммуникации в конфликтах внутри западного общества. Существует еще большая неопределенность в отношении этого коммуникативного поведения в азиатском обществе, в связи с чем исследования аккомодации довольно скудны.

Большое количество исследований было сосредоточено на негативных процессах отношений, таких как конфликты, решение проблем и критика, в то время как позитивные процессы отношений часто не учитывались. Специалисты подчеркивают преимущества положительной стороны отношений, предлагая свежий взгляд позитивной психологии не только на минимизацию угрозы или длительного вреда для удовлетворения (т.е. управление конфликтами), но и на интеграцию процессов улучшения отношений (т.е. позитивное общение и отзывчивость). В частности, процесс капитализации, представляющий собой практику сообщения другим о личных положительных событиях, начал привлекать большое внимание исследователей. Исследования показали, что люди ежедневно делятся с другими положительными событиями, по оценкам, на 60–80 % больше, чем отрицательными событиями. Следовательно, утверждение, что возможности капитализации и позитивные события происходят чаще, чем негативные события

и конфликты в повседневной жизни, не всегда верно. На самом деле реакция на позитивные события лучше предсказывала благополучие отношений, чем реакция на негативные события. Счастливые события (например, повышение по службе, отличная чашка кофе и комплименты от других) обычно мотивируют социальное пересказывание этих позитивных обстоятельств.

Конструктивные реакции капитализации могут быть либо активными (проявление интереса и энтузиазма), либо пассивными (преуменьшение значения события), тогда как деструктивные реакции капитализации могут быть либо активными (критика и обесценивание события), либо пассивными (демонстрация незаинтересованности и игнорирование события). Чтобы предоставить больше контекста, одно из исследований капитализации в свиданиях показало, что только активно-конструктивная реакция партнера имела положительную корреляцию с удовлетворенностью отношениями, в то время как активно-деструктивная, пассивно-деструктивная и пассивно-конструктивная реакции показали противоположный эффект для удовлетворенности отношениями. Другие исследования также выявили связь между удовлетворенностью отношениями и восторженной реакцией на триумф партнера, но все они ориентированы на западную точку зрения [2].

Следует отметить, что благоприятный ответ в одной культуре может не выглядеть так же в другой, поскольку культурные различия могут способствовать или препятствовать процессам капитализации. В частности, исследователями отмечено, что, например, американцы азиатского происхождения использовали поддержку и считали поддержку позитивных событий менее полезной, чем их европейско-американские коллеги. Этот результат может быть связан с тем, что восточноазиатские культуры рассматривают смирение как просоциальное, тогда как капитализация может рассматриваться как индивидуальное «хвостовство» и угроза гармонии. Менее эмоциональная реакция, такая как пассивно-конструктивная реакция, может позволить людям из коллективной культуры извлекать выгоду и испытывать соответствующую эмоциональную поддержку, не прикладывая при этом излишних усилий в данном процессе и исключая, тем самым личностный дискомфорт [3].

Таким образом, удовлетворенность отношениями определяется не простым возникновением конфликта или позитивных событий в жизни личности, а способностью эффективно сообщать об этих событиях. Коммуникативные процессы ответов как на аккомодацию, так и на капитализацию могут различаться в разных культурах. Каждая форма коммуникативного процесса представляет собой важную часть, позволяющую приблизиться к пониманию загадки удовлетворенности отношениями. Самоинтерпретация рассматривается как сдерживающее влияние как на процессы приспособления, так и на процессы капитализации.

Таким образом, культурная самоинтерпретация, стиль поведения в конфликте, а также восприятие других участников коммуникации в значительной степени формируют особенности личности, позволяя ей развиваться и самосовершенствоваться.

Литература:

1. Ибрагимова З.З. Социально-культурные основания легитимности общественной интеграции / З.З. Ибрагимова, Р.М. Нигматуллина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – № 1.
2. Макаревская И.Г. Специфика оценки личности собеседника в условиях интернет-коммуникации / И.Г. Макаревская, Ю.Э. Макаревская, Л.А. Базалева // Гуманизация образования. – 2019. – № 5.
3. Пастухова Д.А. Культурно обусловленные особенности общения в процессе межкультурной коммуникации / Д.А. Пастухова // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2016. – № 2(8).
4. Писаревская Н.С. Проблема исследования интерпретации в межличностной коммуникации / Н.С. Писаревская // МНИЖ. – 2021. – № 4-3(106).
5. Fincham F. «Relationship Satisfaction», in the Cambridge Handbook of Personal Relationships / F. Fincham, R. Rogge and S. Beach; Edited by A.L. Vangelisti and D. Perlman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – P. 422–436.

Literature:

1. Ibragimova Z.Z. Socio-cultural foundations of the legitimacy of social integration / Z.Z. Ibragimova, R.M. Nigmatullina // Cauldron. un-ta. Ser. Humanit. science. – 2006. – № 1.
2. Makarevskaya I.G. Specifics of assessing the interlocutor's personality in the conditions of Internet communication / I.G. Makarevskaya, Yu.E. Makarevskaya, L.A. Bazyleva // Humanization of education. – 2019. – № 5.

3. Pastukhova D.A. Culturally conditioned features of communication in the process of intercultural communication / D.A. Pastukhova // Scientific result. Business and service technologies. – 2016. – № 2(8).
4. Pisarevskaya N.S. The problem of interpretation research in interpersonal communication. – 2021. – № 4-3(106).
5. Finchem F. «Relationship Satisfaction», in the Cambridge Handbook of Personal Relationships / F. Finchem, R. Rogge and S. Beach; Edited by A.L. Vangelisti and D. Perlman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – P. 422–436.

**ВОДА В РАЦИОНЕ СТРОЙНЕЮЩИХ ЛЮДЕЙ, КАК НЕДООЦЕНЕННЫЙ
КОМПОНЕНТ ПИЩИ В ПЕРИОД РАБОТЫ НАД ВЕСОМ.
ПРАВИЛА ПРИЕМА ВОДЫ И РЕЖИМ. РОЛЬ ВОДЫ В РАЦИОНЕ ЧЕЛОВЕКА**

**WATER IN THE DIET OF OVERWEIGHT PEOPLE AS AN UNDERESTIMATED
COMPONENT OF NUTRITION DURING THE PERIOD OF WEIGHT LOSS. WATER
INTAKE RULES AND REGIME. THE ROLE OF WATER IN HUMAN NUTRITION**

Иванчихина Ольга Викторовна
заведующая кафедрой
Натурального здорового питания,
Балтийский политехнический институт
6015010@gmail.com

Olga V. Ivanchikhina
Head of the Department
of Natural Healthy Nutrition,
Baltic Polytechnic Institute
6015010@gmail.com

Аннотация. Такое вещество как вода чрезвычайно ценно для организма человека, особенно для того организма, который претерпевает такой процесс как похудение, в данной ситуации от потребляемого в сутки количества воды зависит ряд чрезвычайно важных параметров. Данная тема имеет тенденцию к актуальности по причине того, что в современном обществе активно продвигается и популяризуется тема правильного и рационального питания, в суть которого, действительно, входит соблюдение грамотного водного баланса. Установлено, что вода минимизирует употребление усваиваемых калорий. Это основной факт, объясняющий то, зачем вода при похудении. Она лучше всего утоляет жажду. Если пить два или более литра в день, то уже не придется утолять жажду соками, лимонадами, компотами и так далее, поэтому калорий потребляться будет меньше.

Ключевые слова:

диета, вода, правильное питание, похудение, организм человека, водный режим, рацион питания.

Annotation.

Such a substance as water is extremely valuable for the human body, especially for the body that undergoes such a process as weight loss, in this situation, a number of extremely important parameters depend on the amount of water consumed per day. This topic tends to be relevant due to the fact that in modern society the topic of proper and rational nutrition is actively promoted and popularized, the essence of which, indeed, includes the observance of a competent water balance. It has been established that water minimizes the consumption of digestible calories. This is the main fact that explains why water is needed when losing weight. It quenches thirst best of all. If you drink two or more liters a day, you will no longer have to quench your thirst with juices, lemonades, compotes, and so on, so fewer calories will be consumed.

Keywords:

diet, water, proper nutrition, weight loss, human body, water regime, diet.

К такому процессу как похудение следует подходить с трезвым пониманием сути самого процесса, то есть, недостаточно просто исключить какой-либо определенный продукт. По мимо этого необходимо поддерживать так называемый дефицит калорий и основные принципы правильного питания.

Но кроме условий, которые были изложены выше, следует разобрать и в последующем выполнять рекомендации по соблюдению водного режима, так как вода, действительно, занимает одну из ключевых ролей в рационе человека [3, 7].

Национальная академия медицины даёт рекомендации по общему количеству жидкости в сутки (включая воду, безалкогольные напитки и жидкость из продуктов питания):

- 2,7 литра для женщин;
- 3,7 литра для мужчин.

Рекомендованное соотношение – 20 % жидкости из еды и 80 % из воды и других безалкогольных напитков. В учёт идёт чай, кофе, морсы, соки, компоты и т.д. [1, 4].

Предпочтение стоит отдавать чистой воде, т.к. сладкие напитки содержат дополнительные калории, и добавленный сахар может привести к набору веса [6].

Количество необходимой воды зависит от пола, возраста, физической активности, состояния здоровья и многих других факторов. Например, если человек заболел или съел больше солёной пищи [5, 9].

Во время кормления грудью норму нужно увеличить на 1000 мл, т.к. с грудным молоком мы теряем жидкость. Так же во время тренировки, при болезни и в жаркую погоду.

Для того, чтобы рассчитать норму чистой воды возьмём формулу:

30 мл × 1 кг идеального веса человека.

Идеальный вес можно рассчитать по формуле Devine:

– мужчины: $ИМТ = 50 + 2.3 * (0.394 * \text{рост} - 60)$;

– женщины: $ИМТ = 45.5 + 2.3 * (0.394 * \text{рост} - 60)$;

– ИМТ – идеальная масса тела, кг;

– рост – рост, см.

Кофеин. Этот компонент может оказывать кратковременный мочегонный эффект. Он содержится в чае, кофе, газированных и энергетических напитках.

Теofilлин, соединение, содержащееся в чае, также обладает мочегонными свойствами.

Также спиртные напитки известны своими мочегонными свойствами.

Если в вашем рационе присутствуют данные напитки, нужно скорректировать норму. Добавьте 1 стакан воды на 1 порцию мочегонного напитка.

Если воду пить до еды, она сразу по малой кривизне желудка окажется в кишечнике, там она всасывается. Если после еды, она будет булькать в животе. Надо пить на голодный желудок.

Выведение из организма токсинов регулируется количеством чистой питьевой воды. Хотим вывести 2 кг токсинов, нужно выпить 20 литров чистой питьевой воды. Единственное, что может входить в понятие «чистая питьевая вода» это вторая слабая заварка зелёного или травяного чая. Чем чище раствор, тем лучше.

Вода имеет множество функций, в числе которых регуляция давления и температуры, передвижение по организму растворённых в ней веществ и выведение продуктов распада из организма. Выбирайте чистую, прохладную или комнатной температуры воду.

Всемирная организация здравоохранения рекомендует употреблять не более 2000 мг натрия, или 5 г. соли в сутки. Это около чайной ложки [2, 8].

Так как токсины вырабатываются всё время, печень работает 24 часа, процессы обмена веществ идут 24 часа, токсины тоже выделяются 24 часа.

В то время пока мы спим, например, 8 часов, токсины выделяются в том же темпе, как и во время бодрствования. А воду мы не пьём во время сна. Как быть с токсинами?

Почка накапливает 500 мл жидкости и концентрирует 5 чайных ложек соли. Это механизм концентрации мочи.

Откуда берутся эти 500 мл? Из плазмы крови. Полный объём мочевого пузыря взрослого человека 500 мл. И эта моча, соответственно с токсинами, и есть потеря жидкости из плазмы крови.

Стала ли кровь гуще за ночь? Да, т.к. количество клеток крови не уменьшилось. Начинается слипание клеток. Это первая стадия тромба.

Всё что нужно сделать, это восстановить объём циркулирующей крови, тогда консистенция крови станет достаточной для осуществления физиологических процессов. Минимум 400-500 мл чистой воды необходимо выпить после пробуждения.

Объём циркулирующей плазмы крови примерно 3 литра. Половину плазмы крови в сутки мы должны заменять. Это 1,5 литра это минимальная физиологическая потребность. Если мы выпили этот объём, токсины вывели, сменили половину объёма плазмы. Если выпили в два раза больше, сменили весь объём.

Как лучше распределить воду в течение дня? Разделите норму на количество приёмов пищи.

Мною была разработана специальная методика, которая представляет собой оптимальный рацион питания, дающий возможность правильного и эффективного сброса веса.

Подъём

Вода 400 мл;

Завтрак(в первый час после пробуждения);

Белковая часть ~ 100–150 г.;

Углеводная часть ~ 100 г.;
 Жировая часть ~ 20 г.;
 Напиток ~ 150 мл (если это кофе или крепкий чай к объёму воды + 150 мл воды);
 Интервал 3–4 часа (через 1,5 часа можно начать пить воду не более 170 мл, остальную выпить перед следующим приёмом пищи);
 Вода 400 мл;
 Обед;
 Белковая часть ~ 100–150 г.;
 Углеводная часть: тёмная крупа ~ 80 г.;
 Салат ~ 120 г.;
 Жировая часть ~ 10 г.;
 Интервал 3–4 часа (через 1,5 часа можно начать пить воду не более 170 мл, остальную выпить перед следующим приёмом пищи);
 Вода 400 мл;
 Полдник;
 Белковая часть ~ 100–150 г.;
 Углеводная часть ~ 100 г.;
 Жировая часть ~ 20 г.;
 Напиток ~ 150 мл (если это кофе или крепкий чай к объёму воды + 150 мл воды);
 Интервал 3–4 часа (через 1,5 часа можно начать пить воду не более 170 мл, остальную выпить перед следующим приёмом пищи);
 Вода 400 мл;
 Ужин(за 2 часа до сна);
 Белковая часть ~ 100–150 г.;
 Углеводная часть: тёмная крупа ~ 80 г.;
 Салат ~ 120 г.);
 Жировая часть ~ 10 г.;
 На ночь;
 Клетчатка 250 мл.

Чтобы не допустить слипания клеток, необходимо восстановить объем циркулирующей крови, тогда консистенция крови станет достаточной для осуществления физиологических процессов.

Минимум 400–500 мл чистой воды необходимо выпить после пробуждения.

Так как токсины вырабатываются всё время:

- печень и почки работают 24 часа;
- процессы обмена веществ идут 24 часа;
- токсины должны выводиться 24 часа.

Меню на 1300 ккал	Меню на 1500 ккал	Меню на 1700 ккал
1	2	3
<p>○ Завтрак</p> <p>1. Сырники 140 г. 2. Йогурт натуральный или сметана 40 г. 3. Мёд 1 ч. л.</p> <p>▶ КБЖУ 242/23.7/9.4/17.4</p>	<p>○ Завтрак</p> <p>1. Сырники 140 г. 2. Йогурт натуральный или сметана 40 г. 3. Мёд 1 ч. л. 4. Ягоды 50 г.</p> <p>▶ КБЖУ 259/24/9.5/21.4</p>	<p>○ Завтрак</p> <p>1. Сырники 160 г. 2. Йогурт натуральный или сметана 80 г. 3. Мёд 1 ч. л. 4. Ягоды 50 г.</p> <p>▶ КБЖУ 313/28.6/11.8/25.7</p>
<p>○ Перекус</p> <p>1. Гранола 35 г. 2. Греческий йогурт 140 г.</p> <p>▶ КБЖУ 206/12.2/5.8/15.3</p>	<p>○ Перекус</p> <p>1. Гранола 35 г. 2. Греческий йогурт 140 г.</p> <p>▶ КБЖУ 206/12.2/5.8/15.3</p>	<p>○ Перекус</p> <p>1. Гранола 35 г. 2. Греческий йогурт 140 г.</p> <p>▶ КБЖУ 206/12.2/5.8/15.3</p>
<p>○ Обед</p> <p>1. Булгур вареный 140 г. 2. Курица с апельсинами 120 г. 3. Овощной салат 100 г. с оливковым или любым другим нерафинированным маслом 1 ч. л.</p> <p>▶ КБЖУ 312/19/13.4/31.5</p>	<p>○ Обед</p> <p>1. Булгур вареный 150 г. 2. Курица с апельсинами 130 г. 3. Овощной салат 100 г. с оливковым или любым другим нерафинированным маслом 1 ч. л.</p> <p>▶ КБЖУ 393/22.2/14.6/44.4</p>	<p>○ Обед</p> <p>1. Булгур вареный 160 г. 2. Курица с апельсинами 140 г. 3. Овощной салат 100 г. с оливковым или любым другим нерафинированным маслом 1 ч. л.</p> <p>▶ КБЖУ 413/23.7/15.3/46.7</p>

1	2	3
<p>○ Перекус</p> <p>1. Творог 5 % 100 г.</p> <p>2. Корица 1 ч. л</p> <p>3. Яблоко 1 шт.</p> <p>▶КБЖУ 193/16.4/5.3/21</p>	<p>○ Перекус</p> <p>1. Творог 5 % 120 г.</p> <p>2. Корица 1 ч. л</p> <p>3. Яблоко 1 шт.</p> <p>▶КБЖУ 217/19.5/6.2/21.1</p>	<p>○ Перекус</p> <p>1. Творог 5 % 140 г.</p> <p>2. Корица 1 ч. л</p> <p>3. Яблоко 1 шт.</p> <p>▶КБЖУ 242/22.7/7.2/21.1</p>
<p>○ Ужин</p> <p>1. Рыба жаренная с кунжутом 120 г.</p> <p>2. Фасоль стручковая 120 г.</p> <p>3. Кукуруза отварная 70 г.</p> <p>4. Хлебцы 2 шт.</p> <p>▶КБЖУ 366/29/13.3/37</p>	<p>○ Ужин</p> <p>1. Рыба жаренная с кунжутом 130 г.</p> <p>2. Фасоль стручковая 120 г.</p> <p>3. Кукуруза отварная 80 г.</p> <p>4. Хлебцы 2 шт.</p> <p>▶КБЖУ 393/31.2/14.4/39.7</p>	<p>○ Ужин</p> <p>1. Рыба жаренная с кунжутом 140 г.</p> <p>2. Фасоль стручковая 120 г.</p> <p>3. Кукуруза отварная 100 г.</p> <p>4. Хлебцы 2 шт.</p> <p>▶КБЖУ 449/35.7/16.6/45</p>
<p>✓Итого за день</p> <p>КБЖУ 1318/100/47/133</p>	<p>✓Итого за день</p> <p>КБЖУ 1508/109/50.5/154</p>	<p>✓Итого за день</p> <p>КБЖУ 1667/123/56.8/166</p>

То есть, остаток суточной нормы воды, пить в течении всего дня, равными порциями перед приемом пищи.

Объем циркулирующей плазмы крови примерно 3 литра.

Половину плазмы крови в сутки мы должны обменивать – это 1,5 литра – это минимальная физиологическая потребность. Если мы выпили этот объем, токсины вывели, сменили половину объема плазмы. Если выпили в два раза больше, сменили весь объем.

Таким образом, следить за количеством воды в сутки чрезвычайно важно для нормальной жизнедеятельности организма в целом, а при процессе похудения в особенности, что объясняется с точки зрения того, что вода совершенно точно снижает количество употребляемых калорий, уменьшает аппетит и количество отложений жирового характера, также вода увеличивает расход потребляемых калорий, так как значительно ускоряет метаболизм. При этом важно употреблять воду в определенные часы, что также будет способствовать сбросу веса.

Литература:

1. Белов В.И. Питание / В.И. Белов // Энциклопедия здоровья. Молодость до ста лет. – М., 1993.
2. Бранд Я.Б. Здоровое питание. – М. : СПб. [и др.]; Питер, 2006. – 240 с.
3. Бреженер С.М. Гигиена питания. – М. : Государственное издательство торговой литературы, 2017. – 328 с.
4. Воробьев Р.И. Питание и здоровье. – М. : Медицина, 1990. – 160 с.
5. Догель А.С. Гигиена. – М. : Брокгауз-Эфрон, 2013. – 240 с.
6. Зверев И.Д. Анатомия, физиология и гигиена человека / И.Д. Зверев, О.В. Казакова, О.С. Яковлева. – Издание 3-е. – Л. : Просвещение, 2014. – 168 с.
7. Малахов Г.П. Здоровое питание. – М. : Комплект, 1997. – 496 с.
8. Плотникова Т.В. Еда, которая нас убивает. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2012. – 191 с.
9. Текучева Л. Здоровый образ жизни. Правильное питание. – М. : ИЛ, 2014. – 445 с.

Literature:

1. Belov V.I. Nutrition / V.I. Belov // Encyclopedia of health. Youth up to a hundred years. – M., 1993.
2. Brand Ya.B. Healthy nutrition. – M. : SPb. [et al.]; Peter, 2006. – 240 p.
3. Bremer S.M. Food hygiene. – M. : State Publishing House of Trade Literature, 2017. – 328 p.
4. Vorobyov R.I. Nutrition and health. – M. : Medicine, 1990. – 160 p.
5. Dogel A.S. Hygiene. – M. : Brockhaus-Efron, 2013. – 240 p.
6. Zverev I.D. Anatomy, physiology and human hygiene / I.D. Zverev, O.V. Kazakova, O.S. Yakovleva. – 3rd edition. – L. : Enlightenment, 2014. – 168 p.
7. Malakhov G.P. Healthy nutrition / G.P. Malakhov. – M. : Kit, 1997. – 496 p.
8. Plotnikova T.V. The food that kills us. – Rostov-on/D. : Phoenix, 2012. – 191 p.
9. Tekucheva L. Healthy lifestyle. Proper nutrition. – M. : IL, 2014. – 445 p.

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА
И ФОРМАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК У ЛЮДЕЙ,
ПРИНИМАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ**

**FEATURES OF INTELLIGENCE AND FORMAL-DYNAMIC CHARACTERISTICS
IN PEOPLE TAKING VARIOUS TYPES OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES**

Ивашина Полина Владимировна
аспирант,
Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена
p.ivashina@yandex.ru

Polina V. Ivashina
Graduate Student,
Russian State
Pedagogical University
named after A.I. Herzen
p.ivashina@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования: описать особенности интеллекта и формально-динамических характеристик у лиц с длительным (от 5 до 20 лет) опытом употребления наркотиков. В исследовании приняли участие 232 человека. В первую группу вошли 82 человека в возрасте $34,7 \pm 9,4$ лет, не имеющие опыта употребления психоактивных веществ. Во вторую группу вошли 150 человек в возрасте $35,6 \pm 7,8$ лет, имеющих длительный (от 5 до 20 лет) опыт употребления психоактивных веществ, алкоголя. Невербальный интеллект (тест Дж. Равена) снижается во всех группах испытуемых с опытом использования психоактивных веществ. Самые низкие значения выносливости и динамичности отмечены у лиц с длительным опытом употребления опиоидов.

**Ключевые
слова:**

интеллект, темперамент, формально-динамические характеристики, аддикция, склонность к аддиктивному поведению.

Annotation. The purpose of the study: to describe the features of intelligence and formal-dynamic characteristics in individuals with a long-term (from 5 to 20 years) experience of drug use. The study involved 232 people. The first group included 82 people aged 34.7 ± 9.4 years with no experience of using psychoactive substances. The second group included 150 people aged 35.6 ± 7.8 years with a long-term (from 5 to 20 years) experience in the use of psychoactive substances and alcohol. Nonverbal intelligence (test of J. Ravena) decreases in all groups of subjects with experience in the use of psychoactive substances. The lowest values of endurance and dynamism were noted in individuals with long-term experience of opioid use.

Keywords: intelligence, temperament, formal dynamic characteristics, addiction, tendency to addictive behavior.

В возникновении зависимого поведения участвуют как генетические факторы, так и специфические условия, способствующие проявлению или не проявлению этих факторов [2; 3].

Среди факторов, влияющих на вероятность возникновения аддиктивного поведения, особое место занимают интеллект и формально динамические характеристики человека. Это связано с тем, что обе эти характеристики, с одной стороны, являются в той или иной мере генетически обусловленными, с другой – определяют способность человека адаптироваться к меняющимся, порой тяжелым условиям [1]. Следовательно, эти характеристики могут, с одной стороны, препятствовать формированию аддикции, с другой – способствовать более эффективному процессу восстановления здоровья. Все это требует особого внимания к этим характеристикам у людей с аддиктивным опытом.

Если интеллект действительно важен для адаптации, то его можно использовать для предсказания эффективности обучения, успех в профессии, социальной мобильности.

Выраженные когнитивные изменения связаны с употреблением метамфетамина, отмечается снижение тормозного контроля, ухудшение механизма принятия решений. Более того, показано, что чем ниже IQ, тем выраженнее дефицит рабочей памяти. Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета формально-динамических характеристик (эмоциональность, импульсивность при принятии решений) в рамках лечения метамфетаминовой зависимости [6].

Темперамент и интеллект как отдельные характеристики индивидуальности обладают сходной стабильностью энергоинформационных процессов (формально-динамических свойств), а также сходными структурами и механизмами формирования и функционирования [5].

Так, те, кто набирает низкие баллы по этой шкале «настойчивость», обнаруживают низкую адаптивность, готовность препятствовать трудностям и критике и отсутствие усилий для выполнения задачи [7]. Несколько исследований показали роль этой черты темперамента в поведении и расстройствах, связанных со злоупотреблением психоактивными веществами. Показано также, что низкие значения настойчивости сопряжены с импульсивностью [6].

Черты темперамента, направленные на избегание вреда (беспокойство, смущение) и стремление к новизне (импульсивность, быстрая реакция) и низкое вознаграждение зависимости (холодность, изоляция) у потребителей наркотиков делают их поведение и отношения неустойчивыми; что по мере удлинения периода употребления может привести к развитию слабой личности, безответственной и обвиняющей, неспособности к сотрудничеству. В результате эти люди испытывают сочетание тревоги и депрессии и могут приспосабливаться к социальным проблемам и сильным эмоциям через употребление наркотиков и алкоголя [8].

Все это позволило определить цель исследования: изучить особенности интеллекта и формально-динамических характеристик у людей, принимающих различные типы психоактивных веществ.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 232 человека. В первую группу вошли 82 человека в возрасте $34,7 \pm 9,4$ лет, не употреблявшие психоактивные вещества. Во вторую группу вошли 150 человек в возрасте $35,6 \pm 7,8$ лет, имеющих длительный (от 5 до 20 лет) анамнез употребления наркотиков. В эту группу входили как Анонимные Алкоголики, так и Анонимные Наркоманы. Участники дали добровольное согласие на обследование и обработку полученных данных.

Оценки уровня интеллекта были использованы нецветные прогрессивные матрицы Дж. Равена. Оценивался уровень невербального интеллекта [4]. Типологические свойства нервной системы описывались с помощью методики диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения) Я. Стреляу.

Результаты и их обсуждение.

В таблице 1 представлены результаты оценки интеллекта у людей с различным опытом употребления психоактивных веществ.

Таблица 1

Уровень невербального интеллекта (баллы, среднее и стандартное отклонение)

Группы	A	B	C	D	E	Σ
Контрольная	11,7 ± 0,5	11,3 ± 1,0	10,2 ± 1,0	10,1 ± 3,5	6,4 ± 1,0	49,6 ± 6,6
Все вещества	11,3 ± 1,5	10,1 ± 1,8	7,5 ± 2,4*	7,8 ± 2,9	2,6 ± 2,6*	39,8 ± 10,2*
Алкоголь	11,3 ± 1,4	10,3 ± 1,5	7,8 ± 2,1*	7,7 ± 2,5	2,8 ± 2,7*	39,9 ± 7,2*
Опиоиды	10,9 ± 2,2	9,8 ± 1,7	6,7 ± 2,0**	7,4 ± 2,8	2,0 ± 2,1*	36,9 ± 7,2**
Стимуляторы	11,6 ± 0,7	10,3 ± 1,8	7,7 ± 2,2**	8,6 ± 2,2	2,8 ± 2,9	40,9 ± 7,6*
Несколько веществ	11,4 ± 0,9	10,1 ± 2,2	7,7 ± 2,7**	7,9 ± 3,4	2,8 ± 2,7	41,6 ± 14,2

Примечание: * – различия с уровнем интеллекта у испытуемых, не имеющих опыта употребления психоактивных веществ с уровнем значимости $p \leq 0,05$; ** – с уровнем значимости $p \leq 0,01$.

Согласно таблице, снижение интеллекта отмечено во всех исследуемых группах испытуемых, применяющих психоактивные вещества. Значимого уровня нет только для группы, употребляющей сразу несколько типов веществ, что легко объясняется большим разбросом в результатах, что связано с тем, что набор психоактивных веществ достаточно различается.

В тоже время можно говорить о снижении уровня невербального интеллекта во всех группах испытуемых с опытом употребления психоактивных веществ. Важно, что это снижение не отмечается при выполнении простых заданий, но выражено усиливается при выполнении более сложных заданий. Это касается прежде всего испытуемых с опытом употребления опиоидов.

Таблица 2

Формально-динамические характеристики поведения у испытуемых с разным опытом употребления психоактивных веществ (баллы, среднее и стандартное отклонение)

Группы	Характеристики					
	Выносли- вость	Эмоцио- нальная реактивность	Настойчи- вость	Активность	Чувстви- тельность	Динамич- ность
Контрольная	10,6 ± 4,7	8,2 ± 4,4	10,2 ± 4,0	11,3 ± 4,5	15,8 ± 3,5	14,3 ± 3,6
Все, аддикция	9,4 ± 4,8	11,6 ± 4,1	12,5 ± 4,0	10,9 ± 4,3	15,4 ± 3,5	12,6 ± 4,4
Алкоголь	9,6 ± 5,0	11,7 ± 4,0	12,1 ± 4,3	10,7 ± 4,3	15,9 ± 3,3	12,5 ± 4,0
Опиоиды	7,3 ± 5,0*	11,6 ± 3,9	13,0 ± 4,0	10,1 ± 3,8	14,6 ± 3,8	10,7 ± 4,1*
Стимуляторы	11,4 ± 5,0	10,9 ± 5,1	12,3 ± 4,1	12,2 ± 3,8	15,9 ± 2,4	14,9 ± 3,4
Несколько веществ	9,3 ± 4,0	12,0 ± 3,6*	12,6 ± 3,9	11,0 ± 4,8	14,9 ± 4,2	12,5 ± 4,8

Примечание: обозначение как в таблице 1.

Из таблицы 2 видно, что отличия есть по параметру динамичность, прежде всего она снижена у тех, кто использует опиоиды, и эмоциональная реактивность, которая максимальна у тех, кто употребляет несколько психоактивных веществ.

Выводы:

Невербальный интеллект снижается во всех группах испытуемых с опытом использования психоактивных веществ. Эти изменения тем выраженнее, чем сложнее и нетривиальнее задача.

В наибольшей мере подвержены изменениям под воздействием психоактивных веществ формально-динамические характеристики динамичность и эмоциональная реактивность.

Литература:

1. Концепция аллостаза и адаптация человека на Севере / С.Г. Кривошеков [и др.] // Экология человека. – 2016. – № 7. – С. 17–25.
2. Николаева Е.И. Связь интеллекта ребёнка школьного возраста с возрастом и уровнем образования родителей при его рождении / Е.И. Николаева, Д.А. Гончаров, Е.Ю. Борисенкова // Вестник психофизиологии. – 2017. – № 3. – С. 51–55. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=32422594>
3. Николаева Е.И. Аддиктология / Е.И. Николаева, В.Г. Каменская. – М. : Форум, 2018.
4. Равен Дж. Руководство для Прогрессивных Матриц Равена и Словарных шкал: Раздел 1 и 2 / Дж. Равен, Дж.К. Равен, Дж.Х. Корт. – М. : Когито-Центр, 2002.
5. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения) / Я. Стреляу [и др.]. – М. : Смысл, 2007.
6. Personality traits and psychopathology in nicotine and opiate dependents using the gateway drug theory / B. Amirabadi [et al.] // Iranian Rehabilitation Journal. – 2015. – Vol. 13(1). – P. 60–56.
7. Personality, negative affect coping, and drinking alone: A structural equation modeling approach to examine correlates of adolescent solitary drinking / K.G. Creswell [et al.] // Addiction. – 2015. – Vol. 110(5). – P. 775–783. – URL : <https://doi.org/10.1111/add.12881>
8. Personality profiles of patients with alcohol use disorder and opioid use disorder in an inpatient treatment setting / J.S. Nevid [et al.] // Journal of Substance Abuse Treatment. – 2019. – Vol. 97. – P. 91–96. – URL : <https://doi.org/10.1016/j.jsat.2018.11.013>

Literature:

1. The concept of allostasis and human adaptation in the North / S.G. Krivoshchekov [et al.] // Human ecology. – 2016. – № 7. – P. 17–25.
2. Nikolaeva E.I. The relationship of the intellect of a school-age child with the age and level of education of parents at his birth / E.I. Nikolaeva, D.A. Goncharov, E.Yu. Borisenkova // Bulletin of Psychophysiology. – 2017. – № 3. – P. 51–55. – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=32422594>
3. Nikolaeva E.I. Addictology / E.I. Nikolaeva, V.G. Kamenskaya. – M. : Forum, 2018.
4. Raven J. Guidelines for Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales: Section 1 and 2 / J. Raven, J.K. Raven, J.H. Court. – M. : Cogito-Center, 2002.
5. Temperament diagnostics technique (formal-dynamic characteristics of behavior) / Ya. Strelyau [et al.]. – M. : Meaning, 2007.
6. Personality traits and psychopathology in nicotine and opiate dependents using the gateway drug theory / B. Amirabadi [et al.] // Iranian Rehabilitation Journal. – 2015. – Vol. 13(1). – P. 60–56.
7. Personality, negative affect coping, and drinking alone: A structural equation modeling approach to examine correlates of adolescent solitary drinking / K.G. Creswell [et al.] // Addiction. – 2015. – Vol. 110(5). – P. 775–783. – URL : <https://doi.org/10.1111/add.12881>
8. Personality profiles of patients with alcohol use disorder and opioid use disorder in an inpatient treatment setting / J.S. Nevid [et al.] // Journal of Substance Abuse Treatment. – 2019. – Vol. 97. – P. 91–96. – URL : <https://doi.org/10.1016/j.jsat.2018.11.013>

**ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЭКСПЕРТАМИ СВОЕГО СОСТОЯНИЯ
ПРИ ПРОСЛУШИВАНИИ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ
И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГОВОРЯЩЕГО**

**FEATURES OF EXPERTS' SELF-ASSESSMENT OF THEIR CONDITION
WHEN LISTENING TO A SPEECH MESSAGE, DEPENDING
ON THE CHARACTERISTICS OF THE SPEECH MESSAGE
AND THE PHYSIOLOGICAL INDICATORS OF THE SPEAKER**

Куцырева Мария Александровна

аспирантка кафедры медицинской
психологии и психофизиологии,
Санкт-Петербургский
государственный университет
maria2010@mail.ru

Maria A. Kutsyeva

Graduate Student
of the Department of Medicine
Psychology and Psychophysiology,
Saint Petersburg State University
maria2010@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности самооценки экспертами своего состояния при прослушивании речевого сообщения. Полученные результаты подтверждают ранее полученные данные о влиянии характеристик речевого продукта на эмоциональный фон слушателя. Существенное влияние оказывают темпоральные характеристики речи. Если рассмотрим влияние употребления в речи различных частей речи на эмоциональный ответ слушателя, то наибольший эмоциональный отклик вызывает употребление в речи глаголов, прилагательных, а также причастий и деепричастий. Была выявлена взаимосвязь между физиологическими показателями говорящих и эмоциональным откликом слушателей.

Ключевые слова:

Речевой продукт, интенсивность эмоций, частота возникновения эмоций, эмоциональное состояние, физиологические показатели, вегетативная нервная система, характеристики речи, психические явления.

Annotation.

The article examines the features of self-assessment by experts of their state when listening of speech message. The obtained results confirm the previously obtained data on the influence of speech product's characteristics on the emotional state of the listener. The speed characteristics of speech have a significant impact. If we consider the influence of various parts of speech in speech on the emotional response of the listener, then the greatest emotional feedback is caused by the usage in speech of verbs, adjectives, as well as participles and adverbials. The relationship between the physiological indicators of the speakers and emotional response of the listeners was identified.

Keywords:

speech product, intensity of emotions, frequency of emotions, emotional state, physiological indicators, autonomic nervous system, speech characteristics, mental phenomena.

Введение. Существование речи невозможно без существования эмоций. Речь и эмоции являются взаимопроникающими явлениями. Без эмоции невозможна побудительная речь, речь повествовательная и вопросительная. Исследований, посвященных определению аспектов взаимосвязи речи и психических явлений достаточно много, но проблема не утратила своей актуальности (Н.А. Алмаев, 2012; В.П. Балашова, 2016; J.D. Mayer, P. Salovey, D.R. Caruso, 2000).

Возникает вопрос, на какие речевые характеристики следует ориентироваться в этом случае. Соотношение эмоциональных, лингвистических и структурных характеристик речи может служить показателем эмоционального состояния человека, доступным для изучения в ин-

тересах обозначенной проблемы. Основная гипотеза данного исследования- особенности речевого сообщения будут влиять на состояние слушателя.

Организация исследования и испытуемые. В исследовании приняли участие 154 человека: 25 курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России; 25 военнослужащих срочной службы. 86 студентов психологического факультета СПбГУ в возрасте 18–32 лет и группа экспертов – 19 человек. Среди них 11 женщин, 8 мужчин. Возраст экспертов от 17 до 56 лет. Среди экспертов 8 человек имеют высшее образование, 5 человек – незаконченное высшее, 3 человека – среднеспециальное образование и 3 человека – среднее.

Методики: Регистрировались характеристики речевого продукта, психологические и ряд физиологических параметров. Эксперты прослушивали интервью испытуемых, записанные на диктофон. В процессе прослушивания интервью, эксперты оценивали интенсивность возникающих у них эмоций в соответствии со списком шкалы Изарда.

Испытуемые рассказывали о своем хобби. Записи расшифровывались, и вся дальнейшая работа производилась с письменными реализациями сообщения. Рассчитывались параметры речевого продукта: общее время интервью в сек., число предложений, средний размер предложения (отношение 100 слов к числу предложений), число незаконченных предложений (не завершенные по смыслу, «брошенные» высказывания), темп речи (отношение количества произнесенных в интервью к времени интервью), кол-во существительных, местоимений, прилагательных, глаголов, модальных глаголов, причастий, деепричастий, наречий, числительных, кол-во пауз, сорных слов - слов паразитов (лишние и бессмысленные в данном контексте слова), явления проявления «телеграфного стиля» (характеризуется отрывочностью экспрессивной речи, состоящей из существительных и глаголов в неопределенной форме, без грамматического их согласования), и незакрепленности места зависимых членов предложения по отношению к главным, явления отсутствия согласования между отдельными частями высказывания.

Помимо речевых характеристик, для сравнения брались некоторые физиологические показатели состояния, измеряемые вне ситуации взятия интервью, в ситуации фона. Это такие показатели: альфа-индекс в затылочном отведении ЭЭГ справа (отведение O_2 системы 10–20 %), альфа-индекс в затылочном отведении слева (отведение O_1), максимальная амплитуда альфа ритма в O_2 и O_1 , длительность полупериода возрастания усредненной волны ЭЭГ, подсчитанная по методике А.А. Генкина $A_T = 5 \text{ сек}$ в отведениях O_2 и O_1 , длительность полупериода убывания усредненной волны $B_T = 5 \text{ сек}$ в тех же отведениях O_2 и O_1 , усредненная частота ЭЭГ, определенная по методике А.А. Генкина, в тех же затылочных отведениях (лев и прав), частота доминирующего ритма в тех же отведениях, определенная через построенную автокорреляционную функцию $\omega_{лев}$ и $\omega_{прав}$, дисперсия (R-R)-интервалов и средний (R-R)-интервал в ЭКГ, частота пульса ЧСС, верхнее и нижнее артериальное давление (СД и ДД), частота дыхания ЧД, объем дыхания ОД, жизненная емкость легких ЖЕЛ, динамометрия правая и левая (сила кистей рук), тремор статический и динамический справа и слева, пульсовое давление ПД (ПД = СД–ДД), среднее динамическое давление СДД, ударный выброс крови УО, минутный объем кровотока МОК, периферическое сопротивление кровотоку ПСК, вегетативный индекс Кердо ВИК. Состав выбранных физиологических методик и полученных с их помощью показателей определялся таким образом, чтобы с их помощью определялась работа трех блоков мозга: вегетативного мозга, соматического мозга и так называемого «психического мозга», деятельность которого определяется конвекситальными отделами коры. (В.Д. Балин, 2001).

Для анализа данных использовался корреляционный анализ для выделения значимых (на уровне $p < 0,05$) взаимосвязей.

Результаты исследования. *Взаимосвязь характеристик речи и оценок экспертов. Темпоральные характеристики речи.*

Число предложений коррелирует со средней суммарной частотой проявления эмоций ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$). Число незаконченных предложений прямо коррелирует с оценкой интенсивности проявления отвращения ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$), оценкой частоты проявления горя ($r = 0,27$; $P \leq 0,05$), оценкой частоты проявления отвращения ($r = 0,32$; $P \leq 0,01$), оценкой частоты проявления страха ($r = 0,34$; $P \leq 0,01$), диапазоном эмоциональности для средних показателей по частоте проявления эмоций ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$); обратно коррелирует с оценкой частоты проявления интереса ($r = -0,27$; $P \leq 0,05$), оценкой частоты проявления радости ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$), субъективной оценкой эмоциональности ($r = -0,22$; $P \leq 0,05$).

Таким образом, количество незаконченных предложений, увеличивает проявление таких эмоций как отвращение, горе, страх и уменьшает проявление таких эмоций как интерес и радость.

Средний размер предложения обратно коррелирует со средней суммарной частотой проявления эмоций ($r = -0,22$; $P \leq 0,05$). Если рассмотреть время интервью, то с ним коррелирует

оценка частоты проявления горя ($r = 0,31$; $P \leq 0,01$), оценка частоты проявления презрения ($r = 0,24$; $P \leq 0,05$); обратно коррелирует оценка частоты проявления интереса ($r = -0,25$; $P \leq 0,05$), субъективной оценкой эмоциональности ($r = -0,37$; $P \leq 0,001$).

Темп речи прямо коррелирует с субъективной оценкой эмоциональности ($r = 0,29$; $P \leq 0,01$), обратно коррелирует с оценкой частоты проявления горя ($r = -0,27$; $P \leq 0,05$). Количество пауз обратно коррелирует с субъективной оценкой эмоциональности ($r = -0,22$; $P \leq 0,05$).

Получается, что темпоральные характеристики речи оказывают существенное влияние на возникновение у слушателя эмоций. Так при снижении темпа речи увеличивается проявление у экспертов таких эмоций как отвращения, презрения, горя. При ускорении темпа речи, уменьшении количества пауз и среднего размера предложения- увеличивается субъективная оценка эмоциональности. Большое количество незаключенных предложений и более длительное время интервью – вызывают негативные эмоции.

Части речи. Количество прилагательных обратно взаимосвязано с оценкой интенсивности проявления страха ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$).

Количество глаголов коррелирует со средним индивидуальным диапазоном эмоциональности по интенсивности проявления эмоций ($r = 0,26$; $P \leq 0,05$). Количество модальных глаголов обратно коррелирует с оценкой интенсивности проявления интереса ($r = -0,25$; $P \leq 0,05$), оценкой интенсивности проявления удивления ($r = -0,28$; $P \leq 0,01$) и средней суммарной интенсивностью ($r = -0,30$; $P \leq 0,01$).

Показатель по количеству причастий, употребляемых в речи, коррелирует с оценкой частоты проявления отвращения ($r = 0,29$; $P \leq 0,01$); обратно коррелирует с оценкой частоты и интенсивности проявления интереса ($r = -0,26$; $P \leq 0,05$), средней суммарной частотой ($r = -0,25$; $P \leq 0,05$) и субъективной оценкой эмоциональности ($r = -0,25$; $P \leq 0,05$).

Если мы посмотрим на частоту употребления в речи деепричастий, то она положительно коррелирует с оценкой частоты проявления интереса ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$), обратно коррелирует с диапазоном эмоциональности для средних показателей по частоте ($r = -0,29$; $P \leq 0,01$) и интенсивности ($r = -0,27$; $P \leq 0,05$) проявления эмоций, оценкой частоты проявления горя ($r = -0,22$; $P \leq 0,05$).

Количество наречий прямо коррелирует с оценкой интенсивности проявления радости ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$) и удивления ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$), оценкой частоты проявления радости ($r = 0,32$; $P \leq 0,01$) и удивления ($r = 0,33$; $P \leq 0,01$), средней суммарной интенсивностью ($r = 0,27$; $P \leq 0,05$) и частотой ($r = 0,36$; $P \leq 0,001$) проявления эмоций.

Итак, если рассмотрим взаимосвязь употребления в речи различных частей речи на эмоциональный ответ слушателя, то получим следующую картину – употребление в речи прилагательных – уменьшает у слушателя проявление такой эмоции как страх. Если в речи говорящего много причастий – у слушателя увеличивается проявление отвращения и уменьшается проявление интереса. Употребление деепричастий- увеличивает количество интереса, снижает интенсивность и диапазон эмоций, уменьшает количество горя. Если говорящий употребляет большое количество глаголов – у слушателя увеличивается эмоциональность. Большое количество модальных глаголов наоборот уменьшает проявление эмоциональности и снижает интерес и удивление эксперта.

Взаимосвязь оценок экспертов и физиологических показателей. Оценка интенсивности проявления радости коррелирует с длительностью полупериода возрастания ЭЭГ в ПП ($r = 0,28$; $P \leq 0,01$); обратно коррелирует с частотой ЭЭГ в ПП ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$). Оценка интенсивности проявления удивления коррелирует с максимальной амплитудой ЭЭГ в ЛП ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$).

Если рассмотреть оценку интенсивности проявления горя, то с ней прямо коррелируют частота ЭЭГ ПП ($r = 0,22$; $P \leq 0,05$) и ЛП ($r = 0,27$; $P \leq 0,05$), доминирующая частота ПП ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$) и ЛП ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$), частота дыхания ($r = 0,24$; $P \leq 0,05$), обратно коррелирует с длительностью полупериода возрастания ЭЭГ ЛП ($r = -0,26$; $P \leq 0,05$) и убывания ЭЭГ ЛП ($r = -0,34$; $P \leq 0,01$), длительностью полупериода возрастания ЭЭГ ПП ($r = -0,26$; $P \leq 0,05$) и убывания ЭЭГ ПП ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$).

Оценка частоты проявления горя коррелирует с частотой ЭЭГ ЛП ($r = 0,30$; $P \leq 0,01$) и частотой ЭЭГ ПП ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$), доминирующей частотой ЭЭГ ЛП ($r = 0,26$; $P \leq 0,05$) и ПП ($r = 0,29$; $P \leq 0,01$); обратно коррелирует с длительностью полупериода возрастания ЭЭГ ЛП ($r = -0,27$; $P \leq 0,05$) и ПП ($r = -0,30$; $P \leq 0,01$), длительностью полупериода убывания ЭЭГ ЛП ($r = 0,28$; $P \leq 0,01$).

Оценка частоты проявления презрения коррелирует с доминирующей частотой ЭЭГ ЛП ($r = 0,29$; $P \leq 0,01$).

Оценка интенсивности проявления страха обратно коррелирует с дисперсией R-R интервалов ($r = -0,24$; $P \leq 0,05$). С биологических позиций тревога (и страх) – это врожденный механизм подготовки к осуществлению актов самообороны. Они проявляются в усилении активации

симпатической регуляции, что приводит к увеличению частоты дыхания и сердцебиения, увеличению минутного объема циркулирующей крови, повышению артериального давления, возрастанию общей возбудимости, снижению порогов чувствительности и т.п. (Е.П. Ильин, 2017).

Оценка интенсивности проявления стыда обратно коррелирует с систолическим давлением ($r = -0,27$; $P \leq 0,05$), пульсовым давлением ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$).

Оценка частоты проявления стыда прямо коррелирует с частотой ЭЭГ в ПП ($r = 0,25$; $P \leq 0,05$), обратно коррелирует с длительностью полупериода возрастания ЭЭГ в ПП ($r = -0,30$; $P \leq 0,01$), систолическим давлением ($r = -0,30$; $P \leq 0,01$), среднединамическим давлением ($r = -0,25$; $P \leq 0,05$) и пульсовым давлением ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$). Частота и интенсивность проявления стыда обратно коррелируют с показателями давления. Человек замирает. Это известный факт М. Якоби, (М. Якоби, 2001) называл стыд спрятанной эмоцией. Телесные проявления стыда иллюстрируют то, что нам хочется сделать, когда мы переживаем эту эмоцию – отвернуться, спрятаться, скрыться. И это – универсальная реакция. То есть непросто не только говорить, но и слушать, и эмоционально разделять стыд. **Стыд имеет определенные телесные паттерны.** Как при переживании любой базовой эмоции, тело реагирует на стыд раньше сознания. Это не только эмоциональное переживание, но и телесное ощущение, сопровождающееся покраснением, изменением температуры тела, вегетативными реакциями. Это движения скручивания, отворачивания, тело словно хочет занять меньше места в пространстве. Одно из основных действий стыда – сужение поля зрения: глаза закрываются рукой и/или взгляд устремляется в пол. (С. Ефремов, 2022).

Оценка интенсивности проявления вины обратно коррелирует с длительностью полупериода возрастания ЭЭГ в ПП ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$).

Средняя суммарная частота проявления эмоций коррелирует с частотой дыхания ($r = 0,23$; $P \leq 0,05$). Средний индивидуальный диапазон эмоциональности по частоте проявления эмоций обратно коррелирует с минутным объемом кровотока ($r = -0,23$; $P \leq 0,05$). Полученные данные логичны – увеличение эмоциональности приводит к увеличению частоты дыхания, минутного объема кровотока. Меняются показатели работы вегетативной нервной системы.

Выявлено большое количество взаимосвязей между показателями ЭЭГ и самооценкой экспертами своих эмоций. Эти данные подтверждаются и в литературе – исследование американских нейрофизиологов дает основание предполагать, что чувство страха формируется в основном в правом полушарии мозга. Например, демонстрация фильмов разного содержания в правом и левом поле зрения с помощью контактных линз показала, что правое полушарие преимущественно связано с оценкой неприятного, ужасного, а левое – с приятным и смешным. Анализ ЭЭГ дает сходную картину: при положительных эмоциях сильнее активируется фронтальная область левого полушария, при отрицательных – фронтальная область правого (Е.П. Ильин, 2017).

Заключение. Таким образом мы выявили как особенности речевого продукта и физиологическое состояние говорящего влияет на самооценку эмоционального состояния эксперта. Полученные результаты подтверждают ранее полученные данные о влиянии характеристик речевого продукта на эмоциональный фон испытуемого. В продолжении работы было бы интересно посмотреть на физиологические показатели у эксперта в процессе прослушивания интервью.

Хотелось бы уточнить, что не бывает «плохих» и «хороших» эмоции. Эмоции помогают ориентироваться в пространстве и анализировать поступающую информацию. Благодаря этому человек может принять решение в более сжатые сроки.

Литература:

1. Алмаев Н.А. Семантика звука / Н.А. Алмаев // Вопросы психолингвистики. – М., 2012. – № 2. – С. 76–83.
2. Балашова В.П. Особенности развития эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речи / В.П. Балашова // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 767–770.
3. Балин В.Д. Психическое отражение. Элементы теоретической психологии. – СПб.; СПбГУ, 2001.
4. Ильин Е.П. Психология страха. – СПб., 2017.
5. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. – Л., 1983.
6. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. – Л., ЛНИИТЕК, 1976.
7. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения. – М. : Институт психоаналитической психологии, 2001.

8. Ефремов Станислав. «Эмоция, которая есть, но очень хочется её избегать»: работа со стыдом в психодраме. Тезисы 20-я Московская психодраматическая конференция 10-13 июня 2022 года.

9. Mayer J.D. Models of emotional intelligence. R.J. Sternberg (ed.) Handbook of Intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey, D.R. Caruso. – N.-Y., Cambridge University Press, 2000. – P. 396–420.

Literature:

1. Almaev N.A. Sound Semantics. Voprosy psiholingvistiki. M., 2012. – № 2. – P. 76–83.

2. Balashova V.P. Features of development of emotional sphere of children of senior preschool age with speech disorders. Molodoy uchenyy. – 2016. – № 2. – P. 767–770.

3. Balin V.D. Mental reflection. Elements of theoretical psychology. – SPb; SPbGU, 2001.

4. Ilyin E.P. Psychology of fear. – SPb., 2017.

5. Nemchin T.A. Neuropsychiatric tension states. – L., 1983.

6. Hanin Yu.L. A short guide to the use of the scale of reactive and personal anxiety Ch.D. Spielberger. – L., LNIITEK, 1976.

7. Jacobi M. Shame and sources of self-esteem. – M. : Institute of Psychoanalytic Psychology, 2001

8. Stanislav Efremov «An emotion that exists, but I really want to avoid it»: working with shame in psychodrama. Theses of the 20th Moscow Psychodramatic Conference June 10–13, 2022.

9. Mayer J.D. Models of emotional intelligence. R.J. Sternberg (ed.) Handbook of Intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey, D.R. Caruso. – N.-Y., Cambridge University Press, 2000. – P. 396–420.

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ ВРАЧЕЙ-ОРДИНАТОРОВ

ATTITUDE TO THE HEALTH OF RESIDENT DOCTORS

Мазанкина Елена Владимировнаассистент кафедры общей
и клинической психологии,
Самарский государственный
медицинский университет
e.v.mazankina@samsmu.ru**Elena V. Mazankina**Assistant of the Department
of General and Clinical Psychology,
Samara State Medical University
e.v.mazankina@samsmu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности отношения к здоровью врачей-ординаторов и психологические факторы, способствующие и препятствующие формированию адекватного отношения. Проведенное исследование показало, что высокоразвитый когнитивный компонент и высокая ценность здоровья сочетаются с низким уровнем ответственности за здоровье, несформированностью здоровьесберегающего поведения, неумением испытывать положительные эмоции в отношении здоровья. Факторами формирования отношения к здоровью являются личностная тревожность, ипохондричность, эмоциональная лабильность и оптимистичность.

Ключевые слова:

отношение к здоровью, личностная тревожность, ипохондричность, эмоциональная лабильность, оптимистичность, здоровьесберегающее поведение, ответственность за здоровье.

Annotation.

This article examines the peculiarities of the attitude to the health of resident doctors and psychological factors that contribute to and hinder the formation of an adequate attitude. The study showed that a highly developed cognitive component and a high value of health are combined with a low level of responsibility for health, lack of formation of health-saving behavior, inability to experience positive emotions about health. Factors in the formation of attitudes to health are personal anxiety, hypochondriacal, emotional lability and optimism.

Keywords:

attitude to health, personal anxiety, hypochondriac, emotional lability, optimism, health-saving behavior, responsibility for health.

Профессиональная деятельность медицинских работников всех уровней характеризуется высокой интенсивностью и оценивается исследователями как тяжелая в связи с психическим и физическим напряжением, а также интеллектуальными перегрузками, которые предъявляют высокие требования к выносливости сотрудников, к их когнитивным процессам. Работа врачей и медицинских сестер подразумевает необходимость анализа большого объема специальной информации, принятия решений, от которых зависит жизнь других людей [8]. В большинстве своем врачи и средний медицинский персонал испытывают высокую психологическую и социальную нагрузку, фокусируясь на проблемах пациентов и забывая о собственных потребностях [2].

Далекий от оптимального образ жизни медицинских работников, их отношение к состоянию своего здоровья оказывает влияние на их физическое и психическое самочувствие, и, в конечном счете, на качество оказываемой ими профессиональной помощи [9]. В самосохранении человека огромную роль играет целостность, духовность, уравновешенность личности, ее ориентация на саморазвитие. Такое содержание заложено в понятие «внутренней картины здоровья» – отношения человека к своему самочувствию, которое раскрывается в понимании его важности, ценности, а также в активно-позитивном настрое на самосовершенствование [4]. Самоотношение к здоровью включает в себя не только функциональные характеристики органов и систем, но и субъективное чувство собственной социальной органичности [2].

В ряде исследований [5; 6; 1] представлены данные, отражающие крайне низкие показатели самооценки своего физического состояния медицинскими работниками при высокой распространенности само- и взаимолечения, неоправданного использования лекарственных препаратов, продолжения работы при ухудшении состояния здоровья, отсутствие профилактики заболеваний.

Исследование Г.Ю. Иконниковой и Н.А. Шишовой показало, что среди заболевших медицинских работников обращается за профессиональной помощью лишь 20%, а среди лиц, имеющих хронические заболевания, 44 % посещают врача только в случае рецидива, 18 % в случае сильного ухудшения состояния, и также 18 % предпочитают справляться с болезнью самостоятельно. В целом образ жизни медицинских работников не направлен на сохранение своего физического благополучия, такое отношение можно оценить как деструктивное. Одновременно с подобным отношением врачи, отвечая на вопросы о ценности здоровья, ставят его на первые места в перечне ценностей и отмечают, что следует уделять ему больше внимания, находя веские оправдания тому, что не делают этого. Менее 20 % опрошенных врачей признают, что причина такого отношения к своему состоянию кроется в их собственной неорганизованности [9].

По данным Л.С. Агаларовой, более половины опрошенных врачей полагают, что здоровье является самой большой жизненной ценностью, около 30 % рассматривают его не как терминальную, а как инструментальную ценность, позволяющую жить полноценной жизнью, около 6 % уравнивают его ценность с другими ценностями или даже готовы пожертвовать им для достижения других целей, и примерно 10 % предпочитают вообще не задумываться о здоровье [1].

Н.Н. Уланова и В.С. Ковылин считают, что для отношения к здоровью медицинских работников свойственно расхождение между когнитивным и поведенческим компонентами. На уровне знаний и представлений они прекрасно понимают, как нужно себя вести, чтобы сохранить и укрепить свое состояние, но их представления не реализуются в поведенческом плане. Среди видов здоровья главным они считают физическое, которое обеспечивает высокую работоспособность и физический комфорт [7].

Следует учитывать, что среди различных компонентов профессии медицинского работника не последним по важности, но часто игнорируемым, является санитарно-просветительский (профилактический) компонент, включающий формирование у граждан знаний о здоровом образе жизни и приверженности к нему. Большое значение для успешной реализации данной составляющей имеет непосредственный пример врача. По этой причине формирование у студентов медицинских вузов ответственного отношения к своему физическому и психическому состоянию необходимо и способствует долгой успешной профессиональной деятельности [3].

Целью настоящего исследования стало изучение отношения к здоровью врачей-ординаторов СамГМУ 1 и 2 года, а также психологических факторов, способствующих или препятствующих формированию адекватного отношения и поведенческих стратегий.

В исследовании приняли участие 32 врача-ординатора 1 и 2 годов обучения терапевтических и хирургических специальностей, среди которых 20 женщин и 12 мужчин в возрасте 23–26 лет. Методики исследования: опросник «Профиль здорового образа жизни» (S.N. Walker), опросник «Отношение к здоровью» (Р.А. Березовская), опросник Мини-СМИЛ (Л.Н. Собчик), методика «Интегративный тест тревожности» (Л.И. Вассерман, А.П. Бизюк, Б.В. Иовлев). Математический анализ данных осуществлялся при помощи непараметрического статистического критерия ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования, полученные при проведении методики «Профиль здорового образа жизни» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Предпосылки здорового образа жизни (%)

Шкалы	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Ответственность за здоровье	31	49,6	18,6
Физическая активность	43,4	43,4	15,5
Питание	31	55,8	12,4
Внутренний рост	12,4	55,8	31
Межличностные отношения	–	37,2	62
Управление стрессом	12,4	74,4	15,5

Низкие показатели свидетельствуют о наличии проблем в поддержании здорового образа жизни, высокие показатели – о внимательном отношении к профилактике развития заболеваний. Единственная шкала, по которой более чем у половины обследованных ординаторов (62 %) отмечены благополучные показатели – шкала межличностных отношений. Большинство обследованных сохраняют хорошие отношения с окружающими (коллегами и пациентами), имеют группу социальной поддержки, умеют разрешать конфликтные ситуации без ущерба для себя. Около 75 % ординаторов отмечают средней степени развитые навыки совладания со стрессом, немногим более половины обследованных свойственно поддерживать правильное питание и стремиться к саморазвитию, практически половина считает, что в какой-то степени несет ответственность за свое здоровье. Наименее благополучная ситуация отмечается в сфере поддер-

жания физической активности – около половины обследованных не уделяют этому аспекту жизни никакого внимания.

Результаты исследования, полученные при проведении опросника «Отношение к здоровью» представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты исследования отношения к здоровью (%)

Шкалы	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Когнитивная	–	24,8	74,4
Эмоциональная	6,2	55,8	37,2
Поведенческая	12,4	68,2	18,6
Ценностно-мотивационная	–	31	68,2

Примерно три четверти обследуемых имеют высокий уровень знаний о том, что такое здоровье и как его нужно поддерживать. Около 70 % ординаторов имеют высокую значимость здоровья в индивидуальной иерархии ценностей. Эмоциональный и поведенческий компоненты находятся на среднем уровне более чем у половины обследуемых, соответственно, им свойственна высокая тревожность и неумение радоваться своему здоровью, а также несоответствие поведения цели поддержания здоровья.

Также нами было проведено исследование личностных особенностей и уровня ситуативной и личностной тревожности ординаторов и полученные результаты были сопоставлены с результатами исследования отношения к здоровью при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 3).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа

		ИТТ	Опросник Мини-СМИЛ				
		Шкала личностной тревожности	Шкала сверхконтроля	Шкала пессимистичности	Шкала эмоциональной лабильности	Шкала тревожности	Шкала оптимистичности
Опросник «Отношение к здоровью»	Когнитивная шкала	0,579**	–0,133	0,513**	0,17	0,355*	0,292
	Эмоциональная шкала	0,361*	0,225	0,389*	0,258	0,642**	–0,185
	Поведенческая шкала	0,296	–0,351*	0,128	–0,255	0,232	0,435*
«Профиль здорового образа жизни»	Ответственность за здоровье	0,33	–0,072	0,281	–0,146	0,441*	0,2
	Физическая активность	–0,07	–0,465**	–0,127	–0,677**	–0,284	0,651**
	Внутренний рост	–0,305	–0,271	–0,610**	–0,455**	–0,09	0,440*
	Межличностные отношения	0,273	0,194	0,019	0,306	0,451**	–0,169
	Управление стрессом	–0,14	–0,243	–0,335	–0,437*	0,088	0,284

* – взаимосвязь значима при $p < 0,05$, ** – при $p < 0,01$.

В ходе исследования были получены следующие значимые взаимосвязи:

- высокая личностная тревожность тесно положительно взаимосвязана с уровнем знаний о здоровье и средствах его поддержания (когнитивная шкала), с положительными эмоциями в отношении здоровья, с ответственностью за здоровье и с умением поддерживать хорошие межличностные отношения;
- сверхконтроль (ипохондричность) отрицательно связана со здоровьесберегающим поведением и физической активностью;
- пессимистичность в структуре личности положительно взаимосвязана с уровнем знаний о здоровье, с положительными эмоциями в отношении здоровья, а также отрицательно – со стремлением к личностному росту;
- эмоциональная лабильность отрицательно связана с физической активностью, личностным ростом и способностью совладания со стрессом;
- оптимистичность положительно связана со здоровьесберегающим поведением, физической активностью и личностным ростом.

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что у обследованных ординаторов отмечается высокая ценностная значимость здоровья и обширные знания о том, как нужно его сохранять, но здоровьесберегающее поведение практически отсутствует, как и способность испытывать положительные эмоции по поводу своего здоровья. В структуре поведения, направленного на сохранение здоровья, преобладает благополучие в сфере межличностных отношений, но при этом минимальна склонность к поддержанию физической активности.

Среди личностных факторов, способствующих сохранению положительного отношения к своему здоровью – оптимистичность (способствует формированию здоровьесберегающего поведения, физической активности и личностному росту) и личностная тревожность (способствует формированию ответственного отношения к здоровью). Препятствуют сохранению положительного отношения к своему здоровью такие личностные черты, как ипохондричность (снижает необходимую поведенческую и физическую активность), пессимистичность (препятствует личностному росту) и эмоциональная лабильность (препятствует физической активности, личностному росту и адекватному совладанию со стрессом).

Таким образом, знание личностных особенностей врачей-ординаторов позволяет прогнозировать их отношение к здоровью и осуществлять своевременное предупреждение его ухудшения, поскольку собственный пример врача имеет большую ценность в аспекте профилактической работы с пациентами.

Литература:

1. Агаларова Л.С. Изучение отношения медицинских работников к своему здоровью / Л.С. Агаларова, М.А. Гамзаева, У.Г. Ильясова [и др.] // Главврач. – 2015. – № 3. – С. 3–6.
2. Боллигер Л.В. Отношение к собственному здоровью медицинских работников / Л.В. Боллигер // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 10(105). – С. 280–284.
3. Горбунков В.Я. Условия формирования ответственного отношения к здоровью у студентов медицинских образовательных учреждений / В.Я. Горбунков, М.И. Плугина, В.А. Лебединская // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2013. – № 1. – С. 125–129.
4. Григорович Л.А. Внутренняя картина здоровья в структуре профессионального самосознания специалистов антропоцентрических профессий / Л.А. Григорович, Е.Б. Качалина // Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции «Актуальные направления социально-психологических исследований личности в онтогенезе». – М., 2019. – С. 30–34.
5. Гурьянов М.С. Научное обоснование формирования здоровьесберегающего поведения медицинских работников (на примере Нижегородской области) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук 14.02.03 / М.С. Гурьянов. – Н. Новгород, 2011. – 48 с.
6. Ермолина Т.А. Состояние здоровья медицинских работников. Обзор литературы / Т.А. Ермолина, Н.А. Мартынова, А.Г. Калинин, С.В. Красильников // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – Т. 19. – № 3. – С. 197–200.
7. Ковылин В.С. Проблема исследования здоровьесберегающего поведения у медицинских работников / В.С. Ковылин, Н.Н. Уланова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – № 1(4). – С. 36–43.
8. Неврычева Е.В. Здоровье медицинских работников / Е.В. Неврычева, К.В. Жмеренецкий, Н.С. Ноздрин // Здравоохранение Дальнего Востока. – 2016. – № 1. – С. 72–82.
9. Томилова М.И. Особенности отношения медицинских работников к собственному здоровью / М.И. Томилова // Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновации в здоровье нации». – СПб., 2016. – С. 182–185.

Literature:

1. Agalarova L.S. Studying the attitude of medical workers to their health / L.S. Agalarova, M.A. Gamzaeva, U.G. Ilyasova [et al.] // Chief physician. – 2015. – № 3. – P. 3–6.
2. Bolliger L.V. Attitude to the own health of medical workers / L.V. Bolliger // Bulletin of Irkutsk State Technical University. – 2015. – № 10(105). – P. 280–284.
3. Gorbunkov V.Ya. Conditions for the formation of a responsible attitude to health among students of medical educational institutions / V.Ya. Gorbunkov, M.I. Plugina, V.A. Lebedinskaya // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko. – 2013. – № 1. – P. 125–129.
4. Grigorovich L.A. Internal picture of health in the structure of professional self-consciousness of specialists of anthropocentric professions / L.A. Grigorovich, E.B. Kachalina // Collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference «Current directions of socio-psychological research of personality in ontogenesis». – M., 2019. – P. 30–34.
5. Guryanov M.S. Scientific justification formation of health-saving behavior of medical workers (on the example of the Nizhny Novgorod region) : autoref. dis. ... Doctor of Medical Sciences 14.02.03 / M.S. Guryanov. – N. Novgorod, 2011. – 48 p.
6. Ermolina T.A. The state of health of medical workers. Literature review / T.A. Ermolina, N.A. Martynova, A.G. Kalinin, S.V. Krasilnikov // Bulletin of New medical technologies. – 2012. – Vol. 19. – № 3. – P. 197–200.
7. Kovylin V.S. The problem of research of health-saving behavior in medical workers / V.S. Kovylin, N.N. Ulanova // Personality in a changing world: health, adaptation, development. – 2014. – № 1 (4). – P. 36–43.
8. Nevrycheva E.V. Health of medical workers / E.V. Nevrycheva, K.V. Zhmerenetsky, N.S. Nozdrina // Healthcare of the Far East. – 2016. – № 1. – P. 72–82.
9. Tomilova M.I. Features of the attitude of medical workers to their own health / M.I. Tomilova // Collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation «Innovations in the health of the nation». – SPb., 2016. – P. 182–185.

**БУЛЛИНГ – СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

**BULLYING AS SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON
OF MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

Макарова Елена Александровна

доктор психологических наук,
профессор,
профессор кафедры
Общей и консультативной психологии,
Донской государственной
технической университет
makarova.h@gmail.com

Elena A. Makarova

Doctor of Psychological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
General and Advisory Psychology,
Don State Technical University
makarova.h@gmail.com

Осадчая Анастасия Вячеславовна

техник кафедры
«Научно-технический перевод
и профессиональная коммуникация»,
Донской государственной
технической университет
005.nasty@mail.ru

Anastasia V. Osadchaya

Technician of the Department
«Scientific and Technical Translation
and Professional Communication»,
Don State Technical University
005.nasty@mail.ru

Абросимова Елена Борисовна

аспирант кафедры управления,
Таганрогский институт
управления и экономики
lenuar22@gmail.com

Elena B. Abrosimova

Postgraduate Student
of Management Department,
Taganrog Institute
of Management and Economics
lenuar22@gmail.com

Аннотация. Современная образовательная среда, несомненно, сталкивается с проблемой выявления и пресечения агрессивного поведения школьников по отношению друг к другу. К сожалению, школьный буллинг приобретает все большую популярность среди подростков, тем самым оказывая необратимое воздействие на психологическое состояние всех участников этого процесса, формируя виктимное поведение, заниженную самооценку жертв; несформированность социальных умений, завышенную самооценку и жестокость у агрессоров; нерешительность, равнодушие и безучастное отношение у свидетелей актов жестокости.

Ключевые слова: физическое насилие, эмоциональный вред, антисоциальная деятельность, запугивание, виктимное поведение.

Annotation. Definitely, modern educational environment is faced with the problem of identifying and suppressing aggressive behavior of schoolchildren against each other. Unfortunately, school bullying is becoming increasingly popular among adolescents, thereby having an irreversible impact on all participants in this process' psychological health, developing victim behavior, victims' low self-esteem; aggressors' lack of social skills, high self-esteem and cruelty; acts of cruelty witnesses' indecision, indifference and disregard attitude.

Keywords: physical abuse, emotional harm, antisocial activity, bullying, victim behavior.

Введение. По последним статистическим данным, издевательства в школе – это то, что затрагивает почти всех детей: три четверти опрошенных детей и подростков

признаются, что они либо сами издевались над другими детьми, либо были жертвами буллинга в школе, над каждым четвертым ребенком в школе издеваются регулярно и постоянно. По статистике ежегодно фиксируются около 3 миллионов случаев жестокого обращения со школьниками в семье, школе, на улице. Эти цифры постоянно растут, потому что существует много разных способов, с помощью которых буллер может издеваться над своей жертвой, изобретая все более изощренные формы буллинга. Исследователи предполагают, что школьные издевательства (буллинг) – это сбой в школьной системе. Данное исследование нацелено на анализ существующих источников по проблеме, выявление факторов буллинга, формирование блоков психологической поддержки для жертв буллинга и рекомендаций для родителей и школьного персонала.

Школьные издевательства превращаются во всеобщее явление, на которое до сих пор вообще не обращали внимания или обращали, но недостаточное, так как существовало ошибочное представление о буллинге как о составной и неизбежной части взросления. В последние годы школьный буллинг привлекает все больше внимания СМИ, общественности и исследователей, и, хотя исследования были в основном направлены на явление виктимизации и его последствия, последние работы были сфокусированы на изучении индивидуальных и групповых издевательствах в социальном и культурном времени и пространстве и на личностных качествах участников буллинга.

В науке отсутствует единое определение буллинга. Основоположник исследований Д. Ольвеус под буллингом понимает целенаправленное агрессивное поведение, которое сопровождается дисбалансом сил [22]. Буллинг также определяется как методичный способ деморализации человека или группы людей, которых хулиган или группа хулиганов считают ниже себя благодаря ряду факторов, таких как раса, пол, интеллектуальные способности, социальный статус или внешний вид. Но правда в том, что жертвой буллинга может стать любой, а внешность, социальный статус, национальность, музыкальные вкусы, успехи в учёбе или проблемы в семье – лишь повод. Красивые и умные дети страдают от нападок одноклассников не меньше, чем некрасивые и глупые. Всех жертв объединяет повышенная чувствительность: они часто показывают свой страх, могут заплакать, то есть, реагируют на травлю именно так, как нужно агрессорам, чем дают обидчику не только моральное удовлетворение, но и повод для дальнейших издевательствах.

По нашему мнению, наиболее полным и одновременно точным является определение буллинга, данное Д. Лейном: «Буллинг представляет собой длительное физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации» [19, 20]. В нашем исследовании мы опирались именно на это определение. Школьное издевательство проявляется через различные формы физических и (или) психических притеснений, переживаемых детьми и подростками, со стороны сверстников или старших по возрасту. Для одних детей – это систематические насмешки, отражающие какие-то особенности внешнего вида или личности пострадавших. Для других – вымогательство, порча личных вещей, физическое насилие разного рода (от заталкивания под парту до откровенного физического притеснения, побоев). Для третьих – издевательства, унижающие чувство человеческого достоинства, например, жертву могут заставить публично просить прощения, стоя на коленях, вылизать обувь обидчика или ползти по коридору на глазах у всех [4].

Каждая ситуация уникальна, очень трудно выявить акт издевательства, отличить серьезные намерения причинить вред (физический, эмоциональный или моральный) от невинной шутки или дружеского подтрунивания, поэтому в школьном коллективе преподавателей каждый должен работать, чтобы предотвратить издевательства и остановить хулигана. В настоящее время руководители школ сталкиваются с проблемой выявления и пресечения подобных действий в школе. Школьный буллинг может привести к излишнему стрессу в жизни ребенка и должен быть прекращен до того, как ситуация максимально обострится и приведет к фатальным последствиям.

Буллинг или моббинг? Буллинг бывает не только индивидуальным, но и групповым, что еще страшнее. Групповые притеснения, получившие название «моббинг» – это агрессия против одного из членов коллектива со стороны всех других членов коллектива или его части, целенаправленные действия коллектива, обращенные против одного человека, унижающие, оскорбляющие или причиняющие вред жертве, преследование кого-либо с целью «изолировать» от общества, оставить без защиты [7]. Проявляется моббинг во всех возрастных, гендерных и социальных группах. Буллинг и моббинг отличаются от конфликта, при котором силы противников примерно равны, тем, что жертва оказывается не в состоянии защитить себя от нападков и покорно принимает издевательства [1].

Вот некоторые статистические данные, относящиеся к случаям группового запугивания в школах: устные издевательства были зарегистрированы у 77 % всех учащихся; 14 % из них серьезно пострадали физически от действий хулиганов; кибербуллинг использует социальные

медиа и вовлекает около 80 % всех учащихся в групповую травлю; примерно 35 % подростков находятся под угрозой в Интернете.

Буллинг не подходит под все имеющиеся критерии, которые должны отражать содержание изучаемого явления. Издевательства среди школьников подросткового возраста проявляются в поведении его участников и в характеристиках малой группы, в которой они возникают (зачастую данной малой группой является первичный коллектив обучающихся – школьный класс). Исходя из этого, нами выделены два типа критериев: поведенческие критерии, в который входят следующие критерии: агрессивное, виктимное и конформное поведение, и групповой критерий.

Показателями критерия «агрессивное поведение» являются: длительные повторяющиеся агрессивные действия по отношению к заведомо более слабому члену коллектива – жертве; ведущим мотивом агрессии выступает стремление занять высокий социальный статус в группе; существуют различные виды агрессии, используемые при буллинге (вербальная агрессия, физическая агрессия, вымогательство, шантаж, распространение ложных сведений, порочащих честь и достоинство жертвы, косвенная агрессия (групповой бойкот) и др.). Показателями критерия «виктимное поведение» являются: физическая слабость; заниженная самооценка; несформированность социальных умений. Показателями критерия «конформное поведение» являются присутствие в инцидентах буллинга, без осуществления насильственных действий, но и не предотвращая издевательств (политика невмешательства).

Так как на возникновение буллинга влияют групповые характеристики, был выявлен групповой критерий. Показателями данного критерия являются следующие: отсутствие или антисоциальное содержание групповой деятельности; взаимодействие в группе строится на принципе доминирования; групповая иерархия формируется по критерию силы ее участников; желаемый социальный статус достигается с позиции силы и контроля, через унижение и ущемление интересов других участников группы.

С точки зрения Н.О. Зиновьевой и Н.Ф. Михайловой, школьному насилию способствуют [6]: анонимность больших школ и отсутствие многообразия выбора образовательных учреждений. В большом школьном коллективе к насилию предрасполагает большая анонимность, то есть меньшая вероятность выявления акта насилия и его ограничения в силу того, что учителю трудно «дойти» до каждого, углубиться в его проблемы; плохой микроклимат в учительском коллективе. Насилие и агрессивность в поведении учителя обусловлены теми же факторами, что и у детей. Раздражительность, неудовлетворенность учителей может выплескиваться и переходить в агрессию по отношению к детям. К сожалению, учителя зачастую вымещают собственное профессиональное выгорание и неудовлетворенность жизнью на учениках; равнодушные и безучастные отношение. Перегруженные работой учителя часто не вмешиваются, предпочитая оставлять разрешение ситуации самим детям.

Методы исследования. В исследовании мы рассматриваем различные факторы, связанные с важнейшими функциями буллинга, его психологические и социальные последствия, а также намечаем пути решения проблемы школьных издевательств. Для изучения факторов возникновения буллинга среди школьников подросткового возраста были подобраны методы и методики, соответствующие критериям и показателям диагностики. Для исследования показателей поведенческих критериев были использованы такие методики как карта наблюдений Дж. Стотта, опросник А. Баса и А. Дарки [12].

Для измерения показателей группового критерия используется метод социометрии Дж. Морено, методика социально-психологической самооценки малой группы как коллектива (СПСК) (автор: Р.С. Немов) [13].

Для того чтобы сократить время исследования и корректно оценить действия подростка, мы предлагаем осуществлять стандартизированное наблюдение с использованием методики «карта наблюдений» Д. Стотта. Данная методика позволяет выявить характер дезадаптации подростка. Осуществлять наблюдение за поведением подростков нужно на уроках, во внеурочное время (в процессе осуществления внеклассных образовательных мероприятий) и даже в семье [14].

Для определения уровня и видов проявляемой агрессии, мы предлагаем использовать широко распространенный в зарубежных и отечественных исследованиях опросник А. Басса и А. Дарки. Данный опросник состоит из 75 утверждений, на которые обследуемый должен дать ответ «да» или «нет». По числу совпадений ответов респондентов с «ключом» подсчитываются индексы различных видов агрессивности и враждебных реакций. Формулировка утверждений в данном опроснике позволяет ослабить влияние общественного одобрения или неодобрения ответа подростка. У большинства респондентов не возникает затруднений с пониманием утверждений, что делает опросник пригодным для использования в данной возрастной группе.

Предложенная карта наблюдений Д. Стотта и опросник А. Басса и А. Дарки, кроме уровня агрессивности, позволяют также исследовать виктимные и конформные поведенческие проявления у разных участников буллинга. Использование социометрического метода позволяет осуществить «изучение неформальной структуры межличностных отношений в малой группе и ее социально-психологического климата» [9].

Кроме того, для реализации цели исследования нами использовались следующие методы: адаптированный опросник «Ситуация буллинга в школе», методика «Опросник самооценки» (ОСО) В.В. Столина, методика «Проблемная анкета», автор Seifge-Krenke, методика «Социально-психологическая адаптированность» (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого, методика «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинды, методика «Опросник структуры темперамента» В.М. Русалова, многофакторный личностный опросник «Адаптивность» (МЛО – Адаптивность) А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина, методика 16 – PF Р. Кеттела [15]. Проведение статистической обработки данных сопровождалось применением параметрических методов (t-критерия Стьюдента).

Для исследования буллинга необходимо хорошо понимать, какие из факторов влияют на составные компоненты буллинга и всех вовлеченных в него участников: хулигана, жертвы и случайных или неслучайных (вольных или невольных) свидетелей, учителей, администрацию школы, родителей и семью. Издевательства – это зауценное поведение, которое обеспечивает социальное положение в обществе, сопутствующими факторами являются те нормы, которые осваиваются в семье и в обществе. Исследования показали, что существуют три типа семьи, которые способствуют воспитанию буллера. Первый тип, получивший название «кирпичная стена», демонстрирует подростку тот факт, что власть равна контролю. Такой тип окружения оказывается отличным полигоном для потенциального хулигана, обычно один из родителей демонстрирует абсолютную власть в семье, полное подчинение других членов семьи, жесткое соблюдение правил путем использования угроз или насилия, унижением и подчинением.

Второй тип семьи, обычно называемый «медузами», как правило, пропагандирует как раз те достоинства ребенка, которые помогают ему стать хулиганом, беззащитной жертвой или сторонним наблюдателем. Это происходит, когда родители в семье не устанавливают границ и правил для детей, родители, по сути, физически и психологически предоставляют детей самим себе. Обычно хулиганы из таких семей имеют второй шанс на нормальную жизнь.

Последний тип семьи – «моллюски», вовсе не требуют ничего от ребенка, даже уважения к себе. Дети используют родителей как модель для подражания и учатся всему от них, правила понятны и просто сформулированы, а ошибки рассматриваются, как возможность учиться. Ясно, что семья имеет решающее значение в воспитании ребенка, но с развитием технологий общество стало учителем больше, чем любая семья из-за всех достижений в таких областях как Интернет, сотовые телефоны, именно благодаря передовым технологиям и отсутствию работающих родителей дома усиливается давление со стороны сверстников и возникают возможности сначала для буллинга, а затем и для постепенного формирования девиантного и делинквентного поведения.

Без постороннего вмешательства дети, подвергшиеся насилию в семье, на 38 % больше сами склонны к совершению насильственных преступлений в детском и во взрослом возрасте. Научные источники представляют собой документированные примеры, в которых молодые люди, подвергавшиеся издевательствам в семье, находятся в зоне повышенного риска как потенциальные исполнители серьезных правонарушений [4]; [8]; [11].

Подростки, с которыми плохо обращались в детстве, с зафиксированным ранее девиантным поведением, имеют больше арестов во взрослой жизни и с большей вероятностью совершат насильственные преступления, чем подростки из благополучных семей, которые сами не подвергались насилию. Виктимизация неразрывно связана с девиантностью и с процессом криминализации, действиями, следствием которых является причинение физического вреда или материального ущерба. Оба эти процесса взаимосвязаны и зависят друг от друга. Л.Ю. Щербакова отмечает, что «процесс превращения в жертву преступления всегда имеет свое логическое завершение – становление лица жертвой» [16]. Этот эффект описывается как вполне возможное последствие для подростков, испытавших многократно разнообразные формы насилия, в виде наибольшего риска неконтролируемой подростковой преступности. Кроме того, среди детей, с которыми грубо обращались в семье и неоднократно издевались в школе, наблюдаются рецидивы девиантного поведения во взрослом возрасте.

Для того чтобы классифицировать поступок как действительный акт насилия, он должен включать в себя следующие три характеристики:

1. Повторяемость – хулиган (буллер) выбирает свою цель при случайной встрече, затем специально разыскивает ее для повторных актов насилия. Многие из тех, кто был жертвой фи-

зического насилия, говорят, что издевательства начинались с вербальных нападок, а с течением времени становились более интенсивными и жестокими, переходя в побои и причинение физического вреда;

2. Дисбаланс силы – жертва всегда проигрывает потому, что хулиган больше, смелее, сильнее;

3. Намерение причинить вред – жертва всегда боится, буллер всегда стремится причинить вред (физический, эмоциональный или моральный). Чтобы глубже разобраться в психологических особенностях буллинга, нужно отдельно остановиться на личностных характеристиках всех участниках данного процесса.

Характеристики жертвы. Чаще всего выявление жертв буллинга бывает затруднено, так как в большинстве случаев жертве приказывают «держать рот на замке», из-за этого многие дети не обращаются за помощью к взрослым. Вот некоторые признаки того, что ребенок стал или может стать жертвой буллинга:

– ребенок становится замкнутым и не участвует в общих мероприятиях в классе, дома или во внеаудиторной деятельности; не выполняет домашнее задание или резко снижает успеваемость; характерна потеря или увеличение веса (нервная булимия – периодические или частые колебания веса, с периодами неконтролируемых приступов обжорства и следующими за ними непровольными приступами рвоты); изменение личности и/или методов взаимодействия с друзьями и членами семьи; физические признаки включают в себя необъяснимые кровоподтеки, синяки, множественные ссадины, небольшие ожоги и рваные раны; постоянная потеря личных вещей и ложь, что не знает, где эти личные вещи или ценные предметы находятся; частые истерики без причины; разорванная, растрепанная или сгоревшая одежда; постоянное желание не оставаться одному; ребенок или подросток не хочет оставаться один или одна, ищет компанию взрослых.

Хотя физическое насилие часто рассматривается как более серьезное, чем эмоциональное, это не так. Психологические шрамы и следы от эмоционального насилия являются реальными и долгосрочными, эмоциональное насилие может погрузить человека в депрессию, оставить чувство тревоги и даже привести к самоубийству. Оно также оказывает негативное влияние на чувство собственного достоинства и лишает уверенности в себе. Жертвы эмоционального насилия обязательно должны обратиться за помощью к психологу, пока скрытые от глаз следы насилия не нанесли вред психическому и физическому здоровью [11].

Жертвами насилия очень часто становятся дети, оставленные родителями без надзора. Детская беспризорность и безнадзорность являются формами жестокого обращения, при которых родители/опекуны не в состоянии уследить за ребенком, что в свою очередь может привести к физической, эмоциональной, психологической и даже образовательной проблемам. Когда большинство людей говорят о жестоком обращении с ребенком, они думают об активном злоупотреблении – родители наносят физический или эмоциональный вред ребенку, но пренебрежение – это, в основном, пассивная форма жестокого обращения. Родители не задумываются о безопасности или комфорте ребенка, когда оставляют его одного дома без пищи в течение длительного периода времени или не контролируют время его прихода домой из школы или с прогулки. Существуют различные формы безнадзорности: физическая, образовательная, психологическая или эмоциональная, медицинская [11].

Оставленный без присмотра ребенок может стать жертвой запугивания или мишенью для издевательства из-за множества причин: особенно страдают новички в классе, которые меньше физически и младше по возрасту; они могут быть покорными, одаренными или талантливыми, иметь физический или умственный недостаток или просто могут оказаться в неправильном месте в неподходящее время. В любом случае, запуганный ребенок изолирован от своих сверстников и вынужден осваивать стратегии выживания, а не социальные навыки. Из-за того, что они стыдятся своего униженного положения, жертвы издевательства деморализованы, боятся возмездия, никому не верят и никогда не пожалуются взрослым. Они сами, в конце концов, могут стать хулиганами. В некоторых случаях все может закончиться очень плохо для жертвы, а именно, может привести к самоубийству [17].

Характеристика буллера. Обидчики часто винят кого-то другого за насилие, в том числе обвиняя саму жертву, поведение которой вызвало «защитную» агрессивную реакцию нападавшего, вызывая тем самым у жертвы чувство вины. Иногда обидчик оправдывает свое поведение действием алкоголя или наркотиков, стресса или расстройства, или даже вниманием других людей.

Кроме того, весьма характерно для обидчика приносить извинения после нападения и осуществления насильственных действий. Человек, который вел себя жестоко, довольно часто сожалеет о своих действиях и извиняется перед жертвой, что усложняет процесс выявления и

наказания виновника, так как жертва решает свести на нет конфликт и оставить обидчика безнаказанным.

Хулиганы и жертвы хулиганов имеют разные социальные позиции в своей социальной среде (школе, классе); это привело исследователей к теоретическому обоснованию, что буллинг в этих двух подгруппах может быть обусловлено различными мотивами. Было высказано предположение, что хулиганы более мотивированы проактивными причинами, такими как получение социального статуса или более высокое положение в иерархии, в то время как жертвы хулиганов более мотивированы реактивными причинами, такими как чувство гнева или избежание социальных угроз.

В соответствии с этим аргументом мы предполагаем, что определенные психологические процессы могут лежать в основе поведения хулигана, но не его жертв или наоборот. Мы исследовали эту «гипотезу о различных психологических процессах», сосредоточив внимание на трех психологических процессах, которые связаны с буллингом в раннем детстве. Во-первых, жертвы (но не хулиганы) могут иметь слабые умственные способности или ограниченную способность воспринимать точку зрения другого человека. Это заключение основано на противоречивых выводах относительно теории умственных навыков у агрессивных детей. С одной стороны, исследования показывают, что трудно управляемые школьники с плохо развитыми умственными навыками склонны вести себя негативно по отношению к своим сверстникам (то есть, они проявляли больше контролирующего поведения во время игры).

Этот вывод позволяет предположить, что дети запугивают других, потому что они недостаточно понимают психические состояния своих сверстников. С другой стороны, исследование показало, что подгруппа «хулиганов» имеет девиантно направленные умственные способности и фактически использует эти навыки, чтобы манипулировать другими.

Учитывая различия в социальном функционировании между хулиганами и жертвами, было сделано предположение, что эти противоречивые выводы относились к разным подгруппам хулиганов: плохое умение оценивать умственные способности может характеризовать жертв, но не подгруппу хорошо социально интегрированных хулиганов. Напротив жертвы могут быть склонны интерпретировать любые намерения своих сверстников как враждебные. Такие «враждебные намерения» однозначно связаны с реактивной агрессией и могут характеризовать свидетелей буллинга, которые пассивно участвуют в издевательствах, реагируя на воспринимаемую враждебность. Наоборот, хулиганы, которые сами никогда не становятся жертвами, могут быть менее склонны воспринимать враждебность в поведении своих сверстников. Зато они могут быть склонны испытывать положительные эмоции после издевательства над другими. Такие «счастливые эмоции жертвы» однозначно связаны с активной жестокостью.

Чем же вызвана такая детская жестокость? Она является результатом социальной жестокости и формируется в тот период жизни, когда дети переживают трудности взросления, беспомощность и уязвимость на пороге взрослой жизни как результат социальной независимости и самостоятельности.

В своей книге «Почему хорошие дети действуют жестоко?» Карл Пикхардт описывает пять форм «социальной жестокости», которые в средних школах часто приводят к разрушительным последствиям, поскольку молодые люди борются за социальную принадлежность в этом незащищенном раннем подростковом возрасте (примерно 9–13 лет). В этом возрасте дети проявляют следующие формы социальной жестокости: избивают, дразнят, изолируют от остальных, издеваются, распускают слухи и сплетни. Из этих пяти форм издевательства является той формой, которая обычно получает наибольшее внимание. Почему так? Потому что образы, которое издевательства вызывает (вид заплаканной жертвы, одинокого обиженного ребенка), стали «плакатным символом» для «социальной жестокости». Однако другие четыре формы жестокого обращения могут нанести несопоставимо больший психологический вред, особенно сейчас, когда у подростка есть три реальности (офлайн, онлайн и сотовая), в которых это поведение может быть социально выражено. Конечно, не только все пять форм социальной жестокости ставят под угрозу благополучие учащихся и создают атмосферу страха в школе, но они отвлекают внимание от учебы, потому что бдительность жертв, их попытки социального выживания имеют большее значение, чем внимание к изучаемому материалу или к учителю в классе. Оставленная без внимания, социальная жестокость также нарушает любое право ребенка на безопасное образование [22].

На агрессивное поведение детей влияет целый комплекс факторов: личностные факторы (низкий уровень воспитанности, заниженная самооценка, импульсивность, злоупотребление алкоголем, наркотиками, жестокими компьютерными играми, ограниченное или отсутствующее чувство самосохранения); поведенческие факторы (поведение, создающее помехи для окружающих, вандализм, бесцельное времяпрепровождение, прогулы и низкая успеваемость в школе,

ранние сексуальные контакты, приводы в полицию и ранняя судимость, участие в неформальным группировкам с криминальной направленностью); социальные факторы (культ насилия в обществе, влияние СМИ, девиантное поведение родителей, низкий социально-экономический статус семьи, зависимость от социальной помощи, смена воспитателей (отчим, мачеха, опекуны), домашнее насилие); семейные конфликты (развод родителей, появление другого воспитателя, второго ребёнка в семье, завышенные требования к успеваемости или полное отсутствие таковых); личные проблемы (наступление фазы полового созревания и связанные с этим проблемы физиологического и психологического характера); недовольство собственной внешностью, неадекватное восприятие со стороны взрослых (развитие критического мышления позволяет подростку ставить под сомнение поступки взрослых); подростковый период, период созревания (быстрое биологическое развитие и стремление к самостоятельности и независимости у подростков могут вызывать трудности во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками) [5].

Именно эти факторы могут оказать решающее влияние на усугубление жестокости, на формирование агрессивного поведения подростков, на желание унижить или оскорбить того из сверстников, который проявляет явные виктимные характеристики и не может противостоять насилию.

Откуда берется подростковая враждебность и что должно случиться для того, чтобы внешне спокойный ребенок превратился в агрессора? В большинстве случаев враждебное поведение в коллективе является результатом психологического отвержения детей в семье, в особенности, если оно было связано с использованием регулярного физического наказания. Проще говоря, в случаях, когда родители мало уделяют внимания ребенку, недостаточно с ним разговаривают, но при этом за провинности наказывают ремнем или подзатыльниками, в этом случае ребенок начинает рассматривать силу как главное человеческое качество и основное оружие в спорах для достижения своей цели. Такой ребенок ставит своей целью признание в коллективе, ему хочется, чтобы его боялись, а ту злобу, которую он затаил на родителей, охотно вымещает на более слабых сверстниках.

Вторая причина детской враждебности – воспитание в семье: «Дай сдачи!», «Если тебя задирают, значит, ты сам даешь повод», «Не будь слабаком!». Как следствие такого воспитания, у ребенка возникает неправильное представление (прав тот, кто сильнее), и он начинает действовать с позиции силы, то есть, давать сдачи, отстаивать свое мнение и свое место в коллективе кулаками. Враждебность порождает новую злость, а проблемы при этом остаются нерешенными, так как, кроме рекомендаций «дать сдачи», другой помощи от родителей не поступает, одноклассники продолжают задиравать, а больше обратиться за помощью не к кому.

Статистика доказывает, что приступы враждебности нередки для нежеланных и нелюбимых детей. Родители могут не говорить об этом напрямую, но по поведению взрослых ребенок легко понимает свое положение в семье, старается доказать, что имеет право на существование, и завоевывает родительскую любовь довольно агрессивными методами. В результате, ребенок получает от родителей внимание, но, как правило, негативное. Понимая, что подобным поведением можно добиться внимания, ребенок начинает применять агрессивные методы привлечения внимания и с одноклассниками с учителями.

Еще один пример, когда избыточная опека не дает ребенку принимать самостоятельные решения, ограничивая тем самым его в общении со сверстниками, подавляя его желания во имя «благих целей» – это желание родителей воспитать «идеального» со всех сторон человека. В этом случае ребенок под давлением накапливает в себе ненависть как результат «угнетения» – постоянные «нельзя», «не надо», «не стоит». В определенный период ребенок принимает решение отстоять своё «Я», и единственной стратегией, которую он видит, является агрессия. В действительности, причин возникновения агрессии гораздо больше, но они не будут рассмотрены в рамках этого исследования.

Личность хулигана тоже развивается и формируется в процессе буллинга, она обусловлена как наследственными факторами, так и ответной реакцией на социальные ситуации в школе и в обществе. Отсутствие дружеских отношений в семье, избыток или недостаток дисциплины или же физические наказания могут способствовать развитию хулиганских наклонностей у детей. Дисбаланс сил может произойти, если дети воспитываются в нелюбви. Социальный статус их ровесников будет казаться им выше или ниже собственного. Ребенок-хулиган ведет себя таким образом, чтобы привлечь внимание окружающих, это дает ему ложное чувство власти или внимания со стороны окружающих. «Дурная» компания сверстников иногда заставляет проявлять силу над слабыми, страх и подчинение жертвы укрепляют чувство силы и превосходства. Хулиганы считают, что агрессивное поведение даст им признание, когда они вырастут, что в большинстве случаев по мере взросления усиливает преступную деятельность [2, 3].

Буллеры, как правило, имеют целый набор психологических проблем, таких как зависть, ревность, генетическая предрасположенность или аномалия мозга, в результате которой получают удовольствие от унижения других и считают издевательства формой развлечения. Такое развлечение может длиться недолго, но если буллеры получают положительное подкрепление в результате враждебных выпадов, то девиация становится реальной угрожающей их благополучию проблемой и со временем может привести к аресту и даже к тюремному заключению.

Издевательства являются частью социального взаимодействия. Шаблон поведения, который используют подростки, подвергавшиеся внутрисемейному насилию, с последующим внешним насилием и преступным поведением был назван «цикл насилия», и он стал одним из самых используемых паттернов для исследования насилия в семье, подростковой девиантности и делинквентности несовершеннолетних. Годы исследований привели к всеобщему принятию гипотезы «насилие порождает насилие», однако понимание этого цикла все еще является неполным. Редко дети, пережившие насилие в семье, немедленно становятся агрессивными и участвуют в преступной деятельности; они следуют сложным путем и в подростковом возрасте испытывают различные психологические и поведенческие проблемы, что, в конечном счете, все равно приводит к правонарушениям или делинквентному поведению. Более глубокое понимание факторов, способствующих правонарушениям и преступности, имеет важное значение для прерывания «цикла насилия». Развитие структур, которые эффективно предотвращали бы насилие в семье и становление подростков на путь преступления, является платформой для более комплексной модели, описывающей опыт молодежи на их пути от насилия в семье к агрессивному поведению и правонарушениям (рис. 1).

Рисунок 1 – «Цикл насилия»

Характеристики зрителей (свидетелей) буллинга. Самое худшее в буллинге – его влияние на тех детей, которые в нем активно не участвуют, на вольных или невольных свидетелей актов насилия. Буллинг провоцирует негативные черты характера людей, вызывая психодинамику самого низкого толка. Хулиганы склонны инициировать агрессивное поведение, их волнует собственное социальное приращение, а не чувства и переживания жертвы. Свидетели буллинга часто видят жертвами самих себя и поэтому могут с большей вероятностью сопереживать жертве, они склонны приписывать враждебные намерения другим людям, но никогда не вступаются за жертву. Почему? Буллинг заразителен; буллер показывает всем, как можно легко добиться популярности, власти и контроля, не прикладывая к этому интеллектуальных усилий. Зрители вынуждены выбирать стороны между силой и слабостью (жертвы часто выглядят смешно и жалко), не хочется ассоциировать себя со слабыми и жалкими. Буллинг быстро приводит к тому, что ребенок больше не чувствует личную ответственность за происходящее, а просто делает как все, даже если молчит и не вмешивается. Страдание жертв повторяется снова и снова, притупляя у зрителей чувство сострадания или справедливости.

Наблюдатели могут играть разные роли в ситуации буллинга: инициируют буллинг и принимают в нем активное участие, однако, не причиняя физической боли (последователи); одобряют происходящее, но сами не принимают в нем участие (одобряющие); пытаются помочь буллеру или жертве (потенциальные защитники); активно участвуют в травле, но не инициируют ее (пассивные одобряющие); не одобряют происходящее, хотели бы помочь, но не помога-

ют; с интересом наблюдают за происходящим, но открыто не поддерживают (равнодушные свидетели).

В школьной ситуации буллинга основная масса детей – наблюдатели, они также нуждаются в серьезной помощи для осмысления полученного опыта. При этом разговор с каждой категорией участников ситуации насилия будет различным. Нужно помнить, что все очевидцы буллинга, будь то учащиеся, учителя или технический персонал, даже если они не вмешиваются и не реагируют, конечно, испытывают большое психологическое давление. Дети-очевидцы буллинга часто испытывают страх в школе, а также чувство, характерное для посттравматического синдрома – беспомощность перед лицом насилия, даже если оно направлено непосредственно не на них. Они даже могут испытывать чувство вины из-за того, что не вступились или в некоторых случаях из-за того, что присоединились к буллингу. Все это может постепенно изменить школьные отношения и нормы, сделать их циничными и безжалостными по отношению к жертвам [22]. Эти последствия для очевидцев сильно осложняют процесс противостояния буллингу в школе.

Многим людям трудно понять, как молодые люди могут думать о самоубийстве. Есть, однако, две вполне понятные причины. В случаях постоянного буллинга дети могут рассматривать самоубийство как выход из этой тупиковой ситуации страдания. Дети, которые подвержены безжалостному и постоянному буллингу, не видят надежды на решение проблемы. Переживания страдания и безнадежности усиливается за счет специфических иррациональных мыслей. Смерть кажется единственным способом избавления от отчаяния и боли, вызванных унижениями и отвержением со стороны сверстников. Часто молодые люди считают, что их проблемы непреодолимы, при этом они уверены, что те, кто их окружают (родители и друзья), также страдают из-за их неудач. Поэтому уход из жизни, по их представлениям, может оказать помощь тем, кого они любят. Из-за того, что они чувствуют свою жизнь как бремя для себя и для тех, кого они любят, они верят, что, выбирая самоубийство, освобождают своих близких, перестанут быть им обузой. Помимо риска самоубийства жертвы буллинга испытывают более высокий уровень стресса. У них чаще возникают головные боли, нарушения сна, боли в животе, тревожность, чувство печали, плохой аппетит и ночное недержание мочи. У подверженных буллингу детей уровень депрессии в три-семь раз выше [18]. Виктимизация увеличивает последствия, влияющие на состояние здоровья, на нарушения сна и депрессию. Интересно то, что нарушение сна имеет высокую взаимосвязь с депрессией. Жертвы буллинга в три раза чаще испытывают головные боли и чувство тревоги, в два раза чаще испытывают проблемы со сном, страдают болями в животе, и чувством напряженности и в восемь раз чаще испытывают тяжелые формы депрессии.

Гендерный аспект. Виктимизация в прошлом играет значительную роль в жизни женщин-правонарушителей, особенно несовершеннолетних. По определению В.А. Мудрика, виктимизация – это процесс и результат превращения человека или группы людей в жертв неблагоприятных условий социализации [10]. К последним относится широкий спектр ситуаций (от экстремальных до повседневных), воспринимаемых людьми как сложные. Согласно статистическим данным, количество виктимных несовершеннолетних женщин-правонарушителей намного превышает число представителей мужского пола в этой категории. Кроме того, согласно изученным данным, среди виктимных женщин-правонарушителей чаще встречаются случаи экстремальной виктимизации. На самом деле, женщины-правонарушители значительно чаще встречаются, чем мужчины, из чего следует, что виктимизация является ключевым фактором, приводящим к последующей делинквентности. Эмоциональные и поведенческие реакции женщин на насилие отличаются от мужских. В то время как мужчины, как правило, реагируют на жестокое обращение в детстве открыто, в том числе агрессивными действиями по отношению к другим, проблемным поведением, склонностью к насильственному сексуальному поведению, женщины более склонны реагировать на плохое обращение замкнуто, что проявляется у них в форме депрессии, чувства собственной вины, суицидальных мыслей/поведения. Как и у мужчин, у женщин опыт физического и сексуального насилия, скорее всего, должен вызывать гнев, но для женщин этот гнев сопровождается чувством вины, депрессией, уходом в себя и тревогой [21]. Различные реакции на насилие предполагают, что у мужчин и у женщин схемы «насилие-преступление», вероятно, будут значительно отличаться друг от друга. Для более полного понимания этих факторов, которые связывают насилие и правонарушения, в любом исследовании буллинга должны быть непременно рассмотрены гендерные различия.

Недостаточное понимание схемы «насилие-преступление». В то время как исследователи добились больших успехов в подтверждении существования схемы «насилие-преступление», необходимо более подробное изучение гендерных факторов, которые связывают насилие и преступность. Тем не менее, имеется лишь небольшое количество работ, кото-

рые объясняют взаимосвязь «насилие-преступление» в гендерном аспекте. Возможной причиной такого разрыва является дивергенция соответствующих исследований в двух направлениях в литературе, которые разработаны независимо друг от друга. С одной стороны, объектом исследования является социальная защита детей, описывающая множественные последствия жестокого обращения с детьми в семье [17]; [19]; [20]. С другой стороны, в результате исследования по делам несовершеннолетних преступников были установлены многочисленные предпосылки агрессивного поведения и другие формы делинквентности [3]; [4]; [8]. Несколько важных факторов в этих двух областях исследования значительно перекрывают друг друга. Многие из проблем находятся на поверхности, как следствие насилия, и приводят к повышению риска правонарушений. На сегодняшний день значительная работа, проведенная в данной сфере, объединила знания из двух разных областей исследования. На основе тщательного анализа этих двух направлений, в нашем исследовании вводится предлагаемая схема факторов потенциального вмешательства в цикл насилия. Для начала необходимо выделить пять составляющих схему факторов: уход из дома, проблемы с психическим здоровьем, проблемы зависимости (курение/токсикомания/наркомания), школьная изоляция и насмешки со стороны сверстников. В дальнейшем предполагается более подробное исследование этих пяти факторов.

Рекомендации. Персоналу школы необходимо объединиться с родителями, чтобы информировать, инструктировать и защищать подростков, постараться оградить их от публичного унижения. Взрослые должны знать, что хотя насилие в школе является сложным вопросом с многочисленными и разнообразными причинами, проблемы буллинга носят систематичный и длительный характер и требует систематических усилий для борьбы с ними. Нельзя забывать, что буллинг – это сложный процесс, в котором одинаково участвуют жертвы, преследователи, свидетели, благодаря чему необходимо не только рассматривать поведение отдельных участников, но и учитывается взаимодействие между ними, а также позицию взрослых по отношению к происходящему. Для понимания и разрешения проблемы следует учитывать все факторы, а не ограничиваться упрощенными представлениями о жестоком хулигане и его беспомощной жертве. Любая стратегия вмешательства при буллинге должна быть направлена на процесс в целом, если же исходить при этом из эмпирической модели буллинга, то эффективность вмешательства повышается.

Очень хорошо воспользоваться системным подходом для создания безопасной образовательной среды, включая четкие и исчерпывающие определения явлений, методы преодоления и новую школьную политику, которая будет ограждать и защищать своих учеников, чтобы они чувствовали безопасность и уважение.

В «Уставе Организации Объединенных Наций по правам несовершеннолетних» говорится, что каждый ребенок имеет право на образование и право на свободу от насилия в образовательной среде. Тем не менее, когда речь идет о буллинге, родители и студенты воспринимают издевательства и притеснения как явления, но не связывают их с образовательной средой, полагая, что они широко распространены за ее пределами. Как же тогда школьный персонал должен приступить к решению этой серьезной и трудно разрешимой проблемы? Персонал школы обязан создавать, внедрять и последовательно применять школьную политику, которая поможет в предотвращении, расследовании и ликвидации последствий буллинга среди школьников [5].

Персонал школы должен реагировать соответствующим образом, когда жалобы на издевательства и/или домогательства доводятся до их сведения и помогать в предотвращении такого рода преступлений, должен проявлять инициативу по превентивным мерам. В качестве превентивных мер предлагаются следующие: рассказывать учащимся, что они должны информировать родителей или школьного психолога в случае любого домогательства или издевательства; информировать родителей и учащихся о наказуемости подобных правонарушений подростков и о правовой базе, с этим связанной; поощрять родителей, которые считают обычной практикой беседы с подростками о том, как прошел их день и что нового в школе; информировать родителей о доступных методах предотвращения школьных издевательств; обсуждать с родителями и учащимися общие особенности буллинга; поощрять родителей обращаться к педагогам и психологам за помощью, если они заметят что-либо странное в поведении ребенка; обновить школьный кодекс поведения и уточнить, что издевательства и преследования будут рассматриваться так же серьезно, как традиционное девиантное и делинквентное поведение; осуществлять плановое собеседование с персоналом и учащимися, регулярно проводить мониторинг, используя различные методики.

Заключение. Определение факторов, которые связывают прошлый опыт жестокого обращения в семье с последующим девиантным поведением и правонарушениями, будет использовано для дальнейшего формирования практических методов прерывания «цикла насилия». В

результате будут предложены основные принципы в отношении этих факторов и практические рекомендации для предотвращения правонарушений среди молодежи. Например, эмпирическое исследование «школьной изоляции» может стать существенным фактором вмешательства, то есть, школьные психологи и социальные работники могли бы работать в направлении обеспечения наставничества или организации внеклассных мероприятий, которые дадут возможность девиантным подросткам интегрировать в школьную среду, тем самым создавая положительную обратную связь со сверстниками и снижая риск совершения правонарушений. Аналогичным образом, если существуют проблемы с психическим здоровьем или употреблением психоактивных веществ, которые были идентифицированы выше, как важные промежуточные факторы, подросткам может понадобиться психологическая помощь, чтобы уменьшить симптомы отклоняющегося поведения. Необходимо добавить, что предложенная схема «насилие-преступление» предлагает многочисленные и разнообразные направления изучения, тестирования и эмпирической апробации, которые могут привести к разработке новых методов и способов предотвращения делинквентного поведения подростков, подвергавшихся внутрисемейному насилию в детстве и буллингу в школе.

Литература:

1. Аудмайер К. Все на одного: Как защитить ребенка от травли в школе. – М. : Альпина Паблицер, 2016. – 152 с.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
3. Воробьева К. Детская агрессивность как следствие деструктивного семейного воспитания / К. Воробьева // Воспитание школьников. – 2008. – № 7. – С. 48–56.
4. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга. Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 105. – С. 159–165.
5. Гребенкин Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2006. – 158 с.
6. Зиновьева Н.О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова. – СПб. : Речь, 2005. – 248 с.
7. Лейн Д.А. Школьная травля (буллинг) / Д.А. Лейн; Под ред. Дэвида Лейна и Эндрю Миллера // Детская и подростковая психотерапия. – СПб. : Питер, 2001. – С. 240–274.
8. Мальцева О.А. Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления. Тюменский государственный университет. – 2009. – № 7. – С. 51–54.
9. Микляева А.В. «Трудный класс»: диагностическая и коррекционная работа / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2006. – 320 с., 122
10. Мудрик В.А. Человек – объект, субъект и жертва социализации / В.А. Мудрик // Известия РАО. – 2008. – № 8. – С. 48–57.
11. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под. ред. Е.Н. Волковой. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
12. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности. – Изд-во СПб. ун-та, 2001.
13. Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. – М., 1990.
14. Столин В.В. Опросник самооценки / В.В. Столин, С.Р. Пантелеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М., 1988. – С. 123–130.
15. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2000. – 490 с.
16. Щербакова Л.Ю. Виктимологический аспект преступности: современные теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2005. – С. 70.
17. Arehart-Treichel, Joan. Effects of Bullying Don't End When School Does. American Journal of Psychiatry. April 2013. – Vol. 48. – № 7. – P. 12–17.
18. Fekkes M. Bullying behavior and associations with psychosomatic complaints and depression in victims. J Pediatr / M. Fekkes, F.I. Pijpers, S.P. Verloove-Vanhorick. – 2004. – № 144(1):17–22.
19. Lane D.A. The Impossible Child, Stoke-on-Trent: Trentham Books. – 1990a.
20. Lane D.A. Bullying: an integrated approach, Conference Paper, Exeter University. – 1990b.
21. Losey B. Bullying, Suicide, and Homicide. Understanding, Assessment and Preventing Threats for Victims of Bullying. – 2011.
22. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1993:140 p.
23. Pickhardt Carl. «Why Good Kids Act Cruel». Sourcebook. – 2012. – 308 p.

Literature:

1. Audmeier K. All for one: How to protect a child from bullying at school. – M. : Alpina Publisher, 2016. – 152 p.
2. Berkowitz JI. Aggression: causes, consequences and control. – SPb. : Prime Eurosign, 2001. – 512 p.
3. Vorobyeva K. Children's aggressiveness as a consequence of destructive family education. Education of schoolchildren. – 2008. – № 7. – P. 48–56.
4. Glazman O.L. Psychological characteristics of bullying participants. Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – SPb., 2009. – № 105. – P. 159–165.
5. Grebenkin E.V. Prevention of aggression and violence at school. – Rostov-on/D. : Phoenix, 2006. – 158 p.
6. Zinovieva N.O. Psychology and psychotherapy of violence. Child in crisis / N.O. Zinovieva, N.F. Mikhailova. – SPb. : Rech, 2005. – 248 p.
7. Lane D.A. School bullying (bullying) // Child and adolescent psychotherapy / D.A. Lane; Ed. David Lane and Andrew Miller. – SPb. : Peter, 2001. – P. 240–274.
8. Maltseva O.A. Prevention of cruelty and aggressiveness in adolescents and ways to overcome it. Tyumen State University. – 2009. – № 7. – P. 51–54.
9. Miklyaeva A.V. «Difficult class»: diagnostic and corrective work / A.V. Miklyaeva, P.V. Rummyantseva. – SPb. : Speech, 2006. – 320 p., 122 p.
10. Mudrik V.A. A person is an object, subject and victim of socialization / V.A. Mudrik // Izvestia RAO. – 2008. – № 8. – P. 48–57.
11. Volkova E.N. Problems of violence against children and ways to overcome them. – SPb. : Piter, 2008. – 240 p.
12. Rean A.A. Practical psychodiagnostics of personality: Publishing House of St. Petersburg University, 2001.
13. Rusalov V.M. Questionnaire for the structure of temperament. – M., 1990.
14. Stolin V.V. Questionnaire of self-attitude / V.V. Stolin, S.R. Pantileev // Workshop on psychodiagnostics: Psychodiagnostic materials. – M., 1988. – P. 123–130.
15. Fetiskin N.P. Socio-psychological diagnostics of personality and small groups / N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov. – M. : Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2000. 490 p.
16. Shcherbakova L.Yu. Victimological aspect of crime: modern theory and practice : dis. ... cand. legal sciences. – SPb., 2005. – P. 70.
17. Arehart-Treichel, Joan. Effects of Bullying Don't End When School Does. American Journal of Psychiatry. April 2013. – Vol. 48. – № 7. – P. 12–17.
18. Fekkes M. Bullying behavior and associations with psychosomatic complaints and depression in victims. J Pediatr / M. Fekkes, F.I. Pijpers, S.P. Verloove-Vanhorick. – 2004. – № 144(1):17–22.
19. Lane D.A. The Impossible Child, Stoke-on-Trent: Trentham Books. – 1990a.
20. Lane D.A. Bullying: an integrated approach, Conference Paper, Exeter University. – 1990b.
21. Losey B. Bullying, Suicide, and Homicide. Understanding, Assessment and Preventing Threats for Victims of Bullying. – 2011.
22. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1993:140 p.
23. Pickhardt Carl. «Why Good Kids Act Cruel». Sourcebook. – 2012. – 308 p.

**ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
В КРИЗИСАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ**

**EXPERIENCE OF EXISTENTIAL PROBLEMS IN CRISES
OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY**

Ротарь Михаил Вячеславович
аспирант кафедры социальной
психологии и социологии управления,
Кубанский государственный университет
steamit@yandex.ru

Mikhail V. Rotar
Postgraduate Student
of the Department of Social Psychology
and Sociology of Management,
Kuban State University
steamit@yandex.ru

Дёмин Андрей Николаевич
доктор психологических наук,
профессор кафедры социальной
психологии и социологии управления
andreydemin2014@yandex.ru

Andrey N. Demin
Doctor of Psychological Sciences,
Professor of the Department
of Social Psychology
and Sociology of Management
andreydemin2014@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются различия в переживании экзистенциальных проблем молодыми людьми, находящимися в разных кризисных периодах профессионального становления; подчёркивается актуальность изучения экзистенциального аспекта проблемы профессионального самоопределения личности; рассматриваются различные экзистенциальные проблемы и их содержание; раскрывается содержание кризиса профессиональных ожиданий и профессионального выбора; приводятся результаты статистической обработки данных исследования и их анализ.

**Ключевые
слова:**

профессиональное самоопределение, кризисы профессионального становления, экзистенциальные проблемы, личность в юношеском возрасте, экзистенциализм, кризис профессиональных ожиданий, кризис профессионального выбора, работающие студенты.

Annotation. this article discusses the differences in the experience of existential problems by young people who are in different crisis periods of professional self-determination; the relevance of studying the existential aspect of the problem of professional self-determination of a person is emphasized; various existential problems and their content are considered; reveals the content of the crisis of professional expectations and professional choice; the results of statistical processing of research data and their analysis are presented.

Keywords: professional self-determination, crises of professional development, existential problems, personality in adolescence, existentialism, crisis of professional expectations, crisis of professional choice, working students.

Введение.
В настоящее время экзистенциальные вопросы становятся всё более актуальными для современного общества, что является результатом перемен в условиях существования людей. Важнейшим среди них выступает уход от относительной устойчивости социума к «текущей реальности» современности, которая характеризуется возникновением ситуаций неопределённости, преобладанием внутренних факторов поведения человека над внешними.

В данных условиях, особую значимость приобретает вопрос о правильном выборе будущей профессии и профессиональном самоопределении.

Общеизвестным является тот факт, что молодые люди, обучающиеся в вузе, проходят через ряд кризисных этапов, связанных с профессиональным становлением. Данные кризисы

способствуют возникновению психического напряжения, которое может иметь ряд негативных последствий: снижение эффективности процесса обучения, изменение в ценностно-мотивационной сфере личности, искажение представлений о будущей профессии. Поэтому так необходимо научиться вовремя распознавать кризисные переживания и эффективно справляться с ними.

Сам феномен профессионального самоопределения заключается в поиске и нахождении смысла в трудовой деятельности, которая может быть только осваиваемой или уже осуществляемой. Сам процесс поиска смысла выступает явлением экзистенциального порядка. Экзистенциальные проблемы актуализируются в ходе кризисных периодов жизнедеятельности человека, в том числе и в рамках кризисов профессионального становления личности. В исследованиях Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, Р.А. Ахмеров, Ю.П. Поваренкова и др. выявлены разнообразные кризисы профессионального становления [3, 5, 8].

Важно отметить, что у человека в период овладения профессией происходит наиболее интенсивный процесс приобретения знаний, умений и навыков, которые являются основой для будущей трудовой деятельности. Однако помимо повышенной интеллектуальной активности данный жизненный этап характеризуется усилением процессов самопознания и рефлексии, которые заставляют человека задуматься о своей будущей профессиональной и личной жизни. Подобные размышления могут вызвать сомнения у молодых людей относительно верности сделанного ранее профессионального выбора.

Осознание человеком того, что выбранная им профессия не является релевантной его задаткам или же не способна в последствии удовлетворить его потребности способствует возникновению экзистенциальных проблем, которые выражаются в потере смысла жизни, трудности в принятии важных решений, отчуждении от себя и социума. Также, возникновению экзистенциальных проблем может способствовать сам процесс обучения, в ходе которого молодые люди узнают больше о своей будущей профессии, что может разрушить ранее выстроенный идеал [10, 12].

Цель исследования: выявить возможные различия в переживании экзистенциальных проблем молодыми людьми, находящимися в разных кризисах профессионального становления.

В рамках экзистенциальной психологии и философии экзистенциальными проблемами занимались такие отечественные и зарубежные авторы, как А. Лэнгле, Р. Мэй, В. Франкл, А. Камю, К. Ясперс, Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр [и др.] [1, 4, 6, 7, 11, 13]. Работы данных авторов позволили выделить следующие экзистенциальные проблемы:

1. Проблема выбора – трудность в принятии решений, оказывающих влияние на жизнь человека.
2. Проблема ответственности – человек не чувствует персональной включенности в жизнь, преобладание пассивной жизненной позиции.
3. Проблема отчуждения – дистанцирование сущности человека от своего социального и нравственного существования.
4. Проблема вины – отрицание, отказ и/или невозможность реализовать свои потенциальные возможности.
5. Проблема смерти – осознание конечности бытия.
6. Проблема свободы – осознание того, что человек сам творец своего бытия.
7. Проблема экзистенциальной изоляции – потребность в контакте, в защите, в принадлежности к большему целому.
8. Проблема бессмысленности – поиск смысла индивидуального существования.

Методы исследования.

В качестве методики была использована авторская анкета по выявлению экзистенциальных проблем. Перечень данных проблем основан на теоретическом анализе работ представителей экзистенциализма. Анкетированым предлагается оценить частоту возникновения тех или иных переживаний, связанных с экзистенциальными проблемами.

Выборкой послужили 146 студентов в возрасте от 20 до 25 лет, из которых 99 студентов обучаются в вузе на бакалавриате, а 47 учатся заочно в магистратуре при этом работая по специальности (не более года). Среди выборки 63 % – женщины, а 37 % – мужчины.

Первая группа испытуемых (бакалавры) уже прошли этап середины обучения и в их жизни в той или иной форме возникает такой нормативный кризис, как кризис профессионального выбора, который по Э.Ф. Зееру характеризуется тем, что в процессе обучения в вузе многие молодые люди испытывают чувство разочарования от осваиваемой профессии в связи с неприязнью к отдельным дисциплинам, снижению интереса к учёбе и как следствие возникновение размышлений о верности профессионального выбора [3].

Вторая группа испытуемых проходит стадию профессиональной адаптации в связи с тем, что они не так давно вышли на рынок труда. Данный период характеризуется новым видом деятельности, социальной ролью, вхождением в новый коллектив, погружением в систему производственных отношений, встречей с устоявшимися социально-профессиональными ценностями. Всё это приводит к следующему нормативному кризисному этапу профессионального становления, который характеризуется несовпадением реальной профессиональной жизни со сформировавшимися представлениями и ожиданиями молодого специалиста, поскольку он ещё со школы имел определённые представления о своей будущей профессии, в ходе профессиональной подготовки они обогатились, но в действительности оказались далеки от реальности. Подобный диссонанс в плане профессиональных ожиданий и реальности Э.Ф. Зеер назвал кризисом профессиональных экспектаций, который проявляется в неудовлетворенности организацией труда, его содержанием, должностными обязанностями, производственными отношениями, условиями работы и зарплатой. Данный кризис может накладываться на индивидуальный кризис занятости, связанный с перемещением молодого человека на рынок труда и необходимостью адаптации не только к содержанию и условиям труда, но также к новому социальному статусу, объективным и субъективным ограничениям для его карьеры [2].

Гипотеза исследования: можно предположить, что среди молодых людей, находящихся в разных кризисных периодах профессионального становления, существуют различия в переживании экзистенциальных проблем.

Результаты исследования.

Среди полученных данных в целом по выборке стоит отметить преобладание таких экзистенциальных проблем, как проблема вины, свободы и изоляции.

У студентов, в период профессиональной подготовки наиболее выражены такие экзистенциальные проблемы, как проблема выбора (ср. балл 2,6), ответственности (ср. балл 2,7), вины (ср. балл 2,7) и изоляции (ср. балл 2,8), что наглядно продемонстрировано на рисунке 1.

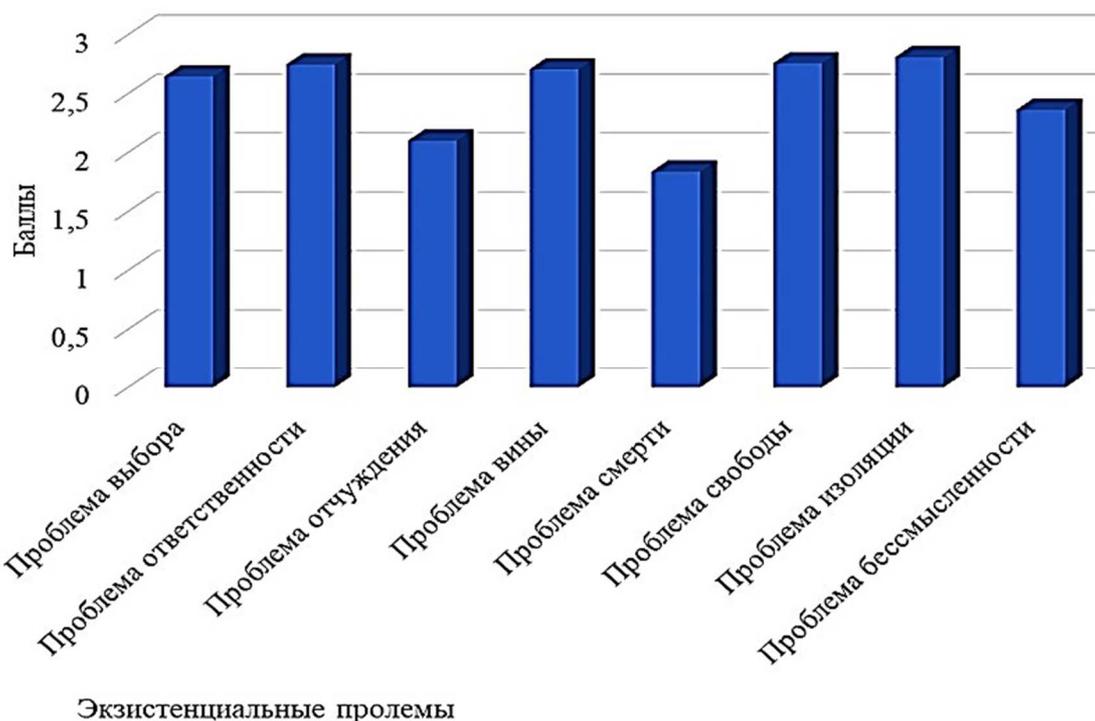

Рисунок 1 – График выраженности экзистенциальных проблем среди студентов бакалавров (кризис профессионального выбора)

В процессе кризиса профессионального обучения экзистенциальная проблема выбора может быть связана с предстоящим трудоустройством, студенты находятся в состоянии неопределённости касательно будущего места работы и испытывают трудности в принятии подобного судьбоносного решения. Проблема вины может быть вызвана тем, что в ходе рефлексии пройденного пути в процессе обучения, молодые люди осознают, что не реализовали многие свои потенциальные возможности. Экзистенциальная проблема ответственности может возникнуть в период обучения в вузе в связи с наличием внешней структуры, которая управляет жизнью студентов, ввиду чего у них может сформироваться пассивная жизненная позиция.

Отдельно следует подчеркнуть, что наибольшую выраженность среди обучающихся студентов имеет проблема экзистенциальной изоляции. Полученный результат достаточно необычен, поскольку ввиду особенности их периода профессионального становления они по умолчанию находятся в группе людей, объединенных общей целью, испытывающих схожие трудности, обменивающихся информацией. В данной ситуации можно предположить, что молодые люди хоть и принадлежат к чему-то большему, но их потребность в близком эмоциональном контакте не удовлетворяется, поскольку их социальные отношения в ходе обучения могут носить поверхностный, исключительно функциональный характер.

У молодых людей, проходящих стадию профессиональной адаптации наиболее выражены экзистенциальные проблемы отчужденности (ср. балл 2,7), вины (ср. балл 2,8), свободы (ср. балл 3,4) и изоляции (ср. балл 3,3), что наглядно продемонстрировано на рисунке 2.

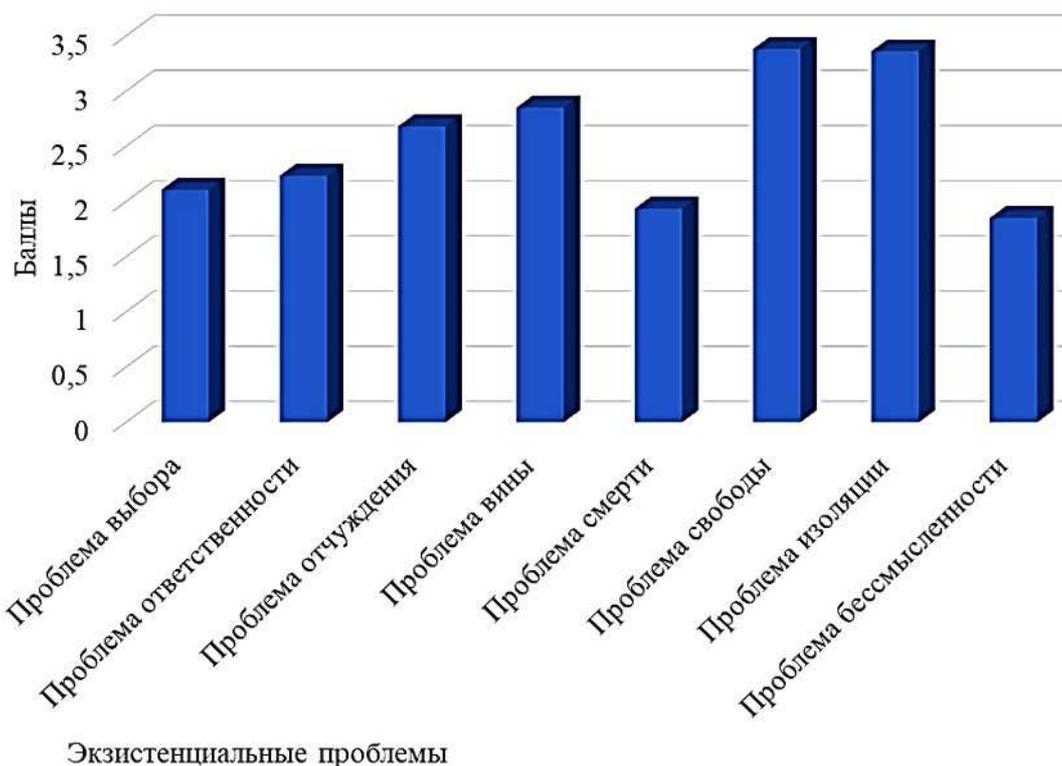

Рисунок 2 – График выраженности экзистенциальных проблем среди студентов магистров (кризис профессиональных ожиданий)

В ситуации, когда представления о своей профессии, которые формировались на протяжении нескольких лет, сталкиваются с действительностью, наличие экзистенциальной проблемы вины может говорить о том, что человек находится, по сути, в тупике, отрицая имеющиеся у него потенциальные возможности для преодоления кризиса профессиональных ожиданий. Сама по себе ситуация выхода на рынок труда, поиск работы и неудовлетворённость уже имеющихся порождает проблему свободы, так как начиная с детского сада и заканчивая обучением в ВУЗе человек по сути был ограничен внешней структурой, которая направляла его развитие, а попадание в ситуацию неопределённости, которая требует от него осуществления самостоятельных решений, приводит к возникновению чувства тревоги, изолированности.

Экзистенциальная проблема изоляции в рамках кризиса профессиональных ожиданий может быть связана с невозможностью или нежеланием быть принадлежащим к чему-то большему (организация, рабочий коллектив и т.д.) ввиду расхождений во взглядах, ценностях, самих условиях труда.

Все перечисленные выше проблемы приводят к тому, что человек начинает испытывать чувства беспомощности, тревоги, безнадёжности и страха, что вытекает в экзистенциальную проблему отчужденности, при которой он начинает отдаляться от своего социального и нравственного существования.

Полученные результаты были математически обработаны с использованием Т-критерия Стьюдента, результаты расчётов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения выраженности экзистенциальных проблем среди испытуемых

Экзистенциальные проблемы	Среднее значение бакалавры (n = 99)	Среднее значение магистры (n = 47)	σ бакалавры	σ магистры	Достоверность различий
Проблема выбора	2,64	2,1	±0,94	±0,84	p ≤ 0,05
Проблема ответственности	2,74	2,23	±0,79	±1,08	p ≤ 0,05
Проблема отчуждения	2,1	2,68	±1,07	±1,16	p ≤ 0,05
Проблема вины	2,7	2,85	±0,74	±1,06	
Проблема смерти	1,8	1,93	±1,18	±0,52	
Проблема свободы	2,75	3,38	±1,02	±0,7	p ≤ 0,05
Проблема изоляции	2,8	3,36	±0,85	±0,87	p ≤ 0,05
Проблема бессмысленности	2,36	1,85	±1,05	±0,58	p ≤ 0,05

Были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,0006$) между студентами, проходящими обучение (ср. знач. – 2,6) и студентами заочниками, работающими по специальности (ср. знач. – 2,1), по выраженности проблемы выбора. Подобный результат можно объяснить тем, что работающие студенты уже успели осуществить свой выбор, связанный с их текущей работой, в то время как обучающимся студентам этот выбор только предстоит, что и выражается в чувстве неуверенности в предстоящем выборе.

Также выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,004$) между студентами, проходящими обучение (ср. знач. – 2,7) и работающими студентам (ср. знач. – 2,3), по выраженности проблемы ответственности. Полученный результат можно объяснить тем, что у студентов, проходящих обучение, имеются четкие рамки, которые направляют их деятельность, они практически не находятся в ситуации неопределённости, поскольку у них имеется ясное представление о том, что от них требуется, что будет в ближайшем будущем и т.д. Всё это формирует у них определённую пассивность, вызванную экзистенциальной проблемой ответственности, так как они с одной стороны занимаются учебной активностью, а с другой «плывут по течению» в рамках академического процесса.

Статистически значимые различия ($p \leq 0,004$) также были обнаружены между студентами, проходящими обучение (ср. знач. – 2,1) и студентами заочниками, работающими по специальности (ср. знач. – 2,6), по выраженности проблемы отчуждённости. Более выраженное дистанцирование молодых людей, которые только начинают знакомиться со своей профессией в рамках непосредственно трудовой деятельности, от социума можно объяснить тем, что они хотят оградиться от коллектива или организации, которая является для них источником разочарования в профессии.

Были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,0003$) между студентами, проходящими обучение (ср. знач. – 2,7) и работающими студентам (ср. знач. – 3,3), по выраженности проблемы свободы. Осознание того факта, что сам человек является автором своего бытия вызывает у молодых людей, испытывающих чувство разочарования от реалий его профессии, страх осуществления судьбоносного выбора, который может оказаться неверным (в представлении человека).

Кроме того, мы выявили статистически значимые различия ($p \leq 0,0004$) между студентами, проходящими обучение (ср. знач. – 2,8) и работающими студентам (ср. знач. – 3,3), по выраженности проблемы изоляции. Находясь в ситуации когда ожидания человека сталкиваются с действительностью, а его взгляды и ценности могут разительно отличаться от тех, что приняты в его новом рабочем коллективе или всей организации в целом, человек с одной стороны старается оградиться или даже вступить в конфронтацию с существующими устоями, что приводит человека к изоляции, а с другой стороны приводит к возникновению потребности быть принадлежащим к чему-то большему, установлению социальных контактов с теми, кто мог бы его поддержать и понять.

Не менее важными для нас стали статистически значимые различия ($p \leq 0,0002$) между студентами, проходящими обучение (кризис профессионального выбора) (ср. знач. – 2,3) и работающими студентам (кризис профессиональных ожиданий) (ср. знач. – 1,8), по выраженности проблемы бессмысленности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что данная проблема, наиболее выражена среди студентов, которые только обучаются профессии, что неудивительно, ведь им только предстоит выбирать дальнейший путь своего развития, впервые

вступать в трудовые отношения, что напрямую связано с определением вектора своего дальнейшего развития в рамках профессии. Так или иначе всё это связано с поиском смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а возникновение неопределённости или неуверенности в этом процессе может породить проблему бессмысленности.

Подытожим, нами было установлено, что для каждого из двух рассмотренных кризисных периодов профессионального становления имеются как специфические проблемы экзистенциального характера, так и общие, которые при этом имеют различные причины возникновения.

К частным проявлениям экзистенциальных проблем в рамках кризиса профессионального обучения относятся проблемы выбора и ответственности. Первая из проблем может быть обусловлена ситуацией неопределённости касательно профессионального будущего студентов, которая порождает страх совершить неверный профессиональный выбор. Проблема ответственности возникает в связи с текущими условиями протекания обучения студентов, а именно целенаправленного, последовательного процесса усвоения знаний и навыков, которые им пригодятся в будущей профессиональной деятельности. Подобная «рутина» может породить в студентах чувство, что они не являются активными субъектами своей жизни и как следствие возникает пассивная жизненная позиция, в рамках которой основная активность по освоению будущей профессии проявляется лишь в виде реакции на внешнее воздействие.

В рамках кризиса профессиональных ожиданий были выявлены специфические экзистенциальные проблемы, а именно свободы и отчуждения. Проблема свободы может возникать в ответ на ситуацию неопределённости, связанную с обилием вариантов реализации своих профессиональных возможностей, а также с отсутствием внешнего влияния, которое бы направляло молодых людей к тому или иному решению. Также, данная экзистенциальная проблема может быть продиктована уже в какой-то степени сложившейся трудовой ситуацией, поскольку, человека может не устраивать его текущее место работы, но при этом под воздействием определённых внешних факторов он отказывается от своей свободы ради «вредной» для него, но всё же стабильности. Чувства беспомощности, безнадёжности, тревоги и страха, сопровождающие экзистенциальную проблему отчуждения возникают на фоне неудовлетворённости человеком организацией труда, должностными обязанностями, разногласия с коллективом. В результате человек может начать дистанцироваться не только от коллектива, но и от социума в целом. Более того, он может начать отдаляться и от самого себя ввиду того, что начнёт подстраиваться под текущие рабочие реалии, что может привести к утрате своего Я.

К общим для обоих кризисов относятся экзистенциальные проблемы вины и изоляции. Экзистенциальная проблема вины у обучающихся студентов может возникать ввиду убеждения, что они ранее сделали неверный профессиональный выбор, тогда как в настоящем данное убеждение мешает им реализовывать имеющиеся у них возможности. У тех, кто переживает кризис профессиональных ожиданий экзистенциальная проблема вины может возникнуть ввиду того, что человек отрицает имеющиеся у него возможности по преодолению данного кризиса ссылаясь на какие-либо факторы.

Среди обучающихся студентов экзистенциальная проблема изоляции может возникать в результате преобладания поверхностных социальных контактов со сверстниками, тогда как у тех, кто переживает кризис профессиональных ожиданий данная проблема возникает ввиду невозможности или нежелания быть принадлежащим к чему-то большему (организация, рабочий коллектив и т.д.) ввиду расхождений во взглядах, ценностях, самих условиях труда.

Проведённая статистическая обработка данных показала, что среди молодых людей, находящихся в разных кризисах профессионального становления, имеются различия в переживании экзистенциальных проблем.

Заключение.

Выдвинутая нами ранее гипотеза может считаться подтверждённой, поскольку было установлено, что кризисы профессионального становления не только сопряжены с экзистенциальными проблемами, но и имеют как частные проблемы, так и общие (которые при этом имеют разные основания). Данный результат позволяет расширить традиционное представление о кризисах, связанных с профессиональным становлением личности, обращаясь к их глубинной сути, что в свою очередь подчёркивает важность процесса профессионального становления для всей личности в целом.

В то же время выход молодого специалиста на современный рынок труда, который далёк от стабильности, сопряжен с нормативным индивидуальным кризисом занятости. Происходит столкновение не только ожиданий и сформированных представлений с реальностью профессии, но и смена социального статуса, человек пробует новую для себя социальную роль. Более того, непосредственное знакомство с профессией, её содержанием, осознанием своих реальных возможных путей для профессионального роста вынуждает человека принять определённый

ные субъективные и объективные ограничения для своей карьеры. Данные явления в рамках нормативного индивидуального кризиса занятости, несомненно, оказывают влияние на профессиональное становление личности, а именно на стадию профессиональной адаптации и происходящий в рамках него кризис профессиональных экспектаций. Можно предположить, что индивидуальный кризис занятости также может быть связан и с определёнными экзистенциальными проблемами личности, которые влияют на его протекание и преодоление.

Последующие шаги в рамках данной проблематики будут направлены на расширение выборки с включением в неё людей, переживающих кризис профессионального роста и профессиональной карьеры.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М. : Междунар. отношения, 1990. – 480 с.
2. Дёмин А.Н. Личность в кризисе занятости: стратегии механизмы преодоления кризиса. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. – 315 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий : учеб. пособие для студ. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 149 с.
4. Камю А. Бунтующий человек. – М. : Терра, 1999. – 120 с.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Академия, 2012. – 304 с.
6. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. Сборник статей. – Изд. Генезис, 2017. – 159 с.
7. Мэй Р. Открытие Бытия. – М. : Изд-во ин-та общегуман. исследований. – 2004. – 56 с.
8. Пряжников Н.С. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся : учебник для студентов учреждений высшего проф. образования / Н.С. Пряжников, Л.С. Румянцева. – М. : Академия, 2013. – 208 с.
9. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 372 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1997. – 447 с.
12. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. – М., 2004. – 384 с.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; Пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

Literature:

1. Berdyaev N.A. Self-knowledge (an experience of philosophical autobiography). – M. : Intern. relations, 1990. – 480 p.
2. Demin A.N. Personality in the Employment Crisis: Strategies and Mechanisms to Overcome the Crisis / A.N. Demin. – Krasnodar: Kuban state. un-t, 2004. – 315 p.
3. Zeer E.F. Psychology of professions: study guide for students. universities. 2nd ed., revised and additional. – M. : Academic project; Ekaterinburg : Business book, 2003. – 149 p.
4. Camus A.A rebellious man / A. Camus. – M. Terra, 1999. – 120 p.
5. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination : textbook for students of higher educational institutions. – M. : Academy, 2012. – 304 p.
6. Lenglet A. Person: An Existential-Analytical Theory of Personality. Collection of articles / A. Langle; Ed. Genesis, 2017. – 159 p.
7. May R. Discovery of Genesis. – M. : Publishing House of the Institute of General Humanitarian research. – 2004. – 56 p.
8. Pryazhnikov N.S. Self-determination and professional orientation of students : textbook for students of institutions of higher prof. education / N.S. Pryazhnikov, L.S. Rummyantsev. – M. : Academy, 2013. – 208 p.
9. Sartre J.P. Being and Nothing: An Experience of Phenomenological Ontology. – M. : Respublika, 2000. – 639 p.
10. Frankl V. Man in search of meaning. – M., 1990. – 372 p.
11. Heidegger M. Time and being: Articles and speeches. – M. : Respublika, 1997. – 447 p.
12. Shestov L.I. The apotheosis of groundlessness. – M., 2004. – 384 p.
13. Jaspers K. The meaning and purpose of history: Per. with him. / K. Jaspers. – M. : Politizdat, 1991. – 527 p.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ СЕРДЕЧНОГО РИТМА ЧЕЛОВЕКА
ПОД ВЛИЯНИЕМ SAND-ART ТЕРАПИИ**

**STUDY OF HUMAN HEART RATE VARIABILITY
UNDER THE INFLUENCE OF SAND-ART THERAPY**

Семилетова Вера Алексеевна

кандидат биологических наук,
доцент,
кафедра нормальной физиологии,
Воронежский государственный
медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко
vera2307@mail.ru

Vera A. Semiletova

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,
Department of Normal Physiology,
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
vera2307@mail.ru

Волынкина Екатерина Аркадьевна

студент,
Воронежский государственный
медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко
volynkina.k@mail.ru

Ekaterina A. Volynkina

Student,
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
volynkina.k@mail.ru

Кунгурова Дарья Михайловна

студент,
Воронежский государственный
медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко
kungurova.d@mail.ru

Darya M. Kungurova

Student,
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
kungurova.d@mail.ru

Нагибина Наталья Александровна

кандидат физико-математических наук,
кафедра нормальной физиологии,
Воронежский государственный
медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко
nagibina.natalya@yandex.ru

Natalia A. Nagibina

Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Department of Normal Physiology,
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
nagibina.natalya@yandex.ru

Аннотация.

Исследование проведено на базе кафедры нормальной физиологии ФГБОУ ВО ВГМУ с участием 65 студентов – добровольцев. До и после сеанса sand-art терапии в состоянии покоя определяли ситуативную и личностную тревожность (по Спилбергеру), самочувствие, активность и настроение испытуемых (тест САИ), рассчитывали индекс Кердо и записывали кардиоритм на аппаратно-программном комплексе «ВНС-микро» фирмы «НейроСофт». Статистическая обработка полученных данных проведена с использованием программ Excel и IBM SSPS Statistics 26. Выявлено, что после art-терапевтического сеанса самочувствие значительно улучшается. Sand-art терапевтический сеанс способствует восстановлению вегетативного равновесия в организме пациентов. Выявлены значимые изменения параметров кардиоритма у девушек в контрольной группе (после отдыха), и у юношей – в экспериментальной группе (после art-сеанса), что свидетельствует об изменении регуляторных, преимущественно корковых и подкорковых, влияний на деятельность сердечно-сосудистой системы в сторону увеличения энергозатратности обеспечения работы регуляторных меха-

низмов сердечно-сосудистой системы и увеличения активности симпатической нервной системы у юношей.

Ключевые

слова:

sand-art терапевтический сеанс, песочный стол, кардиоритм, тревожность, самочувствие.

Annotation.

The study was conducted on the basis of the Department of Normal Physiology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the VSMU with the participation of 65 student volunteers. Before and after a session of sand-art therapy at rest, situational and personal anxiety, well-being, activity and mood of the subjects were determined, the Kerdo index was calculated and the heart rate was recorded on the hardware-software complex «VNS-micro». Statistical processing of the obtained data was carried out using Excel and IBM SPSS Statistics 26. It was revealed that after the art-therapeutic session, the state of health significantly improves. Sand-art therapeutic session contributes to the restoration of autonomic balance in the body of patients. Significant changes in heart rate parameters were revealed in girls in the control group (after rest), and in boys in the experimental group (after an art session), which indicates a change in regulatory, mainly cortical and subcortical, influences on the activity of the cardiovascular system in the direction of increasing energy consumption to ensure the work of the regulatory mechanisms of the cardiovascular system and increase the activity of the sympathetic nervous system in young men.

Keywords:

sand-art therapeutic session, sand table, heart rate, anxiety, well-being.

Введение. Метод sand-art (метод песочного рисования на столе с подсветкой) существует сравнительно недавно, около 30 лет. Зародилось это направление в США и сначала было лишь эффективным зрелищем при проведении разнообразных шоу-программ. Несколько позже специалистами было доказано, что метод песочного рисования на столе с подсветкой можно эффективно применять для работы с разнообразной психологической проблематикой, а также в образовательных и развивающих целях [3]. При этом метод sand-art применяют в работе и с детьми, и со взрослыми [4, 7, 8]. В связи с чем стало актуальным исследование психофизиологических механизмов воздействия песочной арттерапии на организм человека [1, 5, 6].

Целью данной работы является исследование вариабельности сердечного ритма человека под влиянием sand-art терапии.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено на базе кафедры нормальной физиологии ФГБОУ ВО ВГМУ с участием 65 студентов – добровольцев в возрасте до 18 до 21 года (38 девушек и 27 юношей). Испытуемые были поделены на группы: 1 группа – участники сеанса sand-art терапии (48 студентов, 29 девушек и 19 юношей), 2 группа – контрольная, вместо сеанса sand-art терапии испытуемые отдыхали 25 минут (20 студентов, 9 девушек и 11 юношей). Каждый испытуемый подписал информированное согласие, прошел анкетирование.

Сеанс sand-art терапии проводился в комнате 12 м² в течение 25–40 минут с использованием песочного стола с подсветкой. До и после сеанса в состоянии покоя определяли ситуативную и личностную тревожность (по Спилбергеру), самочувствие, активность и настроение испытуемых (тест САИ), рассчитывали индекс Кердо и записывали кардиоритм [8] на аппаратно-программном комплексе «ВНС-микро» фирмы «НейроСофт»; запись ЭКГ проведена во II отведении, в состоянии покоя, сидя, в течении 5 минут. Статистическая обработка полученных данных проведена с использованием программ Excel и IBM SPSS Statistics 26. Нормальность распределения оценена с помощью критерия Шапиро-Уилка. Значимость отличий – с помощью непараметрического критерия Уилкоксона.

Результаты. Опрос испытуемых после sand-art терапии показал, что все испытуемые положительно оценили влияние сеанса на их психоэмоциональное состояние. Студенты чувствовали себя отдохнувшими, более спокойными, готовыми к выполнению задач.

Выявлены значимые отличия по самочувствию испытуемых ($p = 0.037$), самочувствие в состоянии покоя после art-терапевтического сеанса лучше, чем в состоянии покоя до sand-art терапии. Значимых отличий между группами девушек и юношей по представленным показателям и по психологическим параметрам до и после сеанса отдыха в контрольной группе.

Выявлены значимые отличия студентов по вариативности кардиоритма (табл. 1) в контрольной группе, а под влиянием сеанса sand-art терапии значимых отличий не выявлено.

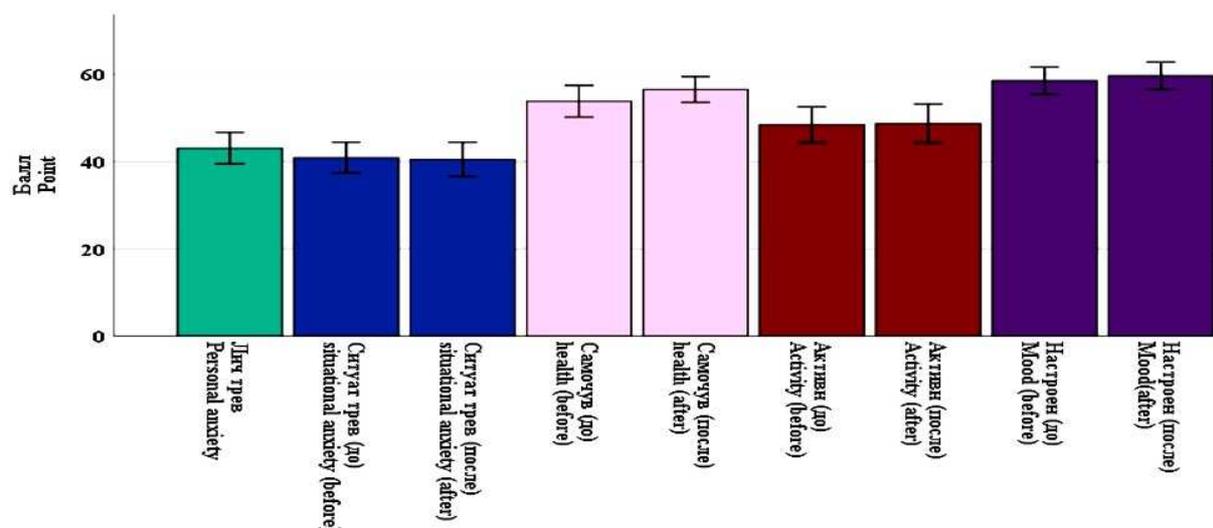

Рисунок 1 – Динамика психологических характеристик личности под влиянием сеанса sand-art терапии

Таблица 1

Динамика вариативности кардиоритма под влиянием sand-art терапии

Sand	HR (уд./мин) до	HR (уд./мин) после	SDNN (мс) до	SDNN (мс) после	CV (%) до	CV (%) после	ИЦ до	ИЦ после
Q1	66.10	65.25	44.25	44.25	5.38	5.56	1.63	1.43
Me	77.00	76.00	54.00	53.00	6.79	6.98	2.92	2.21
Q3	86.00	84.25	65.75	69.50	8.17	8.04	6.30	3.88
P*								
Контроль	HR (уд./мин) до	HR (уд./мин) после	SDNN (мс) до	SDNN (мс) после	CV (%) до	CV (%) после	ИЦ до	ИЦ после
Q1	73.60	74.00	33.00	41.50	5.05	5.97	1.26	1.59
Me	84.20	83.30	48.00	65.00	6.73	8.64	2.44	2.14
Q3	92.80	89.75	68.50	82.00	8.12	9.85	3.44	2.92
P*			0.01		0.013			

Анализ динамики спектральных характеристик кардиоритма (табл. 2) показал наличие значимых отличий общей мощности (TP), волн низкой частоты (LF) и волн высокой частоты (HF) в контрольной группе; а под влиянием сеанса sand-art терапии значимых отличий не выявлено.

Таблица 2

Динамика спектральных характеристик кардиоритма под влиянием sand-art терапии

Sand	TP (мс ²) до	TP (мс ²) после	VLF (мс ²) до	VLF (мс ²) после	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после	HF (мс ²) до	HF (мс ²) после
Q1	1815.0	1907.8	304.5	417.0	518.3	731.0	330.5	451.5
Me	2641.5	2590.0	663.5	808.5	1176.0	1130.5	1000.5	816.0
Q3	4127.0	4504.5	1109.3	1492.3	1926.5	1622.0	1557.3	1302.8
P*								
Контроль	TP (мс ²) до	TP (мс ²) после	VLF (мс ²) до	VLF (мс ²) после	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после	HF (мс ²) до	HF (мс ²) после
Q1	1112.0	1759.5	289.0	458.5	542.0	813.5	197.0	479.0
Me	2276.0	3498.0	507.0	944.0	1021.0	1580.0	357.0	850.0
Q3	4439.0	6406.0	1643.5	1860.0	1567.5	2471.0	914.5	1603.5
P*	0.013				0.01		0.01	

Следовательно, под влиянием отдыха в контрольной группе увеличился общий суммарный эффект регуляции кардиоритма, общая мощность волнового спектра, влияние со стороны вазомоторного центра, уменьшилось влияние симпатической нервной системы. Под влиянием сеанса sand-art терапии в экспериментальной группе изменений регуляторного комплекса не наблюдалось при сохранении нормального уровня энергетического состояния и уровня вегетативного равновесия.

По индексу Кердо испытуемые были разделены на три группы: симпатотоники, нормотоники и ваготоники. В результате анализа динамики индекса вегетативного равновесия (ИВР, рис. 6а), и вегетативного показателя ритма сердца (ВПР), (рис. 6б) выявлено, что у ваготоников повысилась роль симпатической нервной системы в регуляции кардиоритма пациентов. У симпатотоников увеличилось влияние парасимпатической нервной системы под влиянием sand-art терапии. Следовательно, sand-art терапевтический сеанс способствует восстановлению вегетативного равновесия в организме пациентов.

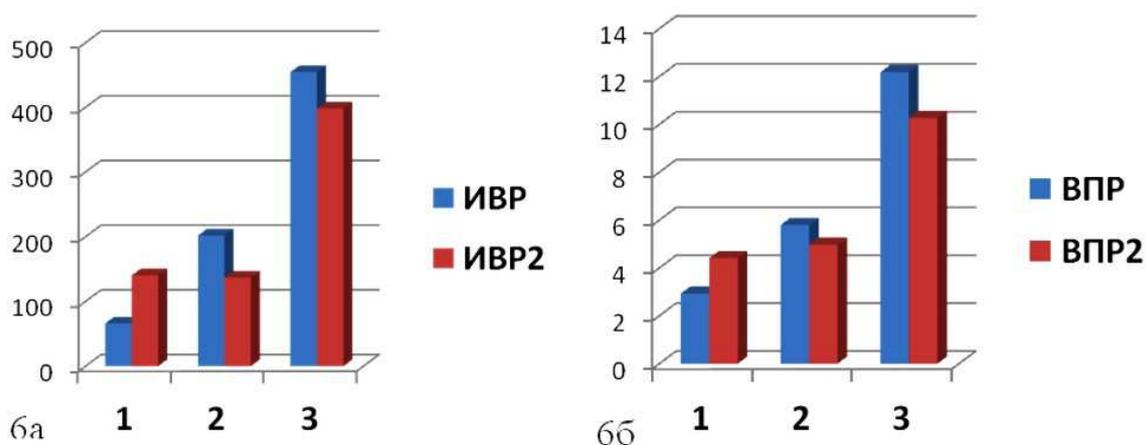

Рисунок 2 – Изменение баланса симпатической и парасимпатической систем:
6а – индекс вегетативного равновесия, 6б – вегетативный показатель ритма
(1 – ваготоники, 2 – нормотоники, 3 – симпатотоники)

Исследование динамики характеристик кардиоритма девушек и юношей экспериментальной и контрольной групп выявило значимые изменения параметров кардиоритма у девушек в контрольной группе (после отдыха), и у юношей – в экспериментальной группе (после арт-сеанса), таблица 3. Так, в контрольной группе после отдыха у девушек значимо увеличилась вариативность кардиоритма (CV %), усилились мощности очень низкочастотного (VLF), низкочастотного (LF) и высокочастотного (HF) диапазонов кардиоритма. Что свидетельствует об изменении регуляторных, преимущественно корковых и подкорковых, влияний на деятельность сердечно-сосудистой системы, улучшается функциональное состояние девушек.

Таблица 3

Динамика характеристик кардиоритма девушек и юношей экспериментальной и контрольной групп (p < 0.05 (*))

		Контроль							
Юноши	CV (%)	CV (%)	VLF (мс ²)	VLF (мс ²)	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после	HF (мс ²)	HF (мс ²)	
	до	после	до	после			до	после	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Q1	5.96	5.94	398.5	414.5	632.5	813.5	213.5	415.5	
Me	6.97	8.64	1308.0	944.0	1067.0	1488.0	538.0	951.0	
Q3	8.73	9.29	1813.5	2331.0	1988.0	2471.0	1011.0	2068.0	
P*									
Девушки	CV (%)	CV (%)	VLF (мс ²)	VLF (мс ²)	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после	HF (мс ²)	HF (мс ²)	
	до	после	до	после			до	после	
Q1	4.48	5.99	215.8	560.0	311.5	646.5	160.5	469.5	
Me	5.27	8.73	384.0	1050.5	649.0	1598.5	232.5	724.0	
Q3	7.77	10.10	1137.0	2003.5	1472.0	3146.0	439.5	1299.8	
P*	0.017		0.017		0.017		0.012		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Sand-art терапия										
Юноши	SDNN (мс) до	SDNN (мс) после	CV (%) до	CV (%) после	TP (мс ²) до	TP (мс ²) после	VLF (мс ²) до	VLF (мс ²) после	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после
Q1	45.00	50.00	5.43	6.42	1889.0	2296.0	271.0	922.0	592.0	1127.0
Me	57.00	68.00	6.93	8.00	2902.0	4473.0	759.0	1506.0	1532.0	1488.0
Q3	74.00	80.00	8.16	9.93	5307.0	6779.0	1633.0	2165.0	2019.0	2645.0
P*	0.007		0.018		0.03		0.007		0.064	
Девуш- ки	SDNN (мс) до	SDNN (мс) после	CV (%) до	CV (%) после	TP (мс ²) до	TP (мс ²) после	VLF (мс ²) до	VLF (мс ²) после	LF (мс ²) до	LF (мс ²) после
Q1	37.00	42.50	5.08	5.35	1284.5	1732.0	309.0	373.5	459.5	598.5
Me	51.00	49.00	6.71	6.38	2601.0	2129.0	539.0	597.0	1098.0	922.0
Q3	65.50	55.50	8.19	7.35	4033.0	2960.0	979.0	933.5	1641.5	1208.0
P*										

В экспериментальной группе после sand-art сеанса у юношей значимо увеличился суммарный эффект регуляции variability сердечного ритма (SDNN), значимо уменьшилась вариативность кардиоритма (CV %), увеличилась общая мощность (TP) и уменьшилась мощность очень низкочастотного (VLF) диапазонов кардиоритма. Что свидетельствует об изменении регуляторных, преимущественно корковых и подкорковых, влияний на деятельность сердечно-сосудистой системы в сторону увеличения энергозатратности обеспечения работы регуляторных механизмов сердечно-сосудистой системы. Вегетативное равновесие при этом сдвинулось в сторону симпатической нервной системы.

Таким образом, положительный эффект sand-art терапии, который отметили все испытуемые, обусловлен изменением в работе центральных и периферических регуляторных механизмов. И у юношей «цена» положительного эффекта выше, чем у девушек.

Выводы.

1. В состоянии покоя после арт-терапевтического сеанса самочувствие испытуемых значимо улучшается.
2. Sand-art терапевтический сеанс способствует восстановлению вегетативного равновесия в организме пациентов.
3. В контрольной группе после отдыха значимо увеличились общий суммарный эффект регуляции кардиоритма, общая мощность волнового спектра, влияние со стороны вазомоторного центра, уменьшилось влияние симпатической нервной системы.
4. Выявлены значимые изменения параметров кардиоритма у девушек в контрольной группе (после отдыха), и у юношей – в экспериментальной группе (после арт-сеанса), что свидетельствует об изменении регуляторных, преимущественно корковых и подкорковых, влияний на деятельность сердечно-сосудистой системы в сторону увеличения энергозатратности обеспечения работы регуляторных механизмов сердечно-сосудистой системы и увеличения активности симпатической нервной системы у юношей.

Литература:

1. Гендерные особенности изменения психофизиологических параметров на фоне sand-art терапевтического сеанса / З.В. Машинская, А.В. Деревянкин, В.А. Семилетова, А.В. Макеева // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2019. – № 5-4. – С. 98–101.
2. Ковалева А.В. Анализ variability ритма сердца и возможности его применения в психологии и психофизиологии / А.В. Ковалева, Е.Н. Панова, А.К. Горбачева // Современная зарубежная психология. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 35–50.
3. Мартынова Н.В. Sand-art как средство арт-терапии в работе с младшими школьниками в условиях дополнительного образования / Н.В. Мартынова // Конференциум АСОУ. – 2015. – № 2. – С. 359–366.
4. Овчинникова Л.А. Специфика применения арт-терапии в комплексном психологическом сопровождении проблем эмоционального выгорания педагогов / Л.А. Овчинникова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8. – № 2(27). – С. 370–374.
5. Семилетова В.А. Sand-art терапия: влияние на организм человека. – Воронеж : Издательство Истоки, 2019. – 124 с.

6. Семилетова В.А. Исследование изменений психологических и физиологических параметров испытуемых с разным вегетативным статусом под влиянием sand-art терапии / В.А. Семилетова, З.В. Машинская, А.В. Деревянкин // Национальное здоровье. – 2020. – № 3. – С. 40–45.
7. Трушкова С.В. Профилактика профессионального выгорания педагогов-психологов / С.В. Трушкова, А.В. Киреева // Правовестник. – 2018. – № 9(11). – С. 10–17.
8. Шабанова Т.Л. Психологическая работа со школьниками-подростками по саморегуляции агрессии с использованием метода «sand-art» / Т.Л. Шабанова, А.А. Каткова, А.С. Короткова // Нижегородский психологический альманах. – 2018. – № 2. – С. 201–207.

Literature:

1. Gender specifics of changes in psychophysiological parameters during a sand-art therapy session / Z.V. Mashinskaya, A.V. Derevyankin, V.A. Semiletov, A.V. Makeeva // Scientific Review. Pedagogical Sciences. – 2019. – № 5-4. – P. 98–101.
2. Kovaleva A.V. Analysis of heart rate variability and the possibility of its application in psychology and psychophysiology / A.V. Kovaleva, E.N. Panova, A.K. Gorbacheva // Modern foreign psychology. – 2013. – Vol. 2. – № 1. – P. 35–50.
3. Martynova N.V. Sand-art as a means of art therapy in work with younger schoolchildren in conditions of additional education / N.V. Martynova // ASOU Conference. – 2015. – № 2. – P. 359–366.
4. Ovchinnikova L.A. The specifics of the use of art therapy in the complex psychological support of the problems of emotional burnout of teachers / L.A. Ovchinnikova // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. – 2019. – Vol. 8. – № 2(27). – P. 370–374.
5. Semiletova V.A. Sand-art therapy: impact on the human body. – Voronezh : Istok Publishing House, 2019. – 124 p.
6. Semiletova V.A. Study of changes in the psychological and physiological parameters of subjects with different vegetative status under the influence of sand-art therapy / V.A. Semiletova, Z.V. Mashinskaya, A.V. Derevyankin // National Health. – 2020. – № 3. – P. 40–45.
7. Trushkova S.V. Prevention of professional burnout of pedagogues-psychologists / S.V. Trushkova, A.V. Kireeva // Lawyer. – 2018. – № 9(11). – P. 10–17.
8. Shabanova T.L. Psychological work with adolescent schoolchildren on self-regulation of aggression using the «sand-art» method / T.L. Shabanova, A.A. Katkova, A.S. Korotkova // Nizhny Novgorod psychological almanac. – 2018. – № 2. – P. 201–207.

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.А. КОЛЬЦОВОЙ

PSYCHOLOGICAL AND HISTORICAL RECONSTRUCTION
OF PERSONALITY FEATURES AND INDIVIDUAL STYLE
OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF V.A. KOLTSOVA

Трушкина Ксения Владимировна
кафедра общей, социальной
психологии и истории психологии,
Московский гуманитарный университет
semikovak@mail.ru

Kseniya V. Trushkina
Department of General, Social Psychology
and History of Psychology,
Moscow University for the Humanities
semikovak@mail.ru

Аннотация. В.А. Кольцова внесла значительный вклад в конкретно-научное исследование истории отечественной психологической мысли и общую психологию. В ее работах получили объективное отражение различные аспекты развития психологического познания. В статье рассмотрен жизненный и профессиональный путь В.А. Кольцовой. Дана периодизация ее жизненного пути. Выделены основные характеристики каждого периода и ключевые особенности, повлиявшие на изменение научного интереса. Проведён анализ творческой активности и тематики научной деятельности. Рассмотрен вклад В.А. Кольцовой и ее лаборатории в развитие качественных и доказательных методов в истории психологии. Проведен контент-анализ названий научных трудов, на его основе дана классификация статей по тематикам. Все этапы научной деятельности В.А. Кольцовой представлены в их единстве, благодаря чему можно определить ее вклад в отечественную психологическую науку. Установлены основные направления научного интереса В.А. Кольцовой. Проведена реконструкция эволюции научных интересов в течение ее жизни. Проанализированы социальные и личностные факторы, влияющие на изменение научного интереса ученого.

Ключевые слова:

история психологии, социальная психология, российская психология, В.А. Кольцова, биография, историко-психологические исследования, личность ученого, творческая индивидуальность, междисциплинарные исследования в психологии.

Annotation. V.A. Koltsova made a significant contribution to the concrete scientific study of the history of Russian psychological thought and general psychology. Various aspects of the development of psychological cognition have been objectively reflected in her works. The article examines the life and professional path of V.A. Koltsova. The periodization of her life path is given. The main characteristics of each period and the key features that influenced the change in scientific interest are highlighted. The analysis of creative activity and the topics of scientific activity is carried out. A content analysis of the titles of scientific papers was carried out, on its basis a classification of articles by subject was given. The main directions of scientific interest of V.A. Koltsova are established. The reconstruction of the evolution of scientific interests during her life has been carried out. The social and personal factors influencing the change in the scientific interest of the scientist are analyzed.

Keywords: history of psychology, social psychology, Russian psychology, V.A. Koltsova, biography, historical and psychological research, personality of a scientist, creative individuality, interdisciplinary research in psychology.

История психологии относится к фундаментальным научным дисциплинам и в последние годы активно развивается, во многом благодаря талантливым отечественным историкам психологии. Среди них можно выделить В.А. Кольцову. Благодаря ее работе и

работе ее лаборатории в истории психологии стали использовать конкретные методики, доказательные и количественные методы. Вклад Кольцовой в развитие отечественной истории психологии значим, существенен и общепризнан. Но жизненный путь и эволюция научных интересов В.А. Кольцовой до сих пор не изучен. Не изучены факторы, повлиявшие на изменение интересов ученой в процессе научной реализации, нет полного перечня научных работ В.А. Кольцовой.

Целями настоящей статьи является:

1. Периодизация жизненного и творческого пути В.А. Кольцовой;
2. Классификация научных трудов по тематикам;
3. Поиск факторов, влияющих на изменение научной тематики ученого;
4. Анализ роли В.А. Кольцовой в современной психологии.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые разработана периодизация научного наследия В.А. Кольцовой, найдены факторы, повлиявшие на изменение научного интереса ученого.

По итогам проведенного контент-анализа названий трудов В.А. Кольцовой ее научные труды можно классифицировать и распределить на следующие группы и основные направления:

- общая психология;
- историческая психология;
- социальная психология;
- психология личности;
- история психологии;
- экспериментальная психология;
- методология психологии.

На основе проведенного анализа научной активности и творчества В.А. Кольцовой в различные периоды ее научной деятельности, была выделена периодизация, в которой отражены изменения интересов в ее творчестве в течение жизни. В таблице приведены данные о публикациях В.А. Кольцовой по различным отраслям психологии распределенные по каждому из периодов ее жизни.

Таблица 1

Тематики научных статей В.А. Кольцовой по периодам

	1976–1981	1981–2004	2005–2018	всего
Социальная психология	8	16	32	56
История психологии		50	63	113
Экспериментальная психология		4	7	11
Историческая психология		7	2	9

1 период (1947–1964) – детство и школьные годы;

2 период (1965–1970) – студенческие годы;

3 период (1971–1973) – работа учителем в 116 школе;

4 период (1973–1976) – обучение в аспирантуре;

5 период (1976–1981) – работа младшим научным сотрудником в ИП АН СССР;

6 период (1981–2004) – работа старшим научным сотрудником в ИП АН СССР;

7 период (2005–2018) – работа первым заместителем директора ИП РАН.

В основе этой периодизации лежат определенные критерии:

- основополагающие события в жизни ученого;
- изменения в выполняемых ею профессиональных и социальных ролях;
- основная сфера профессиональных и личностных интересов.

На основе этих критериев четко прослеживаются главные и важные жизненные события, и изменения в жизни В.А. Кольцовой и события, которые повлияли на изменения научных интересов и расширения отраслей исследования.

В 1947 году в деревне Дядьково Дмитровского района Московской области родилась В.А. Кольцова. Окончив школу в 1965 году, она поступает в Челябинский Государственный педагогический институт. В 1970 заканчивает этот институт с отличием и получает специальность «учитель истории и обществоведения средней школы, методист комсомольской и пионерской работы». Первые два жизненных периода связаны с приобретением и накоплением социального опыта, определением в жизненных целях и накоплением интеллектуального потенциала. В эти периоды уже заметна сильная тяга к знаниям, интерес к научным исследованиям. Во мно-

гом базовое историческое образование Веры Александровны послужило основой для формирования интереса к истории психологии.

В.А. Кольцова в интервью упоминала, что ее базовое историческое образование оказало влияние на формирование интереса к рассмотрению историко-генетических проблем. Она всегда интересовалась различными отраслями истории в научной мысли, в истории страны и культуре. Но этот интерес был латентный, так как основной сферой ее научных интересов была социальная психологии и проблемы. Но даже в этот период исторический аспект в ее научных трудах все равно прослеживается.

С января 1971 года работала учительницей истории и обществоведения в 8–11 классах 116-й сменной общеобразовательной средней школы. Уже в этот период можно было заметить ярко выраженную склонность В.А. Кольцовой к научно-исследовательской деятельности. Несмотря на большую занятость в школе, она проявила настойчивость и в 1971–1972 году сдала на отлично экзамены кандидатского минимума и ее рекомендовали в аспирантуру. В этот период она активно занимается изучением темы нравственного воспитания и пишет реферат, посвященный изучению нравственности у школьников («Уровень нравственного воспитания и формирования нравственного идеала у школьников 13–15 лет») [4, с. 11]. На выбор тематики реферата сильно повлияла ее работа в школе и постоянное общение с подростками, на которых она и проводила свое исследование.

В ноябре 1973 года начинает учебу в аспирантуре по специальности социальная психология. С момента поступления на психологический факультет Института психологии АН СССР В.А. Кольцова начинает интересоваться социальной психологией и темами, связанными с психологическими проблемами общения и выбирает тему для исследования: «Общение и формирование понятий».

В ноябре 1976 года Вера Александровна досрочно заканчивает аспирантуру в Институте психологии АН СССР по специальности 19.00.05, и начинает работать в этом же институте на должности младшего научного сотрудника в секторе социальной психологии, а затем и в лаборатории психических процессов. В этот период Кольцова становится ученицей Б.Ф. Ломова и Е.А. Будиловой. В научной деятельности она продолжает проводить теоретические и прикладные исследования по психологическим проблемам общения, исследует вопросы влияния общения на динамику психических процессов, на социально психологический климат коллектива, соревновательную активность личности.

В 1977 году защищает диссертацию. Кандидатская диссертация Веры Александровны Кольцовой посвящена исследованию влияния непосредственного общения на усвоение понятий и изучению ряда факторов, которые определяют характер и степень этого воздействия. Тема ее работы звучит: «Общение и формирование понятий». В процессе проведения ею исследования для диссертации (само включение общения в психологический эксперимент уже означало выход на качественно новый уровень его изучения), Она показала и обосновала, что включение общения в процесс усвоения понятий существенно определяет динамику и результаты данного процесса. Для повышения продуктивности мыслительной деятельности в условиях общения, важным фактором является информационное взаимодействие его участников» [3, с. 22]. В этот период научные работы Веры Александровны посвящены общепсихологическим проблемам общения и социальной психологии. Всего ею в эти годы было издано 24 научных работы. Активно участвовала в исследованиях, посвященных теме изучения личностных детерминант общения в условиях совместной познавательной деятельности, проводимых совместно с американскими психологами. Принимала активное участие в конференциях и их организации, руководила производственной практикой у студентов.

В процессе работы над проблемами общения у В.А. Кольцовой появляется интерес к более глубокому изучению вопросов истории психологии. Она пишет свои первые работы на стыке социальной психологии и истории психологии. Эти работы посвящены трудам Г.В. Плеханова и В.М. Бехтерева. «Проблемы социальной психологии в трудах Г.В. Плеханова», «Разработка психологических проблем общения в трудах В.М. Бехтерева». Во время работы над написанием публикаций на тему персоналий В.М. Бехтерева и Г.В. Плеханова Вера Александровна зарекомендовала себя как историк психологии. Именно эти научные труды открыли ей путь новую отрасль психологии. В последующие годы она активно развивалась именно в этой отрасли как ученый.

В Институте психологии РАН в 1984 году создаётся группа по истории психологии, на базе этой группы затем была создана и лаборатория по истории психологии. В.А. Кольцову переводят в лабораторию методологии теории и истории психологии с сохранением должности старшего научного сотрудника. Изучение новой проблематики означало практически с нуля заниматься разработкой новой отрасли и проблематики, при том, что у Вера Александровна много

лет занималась изучением другой области психологических проблем и имела множество публикаций по психологии общения и большие исследовательские перспективы. «Помимо базового интереса к истории вообще, хотя это фактор важный, сыграл большую роль личностный фактор – прежде всего влияние Б.Ф. Ломова, моего наставника, человека безгранично авторитетного для меня и уважаемого, любимого мной, который, вероятно, что-то увидел во мне» [3, с. 25].

Историко-психологические труды В.А. Кольцовой посвящены различной проблематике: проблемы источниковедения, теоретико-методологическим проблемы историко-психологических исследований, истории отечественной психологии; изучение персоналий, как ученых так и психологов и историков психологии и их творческого наследия (49 статей.); изучение психологии в различные исторические периоды и особенности развития психологии как науки в эти годы, особенно в годы Великой Отечественной войны (12 статей), и другие.

Седьмой период (2005–2018) можно считать периодом расцвета деятельности В.А. Кольцовой. Возрастает количество публикаций практически в два раза по сравнению с прошлым периодом. Более 100 написанных статей. Большая часть из этих статей посвящены истории психологии, много статей посвящены персоналиям и методологии психологии. Присутствуют статьи по социальной психологии и экспериментальной психологии. Во многом разнообразие тематик статей связано и с тем, что под руководством В.А. Кольцовой ее аспиранты защищают свои работы.

Докторская диссертация Веры Александровны посвящена теме «Теоретико-методологические основы исторической психологии» и защищена ею в 2005 году. В своей научной работе она предлагает и обосновывает новый целостный подход к изучению исторической психологии. Данный подход состоит из комплексного анализа, системного подхода, онтологического анализа предмета истории психологии, концептуализации ее объекта.

Вера Александровна Кольцова вместе с другими учеными создает издание серии «Памятники психологической мысли» и руководит им.

В 2006 году получает звание профессора общей психологии и истории психологии. Вплоть до 2018 года Вера Александровна продолжает активно заниматься научной деятельностью. Основными направлениями для нее остаются исторической психологии, истории психологии. Так же она активно занимается преподавательской деятельностью.

Научные исследования В.А. Кольцовой имеют огромное теоретическое и практическое значение для истории отечественной психологии. Благодаря ее работе и созданной ею лаборатории в истории психологии стали использовать конкретные методики, доказательные и количественные методы. Научные труды В.А. Кольцовой разнообразны и многогранны. Множество трудов по творческому наследию отечественных психологов, значимые труды по методологии психологии и истории научных школ. Особое внимание в трудах она уделяла созданию практической источниковой базы отечественной истории психологии, разработке проблем источниковедения.

В.А. Кольцова, на базе Института психологии, создала «Научный Психологический архив», который работает до сих пор. Им проводится сбор материалов и документов по отечественной истории психологии и систематизация этих документов.

В.А. Кольцова является автором более 120 научных трудов, ею написано 3 монографии (в соавторстве). Ее научные труды хорошо известны как в России, так и за рубежом. Ее опыт и труды могут быть полезны при разработке новых подходов к методологии истории психологии и изучении персоналий. На основе анализа жизненного и творческого пути В.А. Кольцовой можно выделить следующие факторы, влияющие на изменение интересов в научной тематике ученого:

1. Социальные факторы – изменение социально-профессиональных ролей, окружение и научные руководители.
2. Внутриличностные изменения – основные события жизни, основная сфера профессиональных и личностных интересов.

Литература:

1. История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии. Сборник научн. трудов. – М. : ИПАН СССР, 1989.
2. Теплов Б.М. История психологии / Б.М. Теплов // Избр. Труды : в 2 т. – М. : Педагогика, 1985. – Т. 2. – С. 190–279.
3. Теплов Б.М. История психологии как направление психологической науки и пространство творческой самореализации индивидуальности ученого / Б.М. Теплов // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2019. – № 1.
4. Олейник Ю.Н. История психологии: Проблемы методологии / Ю.Н. Олейник, В.А. Кольцова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – 511 с.

5. Кольцова В.А. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. – М. : Наука, 1990; Кольцова В.А. 100-летие развития экспериментальной психологии в России / В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 3. – С. 157–165.
6. Кольцова В.А. Проблемы истории психологического познания / В.А. Кольцова // Известия Академии педагогических и социальных наук. – Вып. 3: Психология индивидуальности. – М., 1997. – С. 111–124.
7. Ярошевский М.Г. Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова (К 125-летию со дня рождения) / М.Г. Ярошевский // Психологический журнал. – Т. 2. – № 5. – С. 137–149.
8. Кольцова В.А. Психологическое исследование : учеб. пособие. – Ярославль : ЯрГУ, 1979. – 66 с.
9. Роговин М.С. Российская психология в пространстве мировой науки. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 304 с.
10. Мироненко И.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН». – 416 с.
11. Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН». – 2008. – 511 с.

Literature:

1. History and some issues of the current state of experimental research in Russian psychology. Collection of scientific works. – М. : IPAN USSR, 1989.
2. Teplov B.M. The history of psychology / B.M. Teplov // Selected works : in 2 vol. – М. : Pedagogy, 1985. – Vol. 2. – P. 190–279.
3. Teplov B.M. The history of psychology as a direction of psychological science and the space of creative self-realization of a scientist's individuality / B.M. Teplov // Scientific works of the Moscow University for the Humanities. – 2019. – № 1.
4. Oleinik Yu.N. History of Psychology: Problems of methodology / Yu.N. Oleinik, V.A. Koltsova. – М. : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2008. – 511 p.
5. Koltsova V.A. The history of the formation and development of experimental psychological research in Russia (1990). – М. : Nauka; Koltsova, V.A. 100th anniversary of the development of experimental psychology in Russia / V.A. Koltsova, Yu.N. Oleinik // Psychological Journal. – 1986. – Vol. 7. – № 3. – P. 157–165.
6. Koltsova V.A. Problems of the history of psychological cognition / V.A. Koltsova // Proceedings of the Academy of Pedagogical and Social Sciences. – Issue 3: Psychology of Individuality. – М., 1997. – P. 111–124.
7. Yaroshevsky M.G. Problems of social psychology in the works of G.V. Plekhanov (To the 125th anniversary of his birth) / M.G. Yaroshevsky // Psychological Journal. – Vol. 2. – № 5. – P. 137–149.
8. Koltsova V.A. Psychological research: studies. stipend. – Yaroslavl : YarGU, 1979. – 66 p.
9. Rogovin M.S. Russian psychology in the space of world science. – StPb. : Nestor-History, 2015. – 304 p.
10. Mironenko I.A. Theoretical and methodological foundations of the history of psychology. – М. : Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences». – 416 p.
11. Koltsova V.A. History of psychology: Problems of methodology. – М. : Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2008. – 511 p.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ У ЖЕНЩИН

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL SUCCESS IN WOMEN

Ханова Зоя Гаджиалиевна

профессор кафедры
организационной психологии,
доктор психологических наук,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
khanova309@yandex.ru

Zoya G. Khanova

Professor of the Department
of Organizational Psychology,
Doctor of Psychological Sciences,
Moscow Financial
and Industrial University «Synergy»
khanova309@yandex.ru

Казиева Нуржиган Нурбагандовна

кандидат психологических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
общей и социальной психологии,
Дагестанский
государственный университет
Milena.555@mail.ru

Nurzhagan N. Kazieva

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of General
and Social Psychology,
Dagestan State University
Milena.555@mail.ru

Аннотация. Профессиональная деятельность является одной из значимых сфер в жизни человека. В данной статье предложен анализ понятия профессиональной успешности, факторов, обуславливающих профессиональную успешность, основных проблем, возникающих у женщин в профессиональной деятельности и в процессе достижения ими профессиональной успешности. Обращено внимание на гендерные стереотипы в различных профессиональных группах и их связь с профессиональной успешностью, на связь личностных особенностей и профессиональной успешности женщин.

Ключевые слова:

профессия, профессиональная деятельность, профессиональная успешность, профессиональное самосознание, профессиональная мотивация, самоопределение, гендер.

Annotation. Professional activity is one of the most important areas in a person's life. This article offers an analysis of the concept of professional success, the factors that determine professional success, the main problems that women face in their professional activities and in the process of achieving professional success. Attention is drawn to gender stereotypes in various professional groups and their relationship with professional success, to the relationship of personal characteristics and professional success of women.

Keywords: profession, professional activity, professional success, professional self-awareness, professional motivation, self-determination, gender.

Введение. Успешность человека представляет собой сложный психологический феномен. Успешность чаще всего ассоциируется в обществе с достижениями человека в различных сферах жизнедеятельности и материальным благополучием. Тем не менее, успешность предполагает не только некие внешние социальные ориентиры, оценку, но и ряд субъективно значимых аспектов для субъекта – самоактуализацию, личностный рост, внутреннюю удовлетворенность, самопринятие и др. Существуют различные виды успешности, среди которых профессиональная успешность занимает ведущее место. Одной из важных характеристик отношений субъекта с окружающим миром, с другими людьми является именно его профессиональная успешность.

Профессиональная деятельность и карьерный рост стали необходимыми и значимыми составляющими жизни современных женщин. Профессиональная успешность представляет собой комплексную категорию, включающую субъективные и объективные составляющие.

Субъективные составляющие – это мотивация выбора профессиональной деятельности, преобладающие мотивации достижения или избегания в профессиональной деятельности, отношение человека к выбранной профессиональной деятельности, удовлетворенность своим трудом и др.; объективные составляющие – профессиональные достижения, продуктивность, производительность труда, уровень сложности выполнения профессиональных задач и др., которые в совокупности показывают реальное положение субъекта в профессиональной деятельности [1; 2; 3; 4; 5].

Целью исследования стало выявление особенностей профессиональной успешности у женщин.

Результаты исследования. На основе теоретического анализа научной литературы и результатов анкетирования женщин (100 испытуемых в возрасте от 25 до 45 лет с высшим и средним специальным образованием) были уточнены представления о профессиональной успешности у женщин в связи с их профессиональными мотивами, среди которых доминируют (приведены в зависимости от степени значимости для женщин):

- необходимость получения автономии (независимости от родительской семьи и партнера, социальных выплат и др.), данный мотив является ведущим у опрашиваемых женщин;
- безопасность и стабильность (прогнозируемый доход, определенность в жизни, снижение негативных составляющих неопределенности и др.);
- материальное благосостояние (высокий и стабильный доход, наличие возможностей для накоплений, возможности инвестирования в значимые для себя проекты и др.);
- компетентность (обеспечение высокого уровня профессионализма, способности решать сложные профессиональные задачи и др.);
- личностное развитие (познание себя, самореализация, профессиональное саморазвитие и др.);
- первенство (быть лучшим в профессии среди коллег, быть лучшим профессионалом в семье (как результат сиблингового или детско-родительского соперничества у женщин и др.).

Можно отметить, что если профессиональная деятельность женщин способствует реализации значимых для женщины мотивов, то оценка собственной профессиональной успешности является более высокой.

Профессиональная успешность и не успешность женщин связана с выбранной ими профессией и возможностями дальнейшего карьерного роста. У большинства женщин (80 %) наблюдается мотивация избегания неудач в профессиональной деятельности и мотивация избегания успеха (75 %), низкая самооценка (у 82 %), высокий уровень терпимости (к критике, нарушениям со стороны администрации, к высоким нагрузкам на работе и др.). Мотивация избегания успеха, согласно опросу, обусловлена детской травматизацией в родительской семье, конфликтами со сверстниками, с негативными гендерными установками и рядом иных сопутствующих причин.

Актуальной остается проблема «стеклянного потолка» (отсутствия равных возможностей с мужчинами в профессиональном и карьерном росте) для женщин во многих профессиях (прежде всего, в технических и естественно-научных). Профессиональная успешность зависит от четкой Я-концепции, деловой направленности личности, высокого уровня самоконтроля и принадлежности к типично «мужским» или «женским» профессиям, ориентации на построение своей карьеры. Одной из проблем является различие в заработной плате мужчин и женщин в негосударственных организациях при выполнении аналогичной работы.

Гендерные стереотипы о типичных «мужских» профессиях способствуют снижению мотивации женщин на получение профессий определенных групп и самореализации в них (70 %). Примером может служить то, что в школе девочки, у которых проявляются высокие математические способности, в результате негативных гендерных установок со стороны сверстников и родителей вынуждены отказаться от планирования поступления на технические специальности (программиста, инженера-технолога, инженера-конструктора и др.) и работы в данных сферах.

Система ценностных ориентаций личности также обуславливает профессиональную успешность женщин. Преобладание семейных ценностей может препятствовать карьерному росту и профессиональному развитию женщин (70 %). Ориентация женщин на патриархальные традиции и склонность к созависимым отношениям в семье (90 %), недостаточная рефлексивность (67 %) дополняют данные аспекты.

Одна из проблем связана с тем, что среди руководящих кадров женщин по сравнению с мужчинами немного и составляет в среднем около 13 % [1], что требует дополнительного внимания и анализа причин, приводящих к подобным результатам. Ниже процент женщин-руководителей в технических и естественно-научных профессиях, выше в группе гуманитарных, социально-ориентированных профессий. Преобладание женщин отмечается в системах дошкольного и школьного образования.

Рисунок 1 – Факторы, способствующие и препятствующие профессиональной успешности у женщин

Выводы. Позитивные представления о профессиональной успешности женщин связаны с их личностными характеристиками (смелостью, решительностью, самостоятельностью, направленностью на построение карьеры, доминирующей мотивацией достижения успеха, положительной самооценкой и высоким уровнем притязания и др.). Негативные аспекты, препятствующие профессиональной успешности, связаны с высокой тревожностью, мотивациями избегания неудач и успеха, с негативными социальными установками, ограничивающими профессиональный и карьерный рост женщин.

Литература:

1. Бендас Т.В. Факторы, влияющие на профессиональную успешность женщины / Т.В. Бендас, О.А. Ковалева // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2016. – № 10 (67). – С. 75–82.
2. Глузман Н.А. Профессионализм педагога: успешность и карьера / Н.А. Глузман, Н.В. Горбунова. – Ялта : Редакционно-издательский отдел Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2017. – 243 с.
3. Каяшева О.И. Особенности личностной рефлексии у мужчин и женщин / О.И. Каяшева; Под общ. ред. О.И. Каяшевой, Н.В. Николаевой // Психология личности: изучение, развитие, самопознание. Сборник научных трудов. – Вып. 3. – М.; СПб. : УРАО, НИЦ АРТ, 2015. – С. 31–36.

4. Каяшева О.И. Субъективные ресурсы достижения профессиональной успешности у женщин / О.И. Каяшева, З.Г. Ханова // Вестник УРАО. – 2015. – № 5. – С. 102–106.
5. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. – М. : Смысл, 2000. – 199 с.

Literature:

1. Bendas T.V. Factors influencing the professional success of a woman / T.V. Bendas, O.A. Kovaleva // Personality, family and society: questions of pedagogy and psychology. – 2016. – № 10(67). – P. 75–82.
2. Gluzman N.A. Teacher's professionalism: success and career / N.A. Gluzman, N.V. Gorbunova. – Yalta : Editorial and Publishing Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. – 2017. – 243 p.
3. Kayasheva O.I. Features of personal reflection in men and women / O.I. Kayasheva; Under the general editorship of O.I. Kayasheva, N.V. Nikolaeva // Personality psychology: study, development, self-knowledge: collection of scientific papers. Issue 3. – M.; SPb. : URAO, SIC ART, 2015. – P. 31–36.
4. Kayasheva O.I. Subjective resources for achieving professional success in women / O.I. Kayasheva, Z.G. Khanova // Bulletin of URAO. – 2015. – № 5. – P. 102–106.
5. Tolochek V.A. Styles of professional activity. – M. : Sense, 2000. – 199 p.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

MEANINGFUL LIFE ORIENTATIONS IN STUDENT AGE

Щербакова Наталья Васильевна

психолог,
магистрант,
практикующий психолог,
сертифицированный тренер,
Российский государственный
социальный университет
natasha_256@mail.ru

Natalia V. Shcherbakova

Psychologist,
Master's Student,
Practicing Psychologist,
Certified Trainer,
Russian State Social University
natasha_256@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме смысловых ориентаций в студенческом возрасте. Показано, что студенческий возраст является возрастным этапом активного выбора направленности жизненных устремлений и смысла жизни. Смысловые ориентации являются многомерным образованием в структуре ценностно-смысловой сферы личности. Формирование систем личностных смыслов и смысловых ориентаций носит взаимосвязанный и взаимодетерминирующий характер. Представлены результаты исследования особенностей смысловых ориентаций в группах студентов с различной учебно-профессиональной направленностью. Студенты помогающих профессий отличаются от студентов с направленностью на обучение в области информационных технологий высоким уровнем смысловых ориентаций: осмысленностью целей, процесса, времени жизни и ее результативности.

Ключевые слова:

студенческий возраст, смысловые ориентации, ценностно-смысловая сфера личности, свобода, ответственность.

Annotation.

The article is devoted to the problem of life-meaning orientations in the student age. It is shown that the student age is an age stage of active choice of the orientation of life aspirations and the meaning of life. Meaning-life orientations are a multidimensional formation in the structure of the value-semantic sphere of personality. The formation of systems of personal meanings and life orientations is interrelated and mutually determinative. The results of the study of the features of life-meaning orientations in groups of students with different educational and professional orientation are presented. Students of helping professions differ from students with a focus on training in the field of information technology by a high level of meaningful life orientations: meaningfulness of goals, process, life time and its effectiveness.

Keywords:

student age, life-meaning orientations, value-semantic sphere of personality, freedom, responsibility.

В настоящее время вопросы смысла жизни, социально-психологических закономерностей и механизмов формирования смысловых ориентаций личности являются предметом научных дискуссий. Внимания заслуживает проблема смысловых ориентаций в студенческом возрасте, когда становление личности определяется успешностью решения задач внутреннего развития: понимания себя, собственных потребностей, направленности жизненных устремлений и смысла жизни. Молодость является возрастным этапом активного жизненного поиска, осуществления жизненно важных выборов, определяющих жизненный путь человека. Актуальными становятся исследование проблемы смысловых ориентаций в студенческом возрасте в современных условиях девальвации духовно-нравственных ценностей, размытости, противоречивости и многообразия культурных и социальных норм. Смысловые ориентации являются многомерным образованием, входящим в структуру ценностно-смысловой сферы личности. Смысл как целостная совокупность жизненных отношений, согласно Ф.Е. Василюку, является «продуктом ценностной системы личности» [1]. Развитие систем личностных смыслов и ценностных ориентаций носит «взаимосвязанный и взаимодетермини-

рующий характер. Личностные ценности являются одновременно и источниками, и носителями значимых для человека смыслов» [2]. Формирование смысложизненных ориентаций в онтогенезе связано с развитием ценностно-смысловой сферы личности, которая завершается к концу юношеского возраста. Этот процесс связан как с «изменениями, происходящими внутри личности, так и с изменениями социокультурного контекста и социально-экономических условий жизни, что определяют ее специфику у людей разных поколений» [3].

В связи с этим проведено исследование особенностей смысложизненных ориентаций среди студенческой молодежи, которые обучаются на базе ФГБУ ВО Российского государственного социального университета. В ходе исследования были сформированы 2 группы студентов с разной учебно-профессиональной направленностью: студенты, обучающиеся по специальностям в области помогающих профессий; студенты, обучающиеся по специальностям в области информационных технологий в количестве по 48 человек, всего 96 человек.

В качестве диагностических методов использовалась методика СЖО Д.А. Леонтьева. Для проверки статистической значимости различий показателей смысложизненных ориентаций в группах студентов с различной учебно-профессиональной направленностью использовался t-критерий Стьюдента. В соответствии с поставленными задачами показатели смысложизненных ориентаций студентов были сгруппированы на две группы факторов: свобода как степень осознанности, альтернативности и управляемости активности личности: 1 – общий показатель осмысленности жизни, 2 – цели в жизни, 3 – процесс жизни, 4 – результативность жизни, 5 – компетентность во времени; ответственность как степень осознания себя причиной изменений в собственной жизни: 1 – локус контроля – Я, 2 – локус контроля – жизнь, 3 – поддержка.

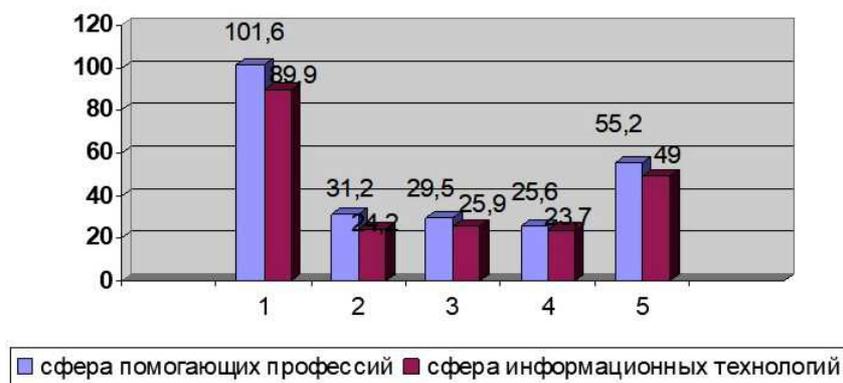
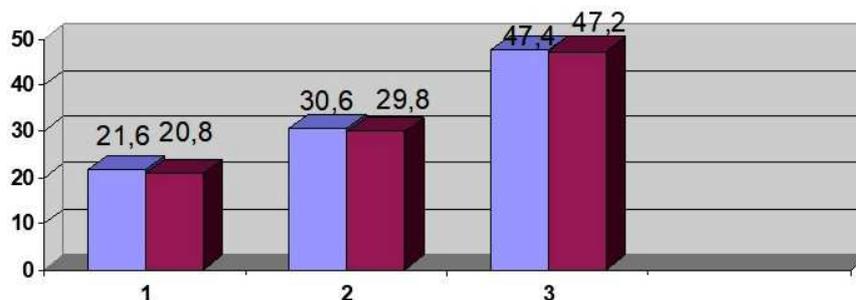

Рисунок 1 – Смысложизненные ориентации студентов с различной учебно-профессиональной направленностью по фактору «Свобода».
Показатели: 1 – общий показатель осмысленности жизни, 2 – цели в жизни, 3 – процесс жизни, 4 – результативность жизни, 5 – компетентность во времени

Результаты изучения смысложизненных ориентаций студентов с различной учебно-профессиональной направленностью по фактору «Свобода», позволили сделать вывод о том, что студенты помогающих профессий по сравнению со студентами, обучающимися по специальностям в области информационных технологий, имеют достоверно более высокие значения ($p < 0,01$) по всем показателям данного фактора.

Таким образом, студенты помогающих профессий, в отличие от студентов, обучающихся по специальностям в области информационных технологий, характеризуются высокой целенаправленностью и осмысленностью жизни, способностью жить настоящим, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, удовлетворенностью самореализацией и эмоциональной насыщенностью жизни.

Сравнительный анализ результатов исследования смысложизненных ориентаций студентов с различной учебно-профессиональной направленностью по фактору «Ответственность», отражающего степень осознания себя причиной изменений в собственной жизни, в исследуемых группах студентов не выявил достоверных различий (рис. 2). Как студенты с направленностью на помогающие профессии, так и студенты, обучающиеся в сфере информационных технологий имеют уровень выраженности данных показателей, соответствующих статистическим нормам. Таким образом, анализ полученных данных позволяет заключить, что студенты с различной учебно-профессиональной направленностью характеризуются умеренной независимостью в своих поступках, убежденностью в том, что основным источником активности и результатов, касающихся как деятельности, так и собственной личности являются они сами, умеренной способностью к управлению и контролю за собственными эмоциями и поведением.

■ сфера помогающих профессий ■ сфера информационных технологий

Рисунок 2 – Смысложизненные ориентации студентов с различной учебно-профессиональной направленностью по фактору «Ответственность».

Показатели: 1 – локус контроля – Я, 2 – локус контроля – жизнь, 3 – поддержка

Таким образом, анализ полученных данных позволяет заключить, что у студентов с разной учебно-профессиональной направленностью различий смысложизненных ориентаций по показателям, отражающим степень осознания себя причиной изменений в собственной жизни, не выявлено. При этом студенты помогающих профессий отличаются от студентов с направленностью на обучение в области информационных технологий высоким уровнем смысложизненных ориентаций по показателям осмысленности целей, процесса, времени жизни и ее результативности.

Литература:

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
2. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философ. – 1996. – № 5. – С. 15–26.
3. Мохова С.Ю. Смысложизненные ориентации X, Y и Z поколений / С.Ю. Мохова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – Т. 6. – № 2А. – С. 138–146.

Literature:

1. Vasilyuk F.E. Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations). – M. : Publishing House of Moscow State University, 1984. – 200 p.
2. Leontiev D.A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction / D.A. Leontiev // Questions of the philosopher. – 1996. – № 5. – P. 15–26.
3. Mokhova S.Yu. Life orientations of X, Y and Z generations // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2017. – Vol. 6. – № 2A. – P. 138–146.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С СЕМЬЯМИ, ИМЕЮЩИХ
ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ****SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WORK WITH FAMILIES
WITH CHILDREN WITH DISABILITIES****Аракельян Анна Аркадьевна**

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
имени А.К. Кортунова;
Донской государственный
аграрный университет,
Новочеркасск, Россия
artanna31@mail.ru

Anna A. Arakelyan

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy
and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering
and Reclamation Institute
named after A.K. Kortunov,
Donskoy State Agrarian University,
Novocherkassk, Russia
artanna31@mail.ru

Слезко Тамара Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории,
философии и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
имени А.К. Кортунова,
Донской государственный
аграрный университет,
Новочеркасск, Россия
slezkotamara@mail.ru

Tamara V. Slezko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy
and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering
and Reclamation Institute
named after A.K. Kortunov;
Donskoy State Agrarian University,
Novocherkassk, Russia
slezkotamara@mail.ru

Харитоновна Илона Олеговна

студент факультета бизнеса
и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
имени А.К. Кортунова,
Донской государственный
аграрный университет,
Новочеркасск, Россия
ilona2002.ik@gmail.com

Ilona O. Kharitonova

Student of the Faculty
of «Business and Social Technologies»
Novocherkassk Engineering
and Reclamation Institute
named after A.K. Kortunov,
Donskoy State Agrarian University,
Novocherkassk, Russia
ilona2002.ik@gmail.com

Аннотация.

В статье рассматриваются направления социально-психологической работы с семьями, имеющих детей с особенностями в развитии как актуальная проблема современного мира. Указаны основные направления работы с матерями, воспитывающие детей, имеющих ограниченные возможности здоровья. Перечислены компоненты психологической реабилитации и главные направления психосоциальной работы с семьей ребенка с ОВЗ. Безусловно, поддержка и помощь детям с ограниченными возможностями здоровья очень важна.

**Ключевые
слова:**

психосоциальная работа, ребёнок с ОВЗ, семья, реабилитация, коррекционная работа, консультирование.

Annotation. The article discusses the directions of socio-psychological work with families with children with developmental disabilities as an urgent problem of the modern world. The main directions of work with mothers raising children with limited health opportunities are indicated. The components of psychological rehabilitation and the main directions of psychosocial work with the family of a child with disabilities are listed. Of course, support and assistance to children with disabilities is very important.

Keywords: psychosocial work, disabled child, family, rehabilitation, correctional work, counseling.

Особая область социальной работы в сфере охраны здоровья матери и ребёнка – психологическая поддержка семьи, воспитывающей проблемного ребёнка. Рождение в семье ребёнка с явными нарушениями в развитии – это всегда глубокие переживания для всех членов семьи, необходимость изменения привычного ритма жизни, мобилизации материальных и психических возможностей.

Родители, предвкушающие появления на свет долгожданного ребенка и готовившиеся к семейному благополучию, нередко не готовы к серьёзным трудностям, возникающим вследствие рождения ребёнка с ОВЗ. Длительное время такие родители признают над собой власть идеи о предвзятости судьбы, они не имеют то ли желания, то ли возможности любить малыша, сильно отличающегося от того, которого ожидали. Родители, принимающие ребёнка таким, какой есть, и внимательно следящие за реакциями его на окружающий мир, радующиеся почти любым его активностям и самостоятельным действиям, как водится, добиваются огромных успехов. Способность материнского инстинкта уловить малейшие признаки желания ребёнка работать над собой и помочь ему в осуществлении этого, обыкновенно, оказывает самое значительное влияние на него и его развитие.

Основная и самая тяжёлая проблема в таких семьях – осознать себя родителями ребёнка с нарушениями и сложностями в развитии. Многие из семей часто испытывают колоссальное влияние со стороны медработников, рекомендующих оставить больного малыша в «Доме малютки», а далее в детских домах или интернатах, отказаться от его воспитания, так как, по их мнению, нет надежды достигнуть какого-то ощутимого результата в его развитии. Как правило, подобные рекомендации предоставляют доктора, которые ничего не знают о возможных путях воспитания и обучения проблемного ребёнка, об успешности этой работы. В следствии семья оказывается один на один со своей бедой и лишь спустя годы выходит на нужных специалистов и приобретает поддержку, которая по мере взросления ребёнка, к сожалению, становится менее продуктивной и результативной, она должна быть доступна семье с первых дней жизни малыша. На данном этапе родителям необходима поддержка специалистов, верящих в возможность помочь ребёнку с любыми нарушениями и знакомых с практикой социально-психологической поддержки семьи.

Необходимость психосоциальной работы с семьёй ребёнка с отклонениями не требует особых подтверждений. Ключевые причины данной необходимости:

– очень близкая и мощная эмоциональная взаимосвязь с родителями, в особенности с матерью;

– почти все заболевания (психосоматические, неврозы, синдром дефицита внимания (СДВ), определённые разновидности задержки психического развития (ЗПР), патохарактерологическое развитие) в большей степени обусловлены специфическими детско-родительскими взаимоотношениями [1].

Для семьи, воспитывающей ребёнка с ограниченными возможностями здоровья, становится необходимой психологическая помощь всех членов семьи, в главную очередь – матери ребёнка. Сущность психологической реабилитации состоит в том, чтобы подействовать семье в получении адекватного психологического и социокультурного положения [2].

Развитие ребёнка с ОВЗ в большинстве зависит от участия родителей в его физическом и нравственном становлении, правильности выбора воспитательных воздействий, ни в коей мере нельзя исключать решающего влияния семьи в формировании личности ребёнка с отклонениями, в чём особенная значимость принадлежит матери.

На основе наблюдения за поведением матерей, бесед с ними, их отношения к ограниченными возможностями здоровья ребёнка, формируется проект помощи матерям. Специалисты реабилитационного центра повышают самооценку матерей с пассивной личностной позицией, выслушивают и поддерживают мам с повышенной тревожностью. Родители обязаны понимать и знать о специфике их ребёнка, о его развитии и способах обучения и воспитания.

Объединение групп родителей, способствующих оказанию специализированной помощи		Формирование реабилитационной программы	
Определение методик диагностики состояния всех членов семьи	Компоненты психологической реабилитации		Организации групп взаимоподдержки родителей
Эпизодическое патронирование семей после проведенных мероприятий		Организация и проведение мероприятий по реабилитации	

Главными направлениями психосоциальной работы с семьёй ребенка с ОВЗ являются:

- диагностическая деятельность в отношении семьи как единого целого (социальный статус, взаимоотношения в семье, родительское отношение к ребёнку, стиль воспитания); личностный анализ особенностей родителей;
- планирование корректирующей работы; составление индивидуального плана работы по каждой семье; деятельность по формированию групп взаимопомощи;
- проведение как индивидуальной, так и групповой работы; консультирование по проблемному ориентированию (выявление и решение текущих проблем);
- сопровождение семьи в постреабилитационный период [3].

Поддержка и помощь детям с ограниченными возможностями заключается также и в оказании поддержки их родителям. Подобная поддержка должна влиять на развитие у них уверенности, обеспечение их реальных потребностей, социальное принятие, оценку и развитие саморегуляции. Утратившие уверенность в себе родители не могут грамотно организовать процедуру обучения в результате растерянности, разочарования, дезориентации в расстановке ценностей и слабой морально-психологической помощи со стороны медицинского персонала, психологов и социальных служб.

Цель работы с родителями – ознакомление с индивидуальными и возрастными особенностями формирования интеллектуально недоразвитого ребёнка, воздействием ошибочной родительской позиции во взаимоотношениях с детьми. Реабилитационный процесс работы с семьёй содержит три блока: просветительский, консультативный и собственно коррекционную работу.

Основной задачей просветительского блока коррекционной работы с семьёй является ознакомление с основными закономерностями формирования и развития ребёнка, с фактами и причинами, обусловившими нарушение онтогенеза. Консультативный блок представлен индивидуальной формой работы с семьёй. Организация консультаций для родителей должна подействовать в нахождении ответов на имеющиеся вопросы, приобретение рекомендаций по построению благоприятных отношений. Персональные консультации могут осуществлять психологи, медицинские работники и педагоги. Собственно, коррекционная деятельность ориентирована на создание в семье оптимальных и подходящих условий для развития ребёнка, может применяться: семейная психотерапия, игровые сеансы для родителей и детей, организация групп взаимоподдержки для родителей и проведение совместных вечеров (дел) родителей с детьми [4].

В связи с задачей по обеспечению комплексной реабилитации детей можно обозначить психолого-педагогическую, социально-правовую, социально-медицинскую работу. В основу психолого-педагогической работы входят: исследование общего уровня развития психики и навыков ребёнка, составление и корректировка индивидуального комплексного плана реабилитации, организация и осуществление деятельности в области логопедии, учебы и труда, а также ориентации в социально-бытовых вещах.

В работе с родителями таких детей существуют следующие формы: рациональная психотерапия – соцработник, в меру своей осведомленности и компетентности, рекомендующий родителям ту или иную модель поведения, психотерапевтическая помощь родителям детей с ограниченными возможностями здоровья, а также группы, способствующие повышению эффективности для родителей.

В заключении можно сделать вывод о том, что семья является первичной средой развития ребёнка, поэтому, когда в семье рождается ребёнок с ограниченными возможностями здо-

ровья, они должны быть психологически подготовлены. Главными тенденциями психосоциальной работы являются помощь в обретении семьей прежнего социально-психологического и социокультурного статуса, преодоление эмоционального стресса. В результате всех процессов родители учатся не стесняться своего ребенка, воспринимать таким, какой есть. Объединение и общая цель содействуют личностному росту и развитию не только детей с ограниченными способностями, но и их родителей и даже специалистов. Только совместные и терпеливые старания абсолютно всех участников воспитательного и образовательного процесса, базирующиеся на доверии и взаимопомощи способны предоставить позитивные результаты.

Литература:

1. Козлов В.В. Психосоциальная работа с семьей. – URL : <http://www.zi-kozlov.ru/articles/1136-psychosocialwork> (дата обращения 20.09.2022).
2. Болдина М.А. Технологии социальной работы с детьми-инвалидами / М.А. Болдина, Е.В. Деева // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11. – 18 с.
3. Ялпаева Н.В. Социально-психологическая работа с семьями детей с ограниченными возможностями. – М. : Эксмо, 2012. – 217 с.
4. Вилкова Н.В. Социальная работа с детьми-инвалидами. – URL : <http://do.teleclinica.ru/184523> (дата обращения 21.09.2022).

Literature:

1. Kozlov V.V. Psychosocial work with the family. – URL : <http://www.zi-kozlov.ru/articles/1136-psychosocialwork> (date of application 20.09.2022).
2. Boldina M.A. Technologies of social work with disabled children / M.A. Baldina, E.V. Deeva // Socio-economic phenomena and processes. – 2013. – № 11. – 18 с.
3. Yalpaeva N.V. Socio-psychological work with families of children with disabilities. – M. : Eksmo, 2012. – 217 с.
4. Vilкова N.V. Social work with disabled children. – URL : <http://do.teleclinica.ru/184523> (date of application 09/21/2022).

УДК 378.17
DOI 10.34853/NZ.2023.75.56.001

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

●●●●●

**TRANSFORMATION OF THE HUMAN HEALTH IDEA
IN THE CONTEXT OF NEW ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS**

Воробьева Светлана Александровна

доктор философских наук,
доцент,
заведующая кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин,
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет
Минздрава России
svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

Svetlana A. Vorobieva

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Head of Department Social
and Humanitarian Disciplines,
Saint Petersburg State Chemical
and Pharmaceutical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

Завершинская Наталья Александровна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический
университет Минздрава России
Nataliya.Zavershinskaya@pharminnotech.com

Nataliya A. Zavershinskaia

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Social
and Humanitarian Disciplines,
Saint Petersburg State Chemical
and Pharmaceutical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
Nataliya.Zavershinskaya@pharminnotech.com

Пучкова Ирина Сергеевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет
Минздрава России
socialsci.dept@pharminnotech.com

Irina S. Puchkova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Social
and Humanitarian Disciplines,
St. Petersburg State Chemical
and Pharmaceutical University
of the Ministry of Health of Russia
socialsci.dept@pharminnotech.com

Черных Татьяна Федоровна

доктор фармацевтических наук,
профессор,
заведующая кафедрой микробиологии,
Санкт-Петербургский
государственный
химико-фармацевтический университет
Минздрава России
tatiana.odegova@pharminnotech.com

Tatiana F. Chernykh

Doctor of Pharmaceutical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Microbiology,
St. Petersburg State Chemical
and Pharmaceutical University
Ministry of Health of Russia
tatiana.odegova@pharminnotech.com

Аннотация.

В статье раскрывается значимость формирования в современном мире нового экологического сознания и новых подходов к здоровьесбережению в условиях неконтролируемого развития техногенной цивилизации. авторы обращают

внимание на вклад И. Канта, А. Швейцера, М.М. Бахтина, М. Бубера, русских космистов в осмысление императивов современной модели отношений человек-общество-природа. На основе новых экофилософских подходов раскрывается специфика переосмысления современными исследователями феномена здоровья человека и здорового образа жизни, подчёркивается идея о том, что феномен здоровья является не только исключительно медицинской проблемой, но и важным аспектом гуманитарного знания. Акцентирование авторами идеи человекообразности здоровья означает учет комплекса природных, экологических и социокультурных основ здоровья и здорового образа жизни человека. В этой связи рассматривается формирование культуры здорового образа жизни студентов Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, роли культуры здоровья для жизненной перспективы и профессиональной карьеры будущих специалистов.

Ключевые слова:

экофилософия, экологическое сознание, инвайронментальная парадигма, биоразнообразие, экологизация жизни человека, человекообразность здоровья, здоровьесотворение, культура здоровья.

Annotation.

The article reveals the importance of a new ecological consciousness's formation in the contemporary world and new health-saving approaches under the uncontrolled development of technogenic civilization. The authors pay attention to the contribution of Kant, Schweitzer, Bakhtin, Buber, and Russian cosmologists for understanding the imperatives of the contemporary model concerning the man-society-nature relation. Based on new eco-philosophical approaches, the phenomenon of human health and a healthy lifestyle by contemporary scholars is reworked with an emphasis on health as not only a medical problem but also an important aspect of humanities. Relying on the idea of the human dimension of health means taking into account natural, ecological and socio-cultural foundations of health and a healthy lifestyle. In this regard, the article considers the formation of a healthy lifestyle culture for students of St. Petersburg Chemical and Pharmaceutical University and the role of health culture in the life prospects and professional careers of future specialists.

Keywords:

eco-philosophy, ecological consciousness, environmental paradigm, biodiversity, ecologization of human life, the human dimension of health, health creation, health culture.

Современный мир находится в процессе глобальной трансформации, вызванной исчерпанностью существующих моделей мироустройства, господствующих идеологических систем, нравственных императивов. Проблематизируются казавшиеся совсем недавно безусловными принципы антропоцентризма, техницизма, утилитаризма, традиционные принципы здоровьесохранения, взаимоотношений между человеком и окружающей средой и т.д.

Мировоззренческий переворот, переживаемый современным человечеством, обусловлен осознанием последствий неконтролируемого развития техногенной цивилизации, характеризующейся грандиозным переходом к «постбиосферной» форме жизни, трансформацией природных основ человека. На фоне обостряющихся угроз деформации и исчезновения прежних биосферных форм жизни, биоприроды и природы биосферного человека (физической, психической, генетической, нравственной, социальной, поведенческой) [1, с. 181–182] приходит понимание необходимости формирования нового экологического сознания и новых подходов к здоровьесбережению.

Цель статьи состоит в исследовании особенностей современной модели экологического сознания и раскрытии актуальных экофилософских подходов к пониманию феномена здоровья человека и здорового образа жизни.

Философским исследованием представлений, идей, моральных норм и нравственного поведения в области отношений человек-общество-природа занимается экофилософия, направленная на осмысление сущности экологического сознания, императивов экологической этики, на понимание особенностей формирования экологической культуры.

Экологическое сознание – осознание диалектической связи человека и природы, ответственности человека за сохранение гармонии взаимодействия в системе человек-общество-природа. Тип экологического сознания диктует соответствующее поведение человека по отношению к природе. Антропоцентристское сознание, возникшее в начале XVII века в английском эмпиризме (Ф. Бэкон), основано на парадигме человеческой исключительности (Human Exemtionalism). Эта парадигма утверждает человека в качестве высшей ценности, человек –

вершина мировой иерархии. Природа объявляется собственностью человека, на которую он имеет право и может использовать в соответствии с собственными прагматическими потребностями. Объекты природы существуют исключительно для благополучия человека. Таким образом, этот тип сознания противопоставляет мир человека и мир природы. Его основными императивами являются:

- признание доминирования человека над остальными существами;
- определение деятельности человека не биофизическими, а исключительно социальными и культурными факторами;
- распространение этических норм и ценностей на мир человека, но не на мир взаимоотношений человека и природы;
- уверенность в бесконечности технологического и социального прогресса и принципиальной разрешимости экологических проблем.

Устойчивость этого типа сознания связана с нежеланием человека выходить из «зоны комфорта» и разрушать собственный «благополучный» образ мира.

В современных условиях необходима новая модель экологического сознания. Ее основы восходят к практической философии И. Канта, к его концепции принятия интересов другого как равноправного субъекта. Эту же идею развивает М.М. Бахтин, утверждая, что точки зрения участно-диалогической установки применимы в принципе к любому феномену; к любой значимости можно и по возможности нужно подходить как к самоценности, внутренней ценности, как к Ты [2, с. 73]. Подобное отношение М. Бубер описывает следующим образом: «Дерево ... предстоит мне телесно и имеет отношение ко мне, так же, как и я к нему – только иным образом. Не тщишь же выхолостить смысл отношения: отношение есть взаимность» [3, с. 19]. А. Швейцер также настаивает на значимости нравственного принципа, требующего «выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой» [4, с. 218]. Новое экологическое сознание, инкорпорировав идеи И. Канта, А. Швейцера, М.М. Бахтина, М. Бубера и др., провозглашает такое отношение ко всем живым организмам и экосистемам. Оно предполагает экологизацию всех сфер жизни человека, культуры, этики, сознания и т.д.

Следует отметить также вклад русского космизма, представители которого в лице Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского и других обосновали идею активной эволюции мира, направляемой творческой деятельностью человека. Разум и нравственность человека являются гарантами сознательного и духовного управления природой. В.И. Вернадский сравнивал сферу разума человека с «геологической силой», способной изменить биосферу: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни...» [5]. Сегодня идеи отечественных и зарубежных философов актуализируются в размышлениях об экологическом сознании современного человека, в переосмыслении его отношения к своим природным основам и образу жизни.

Современное экоцентристское сознание основано на инвайронментальной парадигме (New Environmental Paradigm). В соответствии с этой моделью природа рассматривается как полноправный субъект взаимодействия с обществом, поскольку человек, общество, природа представляют собой единую глобальную взаимосвязанную экологическую систему. Формируется экологическая этика, включающая новые принципы взаимоотношений человека с окружающей средой. Речь идет о необходимости осуществления таких принципов, как:

- уважение ко всем формам жизни и понимание того, что природные ресурсы – общее достояние любой формы жизни;
- признание внутренней ценности (ценности, независимой от практической пользы для человека) всех живых существ;
- биоразнообразия – сохранения многообразия индивидов, видов и экосистем;
- устойчивости – сохранения биосферы, в том числе и как природной основы человека;
- предосторожности – отказа от действий, которые могут привести к морально недопустимому ущербу, даже если не существует научной определенности по этому поводу;
- экологической справедливости – равномерного распределения экологических благ и рисков;
- экологической ответственности – человек должен отвечать не только за своих близких, но и за будущие поколения, сохранение природы и благополучие жителей бедных стран [6, с. 105].

Экофилософский поворот в понимании ценности любой формы жизни ориентирует не только на сохранение природы, но и на сохранение природных основ человека, его природного и социального здоровья. Сегодня очевидно, что «нарушение вековой гармонии природного и соци-

ального, недооценка природного в человеке, как и в целом природного в мире, поставила на край гибели *homo sapiens*» [1, с. 188].

Современный человек сталкивается с многообразными негативными факторами влияния современной техногенной цивилизации на его здоровье и окружающую среду. Степень остроты экологических проблем в России можно оценить на основе мнений населения России в 2020 году по поводу условий проживания в городах-миллионниках: 45,8 % опрошенных в возрасте 15 лет и более указали на загрязненность окружающей среды в городах (ср.: в 2016 таких было 45,7 %), на общую неблагоустроенность, недостаточность озеленения – 38,5 %, Но и в городах с населением менее 1 млн человек также, по мнению жителей, достаточно высока загрязненность окружающей среды (39,7 %) [7, с. 36]. В этой связи закономерно то, что человечество атакуют «болезни цивилизации»: сердечно-сосудистые, онкологические, аллергические, психические, генетические, СПИД, СПИН и т.п.

По данным российских опросов населения сегодня лидирующими факторами плохого здоровья являются стрессы, загрязнение атмосферного воздуха, плохое качество воды (более 45 %), образ жизни. В то же время среди респондентов все чаще упоминается влияние на здоровье таких факторов, как «воспитание культуры самосохранения и здорового образа жизни», «отношение человека к окружающей среде», «валеологические и медико-гигиенические знания» и т.п.

Если раньше на здоровье и смертность человека влияли, прежде всего, экзогенные факторы, то в настоящее время «здоровье человека во все большей степени начинает пониматься как то, что определяется, прежде всего, изнутри, т.е. эндогенно» [1, с. 67]. В то же время на уровне отдельного индивида осуществляется также контроль экзогенных факторов. Это значит, что перемены, происходящие в мировоззрении современного человека, ориентируют на изменение самой идеи здоровья в его сознании. Именно поэтому все чаще исследователи здоровья *переходит в контекст гуманитарного знания, переставая быть проблемой исключительно медицинского характера*. По данным Всемирной организации здравоохранения, в общем объеме факторов, влияющих на здоровье человека, только 10–15 % приходится на долю здравоохранения, сюда входит своевременность медицинской помощи, эффективность профилактических мероприятий, качество медицинской помощи [8, с. 5].

Характеризуя эпидемиологический переход, исследователи разбивают его на несколько стадий. Если на ранних стадиях основные усилия системы здравоохранения были направлены на предупреждение инфицирования населения бактериями холеры, чумы, сыпного тифа, вирусом оспы, потом желудочно-кишечными и детскими инфекциями, микобактериями туберкулеза, то на поздних стадиях в связи с обострением экологических проблем, возрастанием стрессовых нагрузок в результате резкого ускорения научно-технического прогресса на снижение роста сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Наконец, для современной стадии приоритетными направлениями деятельности по охране здоровья населения, становится усиление контроля над факторами защиты среды обитания, оздоровление условий труда, пропаганда здорового образа жизни и пр. [1, с. 65–66].

В настоящее время главные перемены в отношении к здоровью в сознании человека связаны с пониманием того, что структура здорового образа жизни составляет принципиальное единство всех сторон бытового, материального, природного, социально-культурного и духовного бытия человека [9, с. 40]. У современного человека формируется осознание нравственной ответственности за сохранение своего здоровья, понимание «человекоразмерности здоровья» [1, с. 96]. Серьезным стимулом к формированию здорового образа жизни, его содержания и особенностей становится культура здоровья: уровень личностной мотивации на ведение здорового образа жизни, жизненные ориентиры, система ценностей, умение построить индивидуальную траекторию здорового образа жизни.

Отношение к здоровью и здоровьесбережение являются важными компонентами общей и профессиональной культуры будущих специалистов. Обучение здоровьесбережению, как направление деятельности образовательной организации, наряду с общепедагогическими приемами и методами, обеспечивающими образовательный процесс, должно включать специфические подходы, методы и методики, ориентированные на высокий уровень информированности о здоровье, формирование ценности здоровья, мотивации здоровьесберегающего поведения, практических навыков сохранения здоровья [10, с. 103]. Анкетирование по проблеме «Отношение студентов к формированию здорового образа жизни», проведенное в 2022 году среди студентов Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета (СПХФУ) с 1 по 3 курс, показал информированность респондентов обо всех составляющих здорового образа жизни:

а) физический уровень («правильный режим дня» – 22,3 %; «отказ от вредных привычек» – 17,5 %; «здоровое питание» – 15,5 %; «занятия спортом и физкультурой» – 20,4 %; «регулярное посещение врача с целью профилактики» – 26,7 %);

б) психический уровень («умение справляться с эмоциями и гармония с собой» – 29,1 %);

в) социальный уровень («широкий круг интересов, богатая духовная жизнь и наличие хобби» – 21,4 %; «интерес к информации об оздоровлении» – 7,8 %) [11]. При этом большинство студентов ответили, что придерживаются здорового образа жизни (однозначно придерживаются 16,5 %, «стараются по мере возможности» – 70,9 %, нет – 12,6 %), оценивают правильность своего образа жизни (часто и время от времени – соответственно 37,9 % и 39,8 %, редко – 22,3 %). Однако на поведенческом уровне не всегда поступки и действия студентов СПХФУ соответствуют требованиям здорового образа жизни. Так, по ответам респондентов, питаются правильно и стараются это делать – соответственно 32 %, 56,3 %, питаются неправильно – 11,7 %; режим сна соблюдают 24,3 %, время от времени – 56,3 %, 19,4 % не соблюдают режим сна; имеют вредные привычки почти половина респондентов – 47,6 %, треть из которых (34 %) не желают от них избавляться, а 69,8 % студентов, имеющих вредные привычки, уверены, что вредные привычки не влияют на их физическое и психическое состояние. На факт вредных привычек в студенческой среде обращают внимание и другие исследователи [8; 12;13].

Подавляющее большинство студентов СПХФУ полагают, что не окружающая среда оказывает прямое воздействие на здоровье и болезни человека, а деятельность и отношение человека к ней (47,9 % респондентов отмечают очень значительное влияние и 37 % – значительное). Значимость ведения здорового образа жизни для жизненной перспективы и успешности карьеры отметили соответственно 86,3 % и 74 % студентов.

Отношение к здоровью и здоровьесохранению являются важными компонентами общей и профессиональной культуры студентов СПХФУ. В представлениях студентов о здоровом образе жизни включаются составляющие физического, психического, социального, экологического уровней. Однако, результаты опроса свидетельствуют о противоречии между декларируемыми ценностями и реальными поведенческими стратегиями. В силу своей молодости студенты легкомысленно относятся к своему онтогенетическому богатству и не ощущают в полной мере нравственную ответственность за собственное здоровье и здоровье близких. Оптимизировать процесс формирования самосохранительного сознания и поведения студенческой молодежи призвана вузовская система воспитания [11].

Поскольку сохранение здоровья проблема не только медицинская, но и гуманитарная, постольку гуманитарные дисциплины призваны внести свой вклад в формирование культуры здоровья студенческой молодежи. Особое значение в этом плане приобретает изучение философии, ведь именно на основе философской рефлексии зародились представления о здоровье человека и в дальнейшем развивались, взаимодействуя с философскими учениями. Для культурно-исторического становления и развития медицины принципиально важную роль сыграли философские воззрения Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, других античных мыслителей. Благодаря философам эпохи Возрождения и Нового времени (Т. Мор, М. Монтень, Ф. Бэкон, Р. Декарт и др.) оформилась идея здоровья как индивидуальной ценности, здоровье приобрело рационалистический смысл как мудрости и знания. Заслуга немецкой классической философии (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др.) связана с введением в философию и науку термина «сознание» и с исследованием познавательных процессов, ставших основой многих концепций психологии и психиатрии, с представлением о связи здоровья и нравственности, о нравственном здоровье как необходимом условии человеческого счастья, с раскрытием диалектических связей в единой триаде здоровье, творчество, смерть [14]. В философских концепциях Новейшего времени получила обоснование идея здоровья как соответствия задачам жизни, по сути, как способность к реализации (Ф. Ницше), идея социального здоровья и нездоровья (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и Ф. Гваттари) [14]. Философия жизни, позитивизм, психоанализ, экзистенциализм, русская философия и другие современные философские учения способны оказать существенное влияние на формирование взглядов студенческой молодежи о здоровье и здоровом образе жизни во всей полноте смыслов этих фундаментальных для человека феноменов.

Заключение

Во-первых, сохранение природных основ человека и здоровый образ жизни – это мера цивилизованности и человечности как человека, так и общества. Полнота ответственности человека за свое здоровье и жизнь сопряжена с уважением ко всем формам жизни и окружающей среде, с развитым экологическим сознанием и культурой здоровья, готовностью следовать их императивам.

Во-вторых, идея здоровья в мировоззрении современного человека осознается в контексте гуманитарного знания, переставая быть проблемой исключительно медицинского характера.

В-третьих, отвечая на запрос времени, преподавание гуманитарных дисциплин способно внести свой вклад в формирование самосохранительного сознания и поведения студенческой молодежи.

Литература:

1. Философия здоровья / Редкол.: О.Е. Баксанский [и др.]. – М. : ИФ РАН, 2001. – 242 с.
2. Манаков Д.А. Проблема оснований экологической этики / Д.А. Манаков, Т.Б. Невзоров // Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 71–76.
3. Бубер М. Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 462 с.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
5. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский; Отв. ред. А.Л. Яншин // Научная мысль как планетное явление. – М. : Наука, 1991. – URL : <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html> (дата обращения 03.01.2023).
6. Спринчан С. Экологическая этика как форма интеграции естественно-научного и гуманитарного знания / С. Спринчан, А.А. Сычев // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19. – № 3. – С. 100–107.
7. Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень. – М., 2021. – URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2021.pdf (дата обращения 05.01.2023).
8. Современное состояние и проблемы здоровья студенческой молодежи / И.Б. Меерманова [и др.] // Медицина и экология. – 2019. – № 2. – С. 5–11.
9. Плещев А.М. Главные составляющие здорового образа жизни / А.М. Плещев // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3(39). – С. 39–43.
10. Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. – Вып. 5 / ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра социальной психологии и гуманитарных наук. – Иркутск : ИГМУ, 2019. – 151 с.
11. Оздоровительные технологии физической культуры в вузе / С.А. Воробьева [и др.] // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 5-2. – С. 280–286.
12. Меерманова И.Б. Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях / И.Б. Меерманова, Ш.С. Койгельдинова, С.А. Ибраев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 2. – С. 193–197. – URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (дата обращения 27.01.2023).
13. Лопатина Р.Ф. Здоровье студентов вуза как актуальная проблема / Р.Ф. Лопатина, Н.А. Лопатин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1. – С. 135–140.
14. Философия здоровья : монография / В.В. Афанасьева [и др.]; Под общ. ред. В.В. Афанасьевой; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2012. – 174 с. – URL : <https://proza.ru/2013/12/31/586> (дата обращения 26.02.2023).

Literature:

1. Philosophy of health / Ed.: O. E. Baksansky [et al.]. – M. : IF RAN, 2001. – 242 p.
2. Manakov D.A. The problem of the foundations of environmental ethics / D.A. Manakov, T.B. Nevzorov // Bulletin of the KemGU. Series: Humanities and social sciences. – 2017. – № 1. – P. 71–76.
3. Buber M. Two types of faith. – M. : Respublika, 1995. – 462 p.
4. Schweitzer A. Reverence for life. – M. : Progress, 1992. – 576 p.
5. Vernadsky V.I. A few words about the noosphere / V.I. Vernadsky; Ed. A.L. Yanshin. Scientific thought as a planetary phenomenon. – M. : Nauka, 1991. – URL : <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html> (date of application 01/03/2023).
6. Sprinchan S. Environmental ethics as a form of integration of natural science and humanitarian knowledge / S. Sprinchan, A.A. Sychev // Education Integration. – 2015. – Vol. 19. – № 3. – P. 100–107.
7. Key indicators of environmental protection. Statistical bulletin. – M., 2021. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2021.pdf (date of application 01/05/2023).
8. Current state and health problems of student youth / I.B. Meermanova [et al.]. // Medicine and Ecology. – 2019. – № 2. – P. 5–11.
9. Pleshchev A.M. The main components of a healthy lifestyle / A.M. Pleshchev // Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University. – 2018. – № 3(39). – P. 39–43.

10. Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. – Issue 5. FGBOU VO IGMU of the Ministry of Health of Russia, Department of Social Psychology and Humanities. – Irkutsk : IGMU, 2019. – 151 p.
11. Improving technologies of physical culture at the university / S.A. Vorobieva [et al.] // Modern high technologies. – 2022. – № 5-2. – P. 280–286.
12. Meermanova I.B. The state of health of students studying in higher educational institutions / I.B. Meermanova, Sh.S. Koigeldinova, S.A. Ibraev // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2017. – № 2. – P. 193–197. – URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11244> (date of application 01/27/2023).
13. Lopatina R.F. Health of university students as an actual problem / R.F. Lopatina, N.A. Lopatin // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. – 2017. – № 1. – P. 135–140.
14. Philosophy of health : monograph / VV Afanasiev [et al.]; Under total ed. V.V. Afanasyeva; Saratov state. un-t im. N. G. Chernyshevsky. – Saratov : Publishing House of Saratov University, 2012. 174 p. – URL : <https://proza.ru/2013/12/31/586> (date of application 02/26/2023).

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОРПОРАТИВНУЮ КУЛЬТУРУ В РОССИИ

PECULIARITIES OF THE INFLUENCE OF NATIONAL CULTURE ON CORPORATE CULTURE IN RUSSIA

Евченко Ольга Сергеевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
история и философия,
Тольяттинский
государственный университет
evchenko75@mail.ru

Olga S. Evchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Togliatti State University
evchenko75@mail.ru

Аннотация. Исследования неоднократно показывали, что национальные культурные системы, а также культура отдельных членов организации во многих отношениях сильно влияют на корпоративную культуру. Национальные культуры влияют также на функции управления, такие как коммуникация, мотивация, организация работы, ожидания людей от режима работы и системы вознаграждения. Таким образом, организации могут быть похожими, с точки зрения в объективных измерениях, например, по планированию работы или продукту деятельности, но очень разными по значениям, которые формируются предпочтениями руководителей или сотрудников. Автор работы показывает, что национальная культура влияет на принятие управленческих решений, стили лидерства и практику управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова:

организационная культура, национальная культура, организация, корпорация, кросскультурные исследования.

Annotation. Research has repeatedly shown that national cultural systems, as well as the culture of individual members of an organization, strongly influence corporate culture in many ways. National cultures also influence managerial functions such as communication, motivation, organization of work, people's expectations of the mode of work and reward systems. Thus, organizations can be similar in terms of objective dimensions, such as work planning or activity product, but very different in terms of values, which are shaped by the preferences of managers or employees. The author of the work shows that national culture influences managerial decision-making, leadership styles and human resource management practices.

Keywords: organizational culture, national culture, organization, corporation, cross-cultural studies.

Понятие «культура» имеет несколько значений: возникнув в латинском языке, буквально оно означало «возделывание почвы, культивирование». Однако в последнее время все чаще используется метафорическое значение понятия культура, заимствованное из философской антропологии, «коллективные способы действия, мышления и чувств». Культура в данном смысле – это «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы людей от других» [8]. Рассматривая национальную культуру, в качестве ее основополагающей категории выделяют нацию. При анализе организационных культур опираются на такую категорию, как организация. Отметим, что понятие «культура» в словосочетаниях «организационная культура» и «национальная культура» имеют разное социальное содержание. Так как, например, членом коллектива человек становится добровольно, участие в делах организации зависит от выполнения индивидом определенных функций. Принадлежность человека к нации во многом определяется условиями его воспитания и формирования его идентичности.

Национальные культуры различаются в основном на уровне ценностей, усвоенных человеком в детстве, поэтому они достаточно стабильны. Различия организационных культур про-

являются на уровне сформированных элементов, например, символов, героев или ритуалов. Таким образом, различия национальных культур коренятся в ценностях. Организационные культуры формируются на основе практик, усвоенных на рабочем месте, и они могут меняться гораздо быстрее.

Имеется несколько исследований, посвященных изучению влияния национальных культур на деятельность организаций. С 1980-х годов «культура» становится главной заботой руководства крупных корпораций. Большинство исследователей считают, что начало исследованиям национальной культуры в менеджменте было положено в тот момент, когда японские компании начали превосходить по уровню развития технологий и прибыли американские, и японскую культуру или японский менеджмент стали рассматривать как основной «рецепт» их успеха. В 1982 году профессором Гарварда МакКинси [2] в научный обиход была введена концепция корпоративной культуры, для анализа финансового успеха американских компаний. В современной науке существуют различные трактовки феномена корпоративной культуры.

Для данной работы наибольший интерес составляют исследования, выделяющие национальные особенности менталитета и характера в качестве культурной основы корпоративной культуры. Так, появляются описания национальных типов управления, на основе которых сложно представить особенности корпоративной культуры в той или иной стране.

Наибольшее распространение в изучении влияния национальных особенностей культуры на формирование корпоративной культуры получил подход, разработанный Гиртом Хофстеде. В основе его концепции лежит крупный исследовательский проект по изучению особенностей национальных культур. Исследование проводилось в 64 странах, в подразделениях многонациональной корпорации (IBM) [2]. Результатом исследования Хофстеде стали две научные работы («Последствия культуры» [8]) и «Измерения национальных культур в пятидесяти странах и трех регионах» [5]), а также, так называемые, «измерения Хофстеда» – набор структур, понятий и представлений, отношение к которым носит ярко выраженную культурную окраску и, в свой черед, формирует особенности корпоративной культуры как элемента культуры национальной.

Первый элемент культурной изменчивости, который выделяет ученый, получила название «дистанция власти». Это изменение понимается как степень неравенства между людьми, которая считается допустимой в данной конкретной стране. При этом низкая степень дистанции власти характеризуется относительным равенством в обществе, а высокая – наоборот. Например, в национальной культуре с высокой дистанцией власти организации чаще всего имеют бюрократическую, централизованную организационную структуру, где ожидается, что подчиненные будут выполнять указания вышестоящего руководителя, тогда как в национальной культуре с низкой дистанцией власти организации отличаются гибкостью, имеют более подвижную организационную структуру, поощряется участие сотрудников в управлении и принятии решений.

Вторым элементом в системе Хофстеде является «индивидуализм», или степень, с которой люди в той или иной национальной культуре предпочитают принимать решения и действовать самостоятельно, а не как члены коллектива. Высокая степень этого элемента указывает на то, что человек, находясь в условиях свободных социальных и экономических связей в обществе, сам заботится о себе и своих близких, равно как несет ответственность за все свои действия. Этот же элемент характеризуется как коллективизм, поскольку в коллективистских обществах людям с детства прививают уважение к группам, к которым они принадлежат. Например, организации, работающие в условиях высокой контекстуальной коллективной культуры, ожидают, что корпоративные нормы и правила будут безусловно соблюдаться, в таких случаях мотивация индивидуального поведения вряд ли окажет положительный эффект.

В культуре дистанцирования от власти, где организации сильно забюрократизированы, мотивация сотрудников гораздо ниже с точки зрения удовлетворенности работой. Высокий индивидуализм указывает на то, что выполнение корпоративной задачи является важным, так как инициативы работников поощряются, в то время как низкий индивидуализм на первый план выносит взаимосвязи в коллективе, а не выполнение задачи.

Континуумы «мужественность» и «женственность» в исследовании Хофстеде отражают отношение общества к самостоятельности, успеху, конкуренции. Данные характеристики в большей степени ассоциируются с ролью мужчины в обществе. Они отличаются от преимущественно «женских» ценностей: желание комфорта, солидарность. Общества с жестким социальным разделением ролей между полами названы Хофстеде «мужественными», а общества со слабым разделением ролей – «женственными». Стоит отметить, что для национальных культур с высокой маскулинностью характерна гендерная дискриминация, в связи с этим гораздо меньшее число женщин занимает высокие должности. В то время как в культурах с низкой маскулинностью дискриминация по признаку пола уменьшается, женщины имеют возможность занимать высокие должности.

В «измерениях Хофстеде» четвертый элемент получил название «стремление избежать неопределенности». Это измерение показывает, в каких ситуациях люди готовы отдавать предпочтение: рискованным неопределенным изменениям или ситуациям с ясными и четкими планами и правилами. В национальных культурах, для которых характерна низкая степень стремления избегать неопределенности коллектив работает более спокойно и систематично. В странах «с высокой степенью стремления избегать неопределенности люди имеют склонность проявлять лихорадочность в работе» [2].

И последний, пятый, элемент «измерений Хофстеде» – это «долгосрочная или краткосрочная ориентация» в поведении членов общества. В условиях культуры избегания высокой неопределенности организации неохотно идут на риск и стандартизируют свою работу, в то время как в культуре избегания низкой неопределенности организации поощряют сотрудников к инновациям, творчеству и принятию риска, применяя меньше правил и законов.

Хофстеде не проводил исследования в Советском Союзе, так как подразделений корпорации IBM в этой стране не существовало. В современной России проводилось несколько исследований по методике, предложенной Г. Хофстеде, последнее было закончено в 2003 году. Оказалось, что по модели трудовых отношений наша страна близка вовсе не к Востоку, а к западноевропейским странам, например, таким, как Германия, Израиль и Финляндия. Данный вывод подтверждается кросскультурным анализом особенностей российской организационной культуры, который был проведен отечественными исследователями под руководством С.П. Мясоедова. Деловая культура России оценивается по нескольким параметрам, таким как: «цель – личность», «низкий контекст – высокий контекст», «индивидуализм – коллективизм», «мужественность – женственность», «достижения – статус», «универсальность – конкретность», «низкое избегание неопределенности – высокое», «низкая дистанция власти – высокая». Остановимся подробнее на нескольких, наиболее интересных результатах.

По оценке части исследователей, ценностный признак «индивидуализм – коллективизм» отличает «западные культуры» от «восточных культур». При этом «индивидуализм» наиболее характерен для культур так называемого «западного» типа, ценностные параметры «коллективизма» присущи «восточным» культурам. По данным исследования, проведенного группой под руководством С.П. Мясоедова, данный ценностный параметр российской организационной культуры варьируется в пределах 50–60 %. Русский социолог А.И. Пригожин считает, что как для российской организационной культуры, так и для западной характерен «коллективизм» только в разной форме. Но в отечественной культуре он проявляется в форме корпоративизма. Пригожин пишет: «Мы имеем дело не столько с различием между индивидуализмом и коллективизмом, сколько между коллективизмом как средством мобилизации человеческих ресурсов организации через систему участия, с одной стороны, и коллективизмом как средством социального контроля над персоналом – с другой» [6].

Ценностные параметры «мужественность» и «женственность» указывают на разделение социальных ролей, которое является традиционным в той или иной культуре. «Женские» роли связаны, прежде всего, с налаживанием межличностных контактов, главенством духовных ценностей над материальными. А, например, целеустремленность, доминирование материальных факторов в деятельности характерны преимущественно для «мужских» ролей [7; 243, 265].

Анализ ценностных параметров «индивидуализм – коллективизм» и «мужественность – женственность» (65–75 %) российской организационной культуры показывает, что результаты отходят от середины шкалы лишь на несколько процентов. Небольшое движение по ценностной шкале наблюдается в сторону «коллективизма» и «женственности». Таким образом, характерными чертами российской организационной культуры являются, например, ценность дружеских отношений с коллегами в коллективе, взаимопомощь и лояльность к так называемым «своим» и настороженное отношение к «чужим» (так называемые «двойные стандарты») и прочее. Но стоит отметить и позитивные черты проявления таких коллективистских и «женственных» ценностей – они проявляются в кризисных ситуациях, например, когда под угрозой находится существование самой организации.

Количественные значения критериев «индивидуализм – коллективизм» и «мужественность – женственность» показывают, что для отечественной организационной культуры характерны особый тип руководителя – лидер патерналистского толка и специфика в области стимулирования труда – сочетание морального и материального стимулирования [4; 41–48].

Две группы параметров российской организационной культуры в исследовании Мясоедова явно тяготеют к одному из полюсов ценностной шкалы. Это такие параметры, как «избегание неопределенности» и «дистанция власти». Значение параметра «избегание неопределенности», характерное для российской деловой культуры – 83–93 %. Данный критерий определяет, насколько в культуре принято действовать в соответствии с правилами, инструкциями. Высокую

степень избегания неопределенности в организационной культуре связывают с бюрократизацией, формализацией деловых отношений. Критерий «дистанция власти» (83–93 %) показывает, что «для российской деловой культуры характерен высокий уровень дистанции власти, существенные различия в должностной иерархии» [7; 260–263, 287–288].

Отметим, что патерналистский характер управления вместе с высокой дистанцией власти, характерный для российской деловой культуры, затрудняют внедрение и функционирование так называемой «матричной системы управления», когда каждая служба, отдел имеют строго разграниченные функциональные обязанности» [2]. По мнению А.А. Сусоколова, данные параметры затрудняют и управление изменениями в организации, т.к. любые «изменения входят в конфликт со сложившимися правилами и традициями, встречаются настороженно или даже враждебно» [4; 291–292].

Опираясь на анализ ценностных параметров, можно выделить характерные для российской организационной культуры черты:

- в процессе труда сотрудники организаций скорее ориентируются на распоряжения, указания руководства, нежели проявляют инициативу;
- большинство отечественных организаций имеют выраженный иерархический характер;
- в подавляющей части организаций взаимоотношения строятся на патерналистской основе.

Стоит отметить и положительные особенности российской организационной культуры. Несмотря на патернализм в деловых отношениях, российские компании оказываются «достаточно гибкими и адаптивными к внешним условиям, что проявляется, например, в быстрой концентрации ресурсов и переносе их с одного направления на другое в случае необходимости» [7; 290–291]. В период кризисов коллектив российских компаний показывает высокий уровень так называемого «корпоративного братства».

Таким образом, можно сделать вывод, что при планировании сотрудничества с международными корпорациями необходимо учитывать особенности национальной культуры. Они оказывают влияние на структуру моральных ценностей и норм деловой культуры, на принятие решений и поведение людей в организации, на особенности взаимоотношений в коллективе. Как показывает кросскультурный анализ, организационная культура испытывает влияние ценностей национальной культуры, что имеет большое практическое значение при разработке стратегии управления.

Литература:

1. Данилова Е. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда / Е. Данилова, М. Тарарухина // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 3(65).
2. Евченко О.С. Корпоративная этика: основные подходы и проблемы : дис. ... канд. философских наук: 09.00.05.
3. Матяш О.И. «Дистанция власти» и внутриорганизационная коммуникация / О.И. Матяш // Персонал МИКС. – 2005. – № 4–5.
4. Мясоедов С.П. Российская деловая культура: воздействие на модель управления / С.П. Мясоедов, И.В. Колесникова, Л.Г. Борисова. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2010.
5. Наумов А. Хофстидово измерение в России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) / А. Наумов // «Менеджмент». – 1996. – № 3.
6. Пригожин А.И. Деловая культура: сравнительный анализ / А.И. Пригожин // «Социологические исследования». – 1998. – № 5.
7. Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. – М. : SPSL – «Русская панорама», 2006.
8. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in world-related values. – SAGE Publ., 1980.

Literature:

1. Danilova E. Russian production culture in the parameters of G. Hofstede / E. Danilova, M. Tararukhina // Monitoring of public opinion. 2003. № 3(65).
2. Evchenko O.S. Corporate ethics: main approaches and problems : dis. ... cand. of philosophical sciences: 09.00.05.
3. Matyash O.I. «Power distance» and intra-organizational communication / O.I. Matyash // Staff MICS. – 2005. – № 4–5.

4. Myasoedov S.P. Russian business culture: impact on the management model / S.P. Myasoedov, I.V. Kolesnikova, L.G. Borisov. – M. : Publishing House «Delo» ANKh, 2010.
5. Naumov A. Hofstede's dimension in Russia (the impact of national culture on business management) / A. Naumov // «Management». – 1996. – № 3.
6. Prigogine A.I. Business culture: a comparative analysis / A.I. Prigogine // Sociological Research. – 1998. – № 5.
8. Susokolov A.A. Culture and Exchange: An Introduction to Economic Anthropology. – M. : SPSL – «Russian Panorama», 2006.
9. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in world-related values. – SAGE Publ., 1980.

УДК 001
DOI 10.34853/NZ.2023.48.36.001

КОНЦЕПТ ДУША В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

THE CONCEPT OF THE SOUL IN THE RUSSIAN AND CHINESE WORLDVIEWS

Лин Яньюй

бакалавр,
филологический факультет,
Московский педагогический
государственный университет
hjlyy99@qq.com

Lin Yanyu

Bachelor,
Philological Faculty,
Moscow Pedagogical State University
hjlyy99@qq.com

Аннотация. Рассмотрение культурных концептов в сравнительно-сопоставительном аспекте посредством выявления их общих и дифференциальных признаков является перспективным направлением в лингвистических исследованиях. Данная статья направлена на исследование концепта ДУША в русской и китайской языковых картинах мира. Акцентируя внимание на вербализации данного концепта в русском и китайском языках, автор статьи, считая концепт ДУША ключевым фрагментом языковой картины мира, описывает особенности национального менталитета в рамках представлений о душе обоих народов с учетом их национального мышления.

Ключевые слова:

языковая картина мира, концепт, душа, менталитет, национальное сознание.

Annotation.

The review of the cultural concepts in a comparative aspect identifying their common and differential features is a perspective line in linguistic researches. This article is aimed at the study of the concept SOUL in Russian and Chinese language worldviews. Focusing on the verbalization of this concept in the Russian and Chinese languages, the author of the article, considering the concept SOUL to be an important fragment of the language worldview describes the peculiarities of the national mentality and national thinking connected with the representation about the Soul in the culture of both nations.

Keywords:

language worldview, concept, soul, mentality, national thinking

Идея о том, что каждый язык по-своему членит и концептуализирует мир, обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который первым увидел, что язык не сводится ни к логическому мышлению, ни к копированию мира. С момента появления трудов немецкого ученого, опубликованных еще в XIX столетии, на материале самых разных языков было проведено множество исследований, демонстрирующих особенности мировосприятия и национального мышления народов, в результате чего описанию подверглись целые фрагменты языковой картины мира, лежащей в основе мировидения человека и репрезентирующей материальные и духовные свойства мира с точки зрения носителей языка [3, с. 21].

Культурно обусловленная и национально маркированная картина мира состоит из концептов – многомерных смысловых образований, участвующих в конструировании языковой модели мира, возникшей на пересечении национального мировоззрения и фактов языка, в которых отражается культурный путь, проделанный народом на протяжении всей его исторической эволюции.

К наиболее значимым концептам человеческой культуры и ключевым понятием народной ментальности, нашедшим отражение во всех языках, является концепт ДУША.

Душа и ее бессмертие – основа христианско-православного вероучения. Согласно русской ментальности, душа – это орган внутренней жизни человека, то есть всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т.е. всего жизненно важного для данной личности, о чем говорят такие выражения, как вкладывать душу во что-либо, выворачивать душу наизнанку, не чаять души в ком-либо, беречь душу, загубить душу. Русскому человеку душа представляется органом, который, подобно легким, печени, сердцу и др., сидит где-то глубоко внутри тела, но при этом она выполняет особые функции. Душа может *надирать*

ся, болеть, рваться на части, страдать, уходить, умирать, хотя, несмотря на подобную персонификацию, увидеть это орган невооруженным глазом практически невозможно.

Душа в русской языковой картине мира, с одной стороны, материальна, о чем говорят вышеприведенные примеры представления о душе, а с другой – она выступает как субстрат некоей сущности, отождествляемой с личностью самого человека (*как душе угодно, сколько душе угодно*), с его внутренним «Я»; с его сущностью (душа может быть *низкой, высокой, мелкой, нежной, чуткой, благородной*). Последнее позиционирует душу в качестве носителя этического идеала, что русским национальным сознанием ценится выше всех материальных благ. Вспомним русскую поговорку хоть мошна пуста, да душа чиста, а также такие выражения, как *открытость души, полнота души, святость души*, которые предъясняют к этому феномену русской языковой картины мира самые высокие требования, ставшему ценностным ориентиром на пути к идеалу. Поэтому, когда человек сделал что-то полезное и хорошее, говорят, что у него *камень с души свалился*, а в случае нелицеприятных действий и поступков человека, его *душа погружается во тьму*, т.е. отправляется прямоком в ту часть потустороннего мира, которым правит противник рода человеческого – Дьявол. Здесь следует сказать особо, что душа в русской языковой картине мира – это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир: *ад крошечный на душе, брать грех на душу, продать душу дьяволу, отдать Богу душу*.

С позиций христианского вероучения, душа сопровождает человека на всем протяжении его жизненного пути. Душа является вмещителем всех мыслей и чувств человека, которые находятся *в глубине души, в тайниках души, на душе* и пр. Поведать другому свои переживания и настроения – значит, *раскрыть душу*, нежелательное вмешательство в то, что русский народ называет «жизнью души», вербализуется посредством выражения *лезть в душу*, а оскорбление того, что свято для человека, завуалировано в выражении *плевать в душу*.

Душа в русском народном сознании представляется и как жидкость, наполняющая сосуд, т.е. тело (*опустошить душу, переполнять душу, излить душу, взбаламутить душу, кипеть в душе, неприятный осадок в душе* и т.п.), и как огненная стихия, излучающая тепло и свет (*душа горит, искры души, заронить искру чего-либо в душу, душа остыла, на душе посветлело* и др.).

Таким образом, в русской языковой картине мира душа предстает в самых различных образах: как орган чувств и предчувствий; как материальный орган; как носитель этического идеала; как нечто, связующее человека с высшим духовным началом; как некое вмещителе, тайник, сосуд. Кроме того, понятие души в национальном сознании русского человека тесным образом соотносится с его «личным, внутренним пространством, в которое не должен проникать никто чужой». Душа в таком значении выступает как храм, сокрытый ото всех, кроме самого человека и Бога» [1, с. 134].

В китайском языке коннотацию души, понимаемой как нематериальная субстанция, независимая от тела, имеют два иероглифа 灵 (ling) и 魂 (hun). По крайней мере, в китайско-русских словарях двухкомпонентное слово 灵魂 (linghun) переводится как «душа». Однако, как отмечает Тянь Аошун, данное понятие встречается только в переводах на китайский язык художественных произведений, написанных иностранцами, в том числе и русскими, писателями [4, с. 178]. Например,

«Не на полях земных спасение души, а в долинах райских!» (М. Горький «В людях»).

灵魂的教主不在地上的原野，是在天国的山谷间。 [5].

Этим же сочетанием пользуются современные китайские поэты и писатели, находящиеся под воздействием западной культуры [4, с. 178].

Например,

我说：“在本月，我们亲爱的兄弟藏獒不幸去世，让我们齐叫三声，送它的灵魂返回高原。

«– В этом месяце, – продолжал я, – нас, к сожалению, покинул наш любимый брат мастиф, поэтому давайте все вместе трижды пролаем, чтобы проводить его **душу** на горные пастбища» (Мо Янь) [5].

Из приведенных выше примеров ясно, что linghun – это объект в теле человека, который нельзя увидеть и который после смерти возносится ввысь, на небо.

И в то же время некоторые контексты художественного дискурса показывают, что *linghun* отвечает за эмоциональное состояние человека, а также может мыслиться как вмещителе, что доказывают следующие примеры:

那股弥漫田野的腥甜味浸透了我父亲的灵魂，在以后更加激烈更加残忍的岁月里，这股腥甜味一直伴随着他。

«Запах крови, разливавшийся по полю, пропитал **душу** моего отца, и впоследствии, в более жестокие и безжалостные времена, всегда преследовал его» (Мо Янь) [5].

哥一席长谈，让我胆战心惊，用当时流行的话说，是深深地触及了我的灵魂

«От этой долгой речи брата сердце в пятки ушло. Если использовать расхожее тогда выражение, это воздействовало на меня до глубины **души**» (Мо Янь) [5].

Таким образом, *linghun* – это «некий конгломерат, созданный с целью передачи чуждого для китайцев европейского концепта» [4, с. 179]. Обычные же носители языка ни в быту, ни в литературной речи для обозначения концепта души не употребляют это двусложное сочетание.

Структура концепта ДУША в китайской картине мира состоит из пяти знаков: 灵 (*ling*), 魂 (*hun*), 神 (*shen*), 魄 (*po*) и 心 (*xin*).

Общее значение знаков *ling* и *hun* передается посредством знака *shen* – «дух». В этом ничего удивительно нет, ведь и в русском языке понятие души также часто заменяется духом: *горит душа / дух, воспрянуть душой / духом* и т.п. Но в понятие *ling* входят и те значения, которые не присущи русской душе. Например, «ум», «сообразительность».

她对莫言说：这狗真灵，有时候开放读书入迷，叫不应，它就会跑进来，拽着他的衣裳把他拖走。

«Она сказала Мо Яню: «Какая **умница** этот пес! Кайфан, бывает, зачитается, не откликается. Так он забежит и ну тянуть за одежду» (Мо Янь) [5].

Как видим, понятие *ling* применимо и к животным, если в общении с человеком они проявляют «родственность душ».

С другой стороны, иероглиф *ling* сочетается с иероглифом *xin* «сердце», что характерно и для русского языка. В китайской картине мира сердце также является текущим состоянием души. Психическое состояние человека, его чувства, воля, характер заложены в сердце.

在一线一线阳光射进昏暗的轿内时，奶奶心中丈夫的形象也渐渐清晰起来。

«Когда солнечные лучи проникали в полумрак внутри паланкина, в сердце (душе) бабушки образ мужа постепенно начал приобретать определенные очертания» (Мо Янь) [5].

Однако, *ling*, в отличие от русской души не обладает никакими способностями, свойственными сердцу как материальному органу. Так в китайском языке не допустимы выражения типа душа (*linghun*) болит.

Несмотря на то, что никаких физиологических свойств у *linghun* нет, этот невидимый орган имеет очень четкую локализацию в теле: китайский аналог русской души находится в голове. Согласно русскому представлению, душа локализуется в груди, а в голове находится другой невидимый орган – ум, орган мышления. У китайцев душа, находясь в голове, отвечает за ментальные процессы и представляется как вместительница знаний, мыслей. В китайской картине мира душа – это тот орган, который может помочь человеку осознать что-то, что важно для его жизни, жизненного опыта. Например,

为了实现灵魂的计划，我改变了自己的生活。

«Чтобы реализовать план души, я изменил свою жизнь» [5].

С помощью *linghun* субъект может измениться в лучшую сторону и улучшить свою жизнь. *Linghun* есть жизненное начало в человеке, но она не наделена никакими этическими идеалами (в русском языке душа связана с чем-то чистым, духовным), к которым нужно стремиться, а, скорее, ассоциируется с рациональностью, сознанием, умением анализировать.

И в то же время между китайской *linghun* и русской душой есть нечто общее. Так, когда человек умирает, *linghun* покидает его тело. То же происходит и с душой, за которой, согласно христианской традиции, закрепились ассоциации о некоем объекте внутри человека, который покидает его тело после смерти («Душа его отошла в мир иной»), тогда как на земле остается только его тело («В могиле покоится его тело»). Но, *linghun*, согласно китайским представлениям о душе, продолжает оставаться с родственниками умершего. В выражениях, связанных с ритуалом траура, *ling* олицетворяет тело умершего:

灵龟 (букв. *ling* + медленно движущийся предмет) – «гроб»;

灵车 (букв. *ling* + повозка) – «катафалк».

В китайской репрезентации души особый интерес представляет соотношение знаков 魂 (*hun*) и 魄 (*po*), что характерно для китайского народного сознания. Согласно, китайской народной традиции, душа человека состоит из двух субстанций – «небесной» (魂 *хунь*) и «земной» (魄 *ло*).

Душа *хунь* дается человеку при рождении. Она сходит с Небес и всю жизнь охраняет человека, летая по небу, и, как каждое живое существо, испытывает разные чувства [2, с. 63]. После смерти человека она возносится на небо, превращаясь в добрый дух.

俺爹的魂派我来的，派我来卖药。

«*Душа моего отца послала меня сюда, послала продавать лекарства*» (Мо Янь) [5].

Душа *по* связана с телом. Эту душу человек приобретает на Земле, во время зачатия. После смерти *по* вместе с телом уходит в землю и становится злым и опасным духом [1, с. 134].

Концепт ДУША в китайской языковой картине мира есть образец восточного сознания, нашедшего отражение в мифах и легендах. Но, с позиций китайского менталитета, душа не является эталоном морально-нравственного совершенствования, не является духовной субстанцией, ставшей частью субъекта, как в русском национальном сознании. Таких метафорических выражений, как *душа поет, душа плачет, душа страдает* и т.п., в китайском языке нет. В этом отношении китайская душа более рационалистична.

В русской национально-языковой картине мира душа есть символ внутренней жизни человека. Наверное, поэтому все номинации, концептуально связанные с понятием русской души, метафоричны и персонифицированы.

Литература:

1. Линь Цзиньфэй. Душа и Дух в русской и китайской культурной антропологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 11(77). – Ч. 3. – С. 132–135.
2. Лян Цзин. Русский концепт ДУША на фоне китайского / Лян Цзин // Вестник БДУ. – 2007. – № 3. – С. 62–66.
3. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
4. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
5. Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC. – URL : https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search

Literature:

1. Lin Jianfei. Soul and Spirit in Russian and Chinese cultural anthropology / Lin Jianfei // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – Tambov : Diploma, 2017. – № 11(77). – Part 3. – P. 132–135.
2. Liang Jing. The Russian concept of the SOUL against the background of the Chinese / Liang Jing // Bulletin of the BDU. – 2007. – № 3. – P. 62–66.
3. The role of the human factor in language. Language and worldview / Edited by B.A. Serebrennikov. – M. : Nauka, 1988. – 216 p.
4. Tan Aoshuang. The Chinese picture of the world: Language, culture, mentality. – M. : Languages of Slavic culture, 2004. – 240 p.
5. 중국-러시아 평행 하위. – URL : https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search

ПАТРИОТИЗМ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

PATRIOTISM IN THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Кузьмичева Людмила Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории,
философии и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
имени А.К. Кортунова,
Донской государственный аграрный
университет, г. Новочеркасск
mila.donchenko.74@mail.ru

Lyudmila N. Kuzmicheva
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy
and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering
and Reclamation Institute
named after A.K. Kortunov,
Donskoy State Agrarian University,
Novocherkassk
mila.donchenko.74@mail.ru

Харитоновна Илона Олеговна
студент факультета
бизнеса и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
имени А.К. Кортунова,
Донской государственный аграрный
университет, г. Новочеркасск
ilona2002.ik@gmail.com

Ilona O. Kharitonova
Student of the Faculty
of Business and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering and Meliorative
Institute named after A.K. Kortunov,
Donskoy State Agrarian University,
Novocherkassk
ilona2002.ik@gmail.com

Аннотация. В статье определяется роль патриотизма в истории выработки постулатов русской философской школы. Патриотизм основан на патриотическом сознании, деятельности, отношении и организации. Патриотическое сознание – особый вид общественного сознания, связанный с его прочими формами. Патриотическая деятельность – способствует реализации интересов и ценностей в формате определенных действий и проступков. Патриотические отношения – взаимосвязанная система по организации деятельности отдельных индивидов и групп. Патриотическая организация – институт, осуществляющий воспитание внутреннего патриотизма и патриотической пропаганды. Перспективы заключаются в дальнейшем просвещении читателя идеями русского патриотизма, с учётом исторической парадигмы.

Ключевые слова:

патриотизм, философия, история, Отечество, идеология, Родина.

Annotation.

The article defines the role of patriotism in the history of the development of the postulates of the Russian philosophical school. Patriotism is based on: patriotic consciousness, activity, attitude and organization. Patriotic consciousness is a special kind of social consciousness associated with its other forms. Patriotic activity – promotes the realization of interests and values in the format of certain actions and offenses. Patriotic relations are an interconnected system for organizing the activities of individuals and groups. A patriotic organization is an institution that promotes internal patriotism and patriotic propaganda. The prospects are to further educate the reader with the ideas of Russian patriotism, taking into account the historical paradigm.

Keywords:

patriotism, philosophy, history, Fatherland, ideology, Homeland.

В современных условиях развития социума вопрос патриотизма является одним из самых актуальных в сфере духовно-нравственной жизни каждого индивида. Понимание патриотизма, оценка его роли в формировании личности гражданина во многом обусловле-

на воспитанием, мировоззрением и обучением, которое занимает передовые позиции в структуре личности. Значительная доля экспертов, учёных и исследователей делают акцент в структуре патриотизма на три основных компонента: патриотическое понимание, патриотическую деятельность и патриотические взаимоотношения, некоторые добавляют к ним четвертую составляющую – патриотическую организацию [1]. Патриотическое сознание формирует особую конфигурацию общественного сознания, сочетающую в себе политическую, социальную, правовую, церковную, историческую, высоконравственную составляющие. Политическая концепция общества посредством воздействия властных структур накладывает существенный отпечаток на сознание, а также представления граждан. К большому огорчению, далеко не каждый способен отличить Государство, представленное императивной элитой, и Отечество, что значительно обширнее своей политической составляющей. Настоящий патриот не ставит в вину своей Родине то, что в эпоху перемен жить на родной земле нелегко, а порой и очень трудно. Именно в подобные периоды и проверяется стойкость патриотических чувств и эмоций.

Возникновение патриотизма в качестве определяющей для отечественной философии, начинается ещё в эпоху античности. Особое место среди ответственностей каждого гражданина занимал долг перед Родиной. В вопросе изучения патриотизма, немаловажно использовать субъектно-объектный метод, где субъектом выступает гражданин, а объектом – государство. Эпохе феодализма характерно вмешательство церковной идеологии во взаимоотношения между личностью и государством. Церковь всегда прославляла земное Отечество, включая «град земной» и «град божий», которые накладывали собственные обязательства перед собой [2]. По прошествии некоторого времени, взгляды на патриотизм трансформировались, переходя с уровня эмоционального на этап рационально-идеологический. Новое время освобождает патриотизм от перманентного религиозного влияния. Великая французская революция определяет место «патриотизма» в общественно-политических словарях. Позднее появляется так называемый «советский патриотизм», формировавшийся под влиянием устранения «эксплуатации человека человеком» и установления диктатуры пролетариата.

Патриотическая проблема во все времена оставалась злободневной как в духовной, так и в нравственной сфере общественной жизни. Так или иначе, труды передовых философов России и мира затрагивали её. Патриотическими вопросами задавались: Платон, Гегель, Ломоносов, Чаадаев, Тютчев, Чернышевский, Ленин и не только. Также, особую ценность в изучение вносили и советские деятели науки – Н. Губанов, В. Макаров, Ю. Дерюгин, Т. Беляев, Ю. Петросян, Г. Кочкалда. Эти исследования, посвященные природе патриотизма, включали в себя: анализ соотношения обыденного и теоретического уровней, поиск взаимосвязей между формами сознания в обществе [3]. Через некоторое время после распада Советского Союза, сознание жителей постсоветского пространства было не способно на разумную оценку произошедших социально-экономических и духовно-политических изменений внутри страны; социалистические устои, на которых держалось сознание советского человека, не могли так быстро адаптироваться к новым общественным реалиям. Невзирая на это, интерес к патриотизму не падать, а неустанно рос: различные социальные группы придерживались диаметрально противоположных мнений, колебавшихся от полного отворачивания до безусловной поддержки. Вопреки тому, что особое внимание уделялось бережному сохранению разнообразного спектра ценностей, коими был наполнен российский патриотизм, в настоящее время понятие Родины, которое всегда имело ценность для русского человека, потеряло своё содержание. Глобализация непреклонно просачивается в российское общество. Его влияние расползается как на общественную жизнь, так и на патриотизм. Всечеловеческим ценностям почти всегда отдают предпочтения, ведь за ними, то и дело, стоят интересы конкретных государств и различных социальных слоёв внутри этих государств. Они в свою очередь, не считаются с интересами соседних стран, народов и общественных групп, стократ идущие вразрез с ними. Процесс глобализации неумолимо проникает в российское общество. Его влияние распространяется как на сферы жизни в целом, так и на патриотизм в частности. Общечеловеческим ценностям отдают предпочтения почти всегда, за ними зачастую стоят интересы конкретных государств, различных общественных слоёв. Они в свою очередь, нередко, не принимают во внимание круг интересов иных стран, народов и общественных групп, не единожды идущие вразрез с ними.

Процесс глобализации предрасположен к объективизации, однако должен реализовываться с учётом заинтересованности каждого из участников интернациональных взаимоотношений. К тому же, только при согласованном сочетании интересов и ценностей всех членов мирового сообщества человечество будет способно решить проблемы глобального характера. Именно чистый патриотизм и любовь к Родине в этом долгом процессе должны придать самое активное и созидательное назначение. Мало того, современную Россию не обошли стороной националистические и расистские движения. Значительная их доля, неограниченно используют

терминологию патриотизма и этим привлекают политически-незрелых граждан, под свои знамёна. Национализм становится мировоззрением, как маргинальных групп, так и руководителей ряда Российских регионов. В данной ситуации, наиболее остро стоит вопрос о выяснении единого и особенностей идеологий и их направлений, самоидентификации нации в соответствии с общегосударственной трактовкой постулатов патриотизма [4].

Михаил Васильевич Ломоносов в своей деятельности в сфере патриотического и прочего просвещения главную роль определял в получении научных и исследовательских знаний, а также работе по их распространению. Борьба за такую благодетель для него означало соперничество за величавое благо Отчизны. Главная задача состояла в том, чтобы благоприятствовать развитию так обожаемой им Родине, через формирование и развитие внутри России науки и просвещения людей. Ломоносов обладал высочайшей, эффективной, действенной формой патриотизма. Акцент на это делали все его современники без исключения, из числа тех, кто в той или иной степени взаимодействовал с философом. Высшая форма пиетета к малой родине – характерная для каждого русского человека черта. Однако мыслитель по данной теме изъяснялся особенно ярко и наглядно. Каждый человек так или иначе взаимодействует с культурой своей цивилизацией, характерной для своего временного периода. Человек живет в ней, впитывает её с молоком матери, функционирует в ней и её же обогащает. Философия Ломоносова продвигает теорию о неисчерпаемости возможностей государства [5]. Мыслитель очерчивал для себя и чувствовал значительную мощь народа. Все это рождало в нем безграничное чувство любви к своей стране, всеми фибрами души желал содействовать ее процветанию. Все эти чувства воочию соседствуют с российской идеологией Ломоносов глубоко верил в русский народ, а также в государство. Вследствие этого, понимание патриотизма М.В. Ломоносовым является основой для развития общества и государства в целом. Любовь к Родине – гордость за достижения и культуру своего народа, стремление сохранить и приумножить собственные черты и особенности, желание охранять интересы как Родины, так и своего народа.

Мысли новаторского 1917 года не остались незамеченными в целях всеобъемлющего понимания сущности патриотизма. Владимир Ильич Ленин, в свою очередь, выдвинул идею об особом варианте патриотизма, «революционный патриотизм рабочего класса (трудящихся)». Главенствующим аспектом этой модификации патриотизма, считается концепция исторического назначения советского народа – стать плацдармом в процессе постройки всемирного коммунизма, служить его делу и ответственно подходить к процессу расширения связей между социалистическими странами. Наравне с этим, в государстве формируется эмоционально-пропагандистская обстановка, идущая нога в ногу с абстрактными доказательствами данной концепции. Вождь мирового пролетариата сокрушил патриотизм согласно классовому постулату. В соответствии с ним, социологическая дисциплина, а также идеология марксизма полностью игнорировали «разнокалиберностью» общества и рассматривали только патриотизм, исходящий из социума [6].

В 30-е года XX столетия начался возврат патриотизма в политическую деятельность Советского Союза. Начинают создаваться два течения патриотической мысли: народный и формальный патриотизм [7]. Официальный соединялся с «Большой Родиной» и выстраивался на любви к социализму, советской власти, партии и её вождя. Именно она исходила свыше, поддерживалась пропагандой, а также в основном имела воздействие на молодое поколение. Народная любовь к Родине несла в себе национальный дух, самосознание, традиции и устои. Этот вид патриотизма отчасти схож с формальным, но, как свидетельствуют различные бумаги и документы того времени, исследование прессы и другие условия, народному патриотизму характерны свои особенности. В начале Великой Отечественной войны обе ветви патриотизма соединились и на лидирующее место вышел народный патриотизм.

В настоящее время в Российской Федерации реализуются и формируются большое количество социальных проектов, создающих патриотическое воспитание и ценности. Патриотическое воспитание обладает первостепенным значением в развитии патриотизма среди детей, подростков и молодёжи, по этой причине очень важно обеспечить и гарантировать эффективные механизмы для практической реализации разработанных проектов и планов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что любовь к Родине представляет собой выражающееся в деятельности чувство влюблённости, в первую и самую главную очередь, к своему Отечеству. Он сочетает в себе такие компоненты, как забота, внимание, ответственность и уважение к своему Отечеству. Патриотизм нельзя ограничивать и игнорировать в рамки интересов отдельных классов. К функциям патриотизма можно отнести идентификационную, организационно-мобилизующую и интеграционную. Роль идентификации проявляется в исполнении потребностей в уподоблении личности с конкретной социальной категорией. Организационно-мобилизующая функции включает в себя желание к патриотической деятельности, как

индивидов, так и общностей. Роль интеграционной функции устанавливает возможности согласно слиянию различных индивидов и групп. В результате всего, патриотизм понимается как нужда личности, социальной категории, общества, являющаяся основополагающим условием их жизни. От отношения к патриотизму зависит благополучное будущее всего человеческого общества.

Наряду с формированием академического миропонимания, патриотизм должен быть основным течением в воспитании молодого поколения. Именно любовь к Родине, гордость за свое отечество, его историю, историю своего края, своей малой Родины, учебного заведения и предприятия сегодня приобретают особую важность и ценность. Патриотизм накапливает в себе все позитивные качества: и добросовестный труд, и отличное выполнение воинских обязательств, и решительность в научной деятельности, и нравственную безупречность, и здоровый образ жизни современного российского человека. Всё это без исключения создаёт патриотизм базой в развитии общественного уклада нашего общества и мира.

Литература:

1. Пашкович И.А. Патриотическое воспитание: система работы, планирование, разработка / Авт.-сост. И.А. Пашкович. – Волгоград, 2006. – 169 с.
2. Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России / С.Ю.Иванова; М-во образования Рос. Федерации, Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003. – 299 с.
3. Патриотическое сознание: сущность и формирование / А.С. Миловидов, П.Е. Сапегин, А.Л. Симагин [и др.]. – Новосибирск, 2017.
4. Бочарникова И.В. Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М. : Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.
5. Козиков И.А. «М.В. Ломоносов о просвещении России» – Социология / И.А. Козиков; Контент-платформа Cyberleninka.ru. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-v-lomonosov-o-prosveschenii-v-rossii/viewer> (дата обращения 25.12.2022).
6. Хромова М.Н. идеи патриотизма в трудах отечественных философов и педагогов / М.Н. Хромова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5-2. – С. 379–382. – URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33885> (дата обращения 05.01.2023).
7. Гузенкова Т.С. Патриотизм как идеология возрождения России : Сб. и ст. и докл. / Отв. ред. д-р ист. наук Т.С. Гузенкова; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2014. – 260 с.

Literature:

1. Pashkovich I.A. patriotic education: system of work, Planning, Development / Author-comp. I.A. Pashkovich. – Volgograd, 2006. – 169 p.
2. Ivanova S.Yu. patriotism in the system of socio-cultural values of modern Russia / S.Yu. Ivanova; Ministry of education of the Russian Federation, Stavrop. Gos. University. – Stavropol : SSU publishing house, 2003. – 299 p.
3. Patriotic consciousness: essence and formation / A.S. Milovidov, P.E. Sapegin, A.L. Simagin [et al.]. – Novosibirsk, 2017.
4. Bocharnikova I.V. patriotism as a factor of development of the Russian state / Russian Economic University named after G.V. Plekhanov / Under the general editorship by I.V. Bocharnikov. – M. : Moscow house of nationalities publ., 2015. – 368 p.
5. Kozikov I.A. «M.V. Lomonosov on the Enlightenment of Russia» – Sociology / I.A. Kozikov; Content platform Cyberleninka.ru. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-v-lomonosov-o-prosveschenii-v-rossii/viewer> (date of the application 25.12.2022).
6. Khromova M.N. ideas of patriotism in the works of Russian philosophers and teachers. – 2014. – № 5-2. – P. 379–382. – URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33885> (date of the application 05.01.2023).
7. Guzenkova T.S. Patriotism as an ideology of the revival of Russia: Collection and art. and report. / Managing editor, Doctor of Historical Sciences T.S. Guzenkov; Russian Institute for Strategic Studies. – M. : RYSY, 2014. – 260 p.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

Журнал выходит в электронной и печатной версии (после выхода печатной версии высылается авторский экземпляр на указанный почтовый адрес)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ В СООТВЕТСТВИИ С ГРАФИКОМ

Условия публикации:

- Редакционный совет принимает материалы, присланные по электронной почте national-zdorov@mail.ru, milena.555@mail.ru.
- Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями.
- Редакционный совет рассматривает Вашу статью (5–7 дней);
- В случае положительной экспертизы редакция высылает Вам ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.
- Авторам, обучающимся в аспирантурах, адъюнктурах государственных вузов Российской Федерации необходимо предоставить справку из аспирантуры, адъюнктуры вуза установленной формы для бесплатной публикации.
- Редакция высылает вам счет и договор на оплату. Подписанный договор в отсканированном виде высылаете нам обратно. Статья принимается после оплаты.

Требования к публикации:

Автор(ы) гарантирует(ют), что публикуемое произведение не является плагиатом, не содержит государственную тайну и исключительные права на данное произведение ранее не переданы третьему лицу, а также не содержит запрещенных к открытой публикации материалов в строгом соответствии с национальными законодательствами и внутренними программами в области экспортного контроля.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие автора с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме и свободном доступе в электронной и печатной версиях журнала, а также в электронных библиотеках и базах цитирования без выплаты авторского вознаграждения.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

- Количество соавторов в одной статье допускается не более 4-х человек.
- Авторам, не имеющим степень доктора наук, необходимо предоставлять рецензию.
- Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
- Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
- Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 7–24 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
- К статьям должны прилагаться справки об их проверке на антиплагиат (например: скриншот из программы).

В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

- Код УДК;
- Сведения об авторах (рус./англ.):
 - а) фамилия, имя, отчество (полностью);
 - б) ученая степень;
 - в) ученое звание;
 - г) должность, место работы (без сокращений);
 - д) контактный E-mail автора.
 - е) контактный номер телефона.
- Название статьи (рус./англ.);
- Аннотация (8–10 строк) (рус./англ.);
- Ключевые слова (8–10 слов или словосочетаний) (рус./англ.);
- Основной текст статьи на русском или английском языке.
- Ссылки (рус./англ.).

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ / NATIONAL HEALTH

Сетевое издание / Online edition

№ 1 от 25.03.2023

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
д-р мед. наук, проф., академик РАН
Порханов Владимир Алексеевич

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Бугаенко Ю.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.03.2023
Подписано к публикации 25.03.2023

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-82307 от 10 декабря 2021 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com